



БРЭКСТЕН

БРАТЯ КРИД # 2

К. С. ЛИНН

Судьба сделала нас братьями, верность — семьей.

Мы были всего лишь детьми, когда меня и моих братьев вынудили жить на улице и прятаться в тени, скрывая мрачную тайну, которую мы намеревались унести с собой в могилу.

Именно тогда был заключен договор, образовалось братство.

Мы сражались, мы истекали кровью, но, в конце концов, выжили. И все потому, что один человек приютил трех бездомных мальчиков и полюбил их, когда никто больше не хотел их любить.

Теперь, годы спустя, прошлое, которое мы считали мертвым и похороненным, накатывает ударной волной, принося с собой голубоглазого ангела. Женщину без памяти, но чье тело обнажает те же непростительные раны, что оставили шрамы и в моей душе.

Это создает неоспоримую связь между нами. Связь, которая снова безвозвратно изменит отношения между братьями и мной, заведя нас напрямиком в паутину мести убийцы-садиста.

Пришло время встретиться лицом к лицу с тем, с чем мы боролись, ради выживания. Только на этот раз мы не беспомощные дети. На этот раз мы упокоим демонов раз и навсегда.

К. С. Линн

Брэкстен

Серия: Братья Крид — 2

Перевод: Алла

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление: Eva_Ber

Брэкстен

Брэкстену тринадцать лет

В глубине леса, рядом с угасающим костром, звезды усеивают темное небо, заставляя вселенную казаться многообещающей, хотя на самом деле в ней нет ничего, кроме боли и лишений. По крайней мере, для нас с братьями.

Нокс спит по другую сторону теплого пламени, в то время как Джастис прислонившись спиной к дереву, стругает палку карманным ножом и следит за происходящим вокруг. Мы дежурируем посменно, зная, что кто-то все время должен оставаться начеку. Никогда не знаешь, какой враг нанесет следующий удар, и нам троим невозможно быть слишком осторожными.

Прошло шесть месяцев с той ночи, как мы сбежали из приюта, где все познакомились, спасаясь от ублюдка-садиста Хоббса, главного надзирателя, которому нравилось издеваться над беззащитными детьми. Благодаря братьям, он больше никогда не причинит вреда другому ребенку так, как делал больно мне все эти месяцы.

В ту ночь мы сбежали, не имея на себе ничего, кроме одежды, да и та была скудной. Об этом решении я не жалею, но в такие ночи, как эта, когда голодные спазмы невыносимы, а поражение кажется слишком близким, я задаюсь вопросом: стало ли нам лучше.

Каждое утро мы просыпаемся, надеясь пережить еще один день. Боремся за пропитание, сон и хоть какое-то подобие тепла. Воруем еду, одежду или вот эти спальные мешки, которых у нас сейчас есть. Эта борьба непрестанна, но потом я вспоминаю побои и понимаю, что лучше где угодно, даже на улице, но только не там, откуда мы сбежали.

Поскольку сна нет ни в одном глазу, я оставляю попытки задремать и вылезаю из спального мешка, чтобы сменить Джастиса на посту.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, когда я сажусь рядом с ним, но не прерывает своего занятия.

— Я не могу уснуть. Так что, иди ложись, незачем тут сидеть.

Он, наконец, поднимает голову смотрит на меня.

— Что не так?

Я пожимаю плечами, не желая обременять его своими мрачными мыслями.

— Поговори со мной, Брэкс.

С тяжелым вздохом я сдаюсь.

— Не знаю, брат. Иногда я задаюсь вопросом: станет ли жизнь лучше, чем сейчас. Узнаем ли мы, каково это — жить нормальной жизнью.

— Наша жизнь уже лучше, и однажды мы докажем это всему остальному миру.

Несмотря на заверения, я вижу в его глазах то же беспокойство и неуверенность в нашем будущем. Если нам не улыбнется удача, не представляю, как мы сможем убраться с улиц.

— Кроме того, у нас есть то, чего нет у многих других.

— Чего — одной пары трусов? — шучу я, но моя шутка не находит должного отклика.

— Нет, мы есть друг у друга.

Вся мощь правды его слов врезается мне в сердце.

Он прав. Я бы не променял ни его, ни Нокса на теплую еду или еще более теплую постель. Мои братья — это семья, которой у меня никогда не было. Моя родная мать

выбросила меня, как вчерашний мусор, в то время как Джастис и Нокс отдали бы ради меня все, что у них есть, точно так же, как и я ради них.

Возможно, они всего на год старше меня, но все же взяли на себя роль старших братьев. Заботились обо мне именно так, как обещали, когда полгода назад мы заключали наш договор. Иногда я ловил их на том, что они отказываются от еды, которую нам удавалось украсть, только для того, чтобы я мог съесть больше.

Нас свели вместе ужасные обстоятельства, но судьба дала нам гораздо больше. Судьба сделала нас братьями, верность — семьей. Я с радостью буду голодать всю оставшуюся жизнь, если так смогу сохранить их обоих навсегда.

Тихий стон проникает в наш разговор, звук переходит в мучительное хныканье. Мы с Джастисом смотрим на Нокса, он ворочается с боку на бок в очередном кошмаре. Они часто его посещают. Что бы его ни мучило, это всегда одно и то же: то, что он хранит глубоко внутри. Это разъедает его душу, преследуя самыми темными ночами.

Мы с Джастисом рассказали, откуда родом и как попали в приют, но не Нокс. Он поведал нам о некоторых дерьмовых приемных семьях, в которых побывал, но ничего о своих биологических родителях. Каждый раз, когда мы затрагиваем эту тему, в его глазах мелькает невыносимая боль, демоны, которых я прежде не видел, вырываются на поверхность. Нечто худшее, чем то, с чем столкнулись Джастис и я, а нам пришлось повидать довольно ужасов.

Пусть я не помню свою биологическую мать, но знаю, каково это — быть избитым до полусмерти, запертым в темном чулане на несколько дней без еды и воды людьми, которые должны были дать тебе приют.

У всех нас есть прошлое, которое преследует нас, но у меня складывается такое чувство, что муки брата в этих кошмарах, превосходят все, что мы можем себе представить.

Когда его метания становятся хуже, Джастис встает и подходит к нему. Осторожно наклоняется, будя нежным прикосновением к плечу.

Брат не любит, когда к нему прикасаются, его передергивает от одной мысли об этом. Любой физический контакт, даже со стороны Джастиса и меня, в лучшем случае минимален и нерешителен. Его страдания и страх — еще одна причина, по которой я не уверен, что хочу знать содержание его кошмаров.

— Нокс, брат. Проснись.

— Нет. — Единственное слово беспомощно срывается с его губ, когда он теряется в темноте, удерживающей его в плену.

Как раз в тот момент, когда я подумал, что хуже уже быть не может, его тело сотрясают сильные конвульсии. Его отчаянные крики о помощи пронзают ночь, а пальцы царапают воздух.

Джастис хватается за плечи, прижимая к земле, сам ударяясь в панику.

— Проснись, черт возьми!

Нокс с ревом просыпается, машет кулаками во все стороны, опрокидывает Джастиса навзничь и наваливается на него сверху.

Я вскакиваю на ноги, готовясь рвануть на помощь, когда Джастис, наконец, берет верх, сбрасывая с себя Нокса.

— Остановись, брат! Это я. Джастис.

Нокс приходит в себя и, скребя ботинками землю, отползает назад. Мы с Джастисом наблюдаем, как он поднимается, затравленный взгляд блуждает по темноте в попытке

осознать реальность. Грудь вздымается, тело влажное от пота, и он в ужасе смотрит на нас.

— Все в порядке, брат, — мягко уговаривает Джастис, словно пытаюсь успокоить дикое животное. — Все хорошо.

Нокс открывает рот, чтобы заговорить, но тут же его захлопывает. Проходит совсем немного времени, прежде чем его страх превращается во что-то совершенно другое, им овладевает отчаяние.

— Она не должна была так любить меня. — Откровение переходит в душераздирающий всхлип, и от боли он падает на колени.

Мое грохочущее сердце проваливается прямо в желудок.

Мы с Джастисом обмениваемся взглядами, наш ужас отражает ужас другого. Джастис первым приходит в движение, в то время как я не могу пошевелиться.

Я слишком напуган, чтобы двигаться, слишком напуган, чтобы дышать.

Он обнимает Нокса за плечи, прижимая к себе, и шепчет успокаивающие слова. Это редкое прикосновение, в конце концов, приводит мои ноги в движение.

С трудом сглатывая, сажусь по другую сторону от Нокса, опуская руку ему на плечо, пока он продолжает рыдать, уткнувшись в колени. От его горестных звуков глаза начинают жечь.

Если бы я мог забрать его боль и нести ее как собственную, то сделал бы это, но я могу... ни один из нас не может.

В ту ночь брат рассказал нам историю, настолько ужасную, мерзкую и извращенную, что она запятнала часть моей души, изменив все, что, как я думал, знал об уродливом мире, в котором мы жили. Я был так уверен, что уже столкнулся лицом к лицу со всеми монстрами, которых могла породить эта жизнь, но я ошибался.

Очень сильно ошибался.

Нокс столкнулся с гораздо большим злом, чем любой из нас мог себе представить, и это сломало его безвозвратно. С этого момента мы с Джастисом поклялись, что он никогда больше не узнает такого страха и боли. Никогда не будет отравлен чьим-то прикосновением, потому что мы будем рядом, чтобы защитить его.

С этого момента наша связь стала чем-то большим, чем договор.

Она стала нерушимой.

Глава 1

Алиса

Наши дни

Связанная и с кляпом во рту, мое изломанное тело яростно дергается от каждого удара колес о неровности дороги. Агония обжигает кожу заплаканной щеки, когда она царапается о грязный, грубый ковер. Неважно, как сильно я борюсь, чтобы вырваться из замкнутого пространства, это бесполезно.

Выхода нет.

Тьма насмехается над сознанием, угрожая схватить меня в свои смертельные лапы. Теперь я понимаю, что это конец, мое время на этой земле, наконец, истекло.

Большинство боится смерти, но только не я. Я молюсь, чтобы она пришла, стремлюсь к покою, который она принесет. Все, чего я хочу, это воссоединиться с мамой и ангелами, а не остаться с монстром, которого я была вынуждена терпеть после ее смерти.

Ток крови, приливающий к сердцу, замедляется от страха, когда я чувствую, что машина останавливается. Секундой позже багажник распаивается, открывая взору чернильное небо и полную луну. Вокруг зловеще тихо, слышны лишь отдаленные звуки природы. Пока не раздастся свист — леденящая душу мелодия, которая преследует меня на каждом шагу.

Его тень выглядит как мрачный жнец, лицо чистого зла. Он держит лом, металл ударяется по ладони с таким звуком, что я вся немею.

— Время вышло, Алиса.

Мое тело охватывает неудержимая дрожь, когда он подтверждает то, что я уже и так подозревала.

Сверху на меня устремлен зловещий взгляд, а жестокая улыбка выгибает уголки губ.

— Твоя смерть станет моей приманкой, и я, наконец, отомщу.

Месть. Именно она двигала каждым садистским поступком, который он совершал. Месть украли годы моей жизни, а теперь та же участь постигнет кого-то еще.

Его ухмылка исчезает, в глазах появляется холодный и стальной блеск, когда он поднимает лом.

— Расплата будет такой чертовски сладкой.

Не говоря больше ни слова, он опускает твердый металл на мое тело, погружая меня в крошечную темноту.

Брэкстен

Я еду на тракторе сквозь густые посевы, помогая отцу подготовиться к предстоящей осени, жаркое солнце обжигает сквозь одежду так, что по спине струится пот.

Несмотря на раннее утро, я не могу не оценить акры земли, которые мне посчастливилось называть домом с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. И все потому, что некий одинокий фермер приютил трех бездомных подростков, искавших убежище в его сарае холодной дождливой ночью.

Мы ушли с улиц, где каждую секунду боролись за выживание, чтобы обрести дом и семью, о которых всегда мечтали. Именно поэтому каждый из нас встает ни свет, ни заря, надрывает задницы, чтобы помочь сохранить то, что всегда будет нашим домом. Возможно, у нас разные ДНК и цвет кожи, но наши узы крепче любых кровных.

Если кто-то вздумает шутить шутки с одним — остальные в стороне не останутся.

Это семьи-основатели нашего маленького исторического городка узнали на собственном горьком опыте, когда решили угрожать отцу и нашему дому. И все из-за нефти, погребенной под этой почвой, стоимостью миллионы долларов. Мало кто выжил, чтобы рассказать об этом, и это установило приоритет для любого, достаточно глупого, чтобы связываться с моей семьей.

Сворачивая направо, минуя Нокса, он подбирает за мной остатки урожая, изо рта у него свисает сигарета. Салютую ему кружкой с кофе, одаривая самодовольной улыбкой, на что получаю средний палец.

Усмехаюсь, ничуть не извиняясь за то, что сегодня тяжелую работу выполняет его жалкая задница. Это справедливо, так как в прошлый раз все удовольствие досталось мне.

Когда я приближаюсь к границе участка, что-то привлекает мое внимание: цветная вспышка в канаве. Я хмурюсь при виде бесформенного очертания и торможу.

Заглушив трактор, спрыгиваю вниз и иду в том направлении. Затылок начинает покалывать, с каждым осторожным шагом тело пронизывает напряжение. Только когда я оказываюсь в нескольких футах от своей цели, различаю длинные светлые волосы и голые ноги.

Какого хрена?

Адреналин скачет по венам, толкая меня вперед. От предстоящего зрелища, останавливаюсь как вкопанный. На земле лежит молодая женщина, полуголая и жестоко избитая, запястья связаны, ночная рубашка на черно-синем теле разорвана в клочья.

— Господи, — единственное слово едва пробивается сквозь желчь, медленно поднимающуюся к горлу.

Опускаюсь рядом с ней, пытаюсь нащупать пульс. Секундой позже она вздрагивает, с потрескавшихся губ срывается тихий, болезненный стон.

— Эй, ты меня слышишь?

Опухшие веки распахиваются, открывая самые поразительные голубые глаза, которые я когда-либо видел. Контраст настолько уникален, что я оказываюсь вырванным из ужаса этого момента. Прозрачные, как стекло, и в то же время синие, как океан, они погружают меня в море эмоций, которые я не могу понять.

— Это ты, — шепчет она, на избитом лице проступают удивление и узнавание.

Я моргаю, глядя на нее, понятия не имея, кто она, черт возьми, такая.

— Ты должен бежать, — бормочет она предупреждение с испуганным хныканьем, слабый голос прорывается сквозь неглубокие вдохи. — Он придет за тобой.

Это последнее, что она успевает сказать, прежде чем ее тело обмякает, и она снова впадает в беспамятство.

Отбросив в сторону все вопросы, оставшиеся без ответа, закидываю ее связанные запястья себе на шею, беря на руки истерзанное тело, и поднимаюсь. Отказываюсь от трактора, зная, что это займет слишком много времени, и бегу обратно к дому.

Как только приближаюсь к гравийной дорожке, замечаю отца, направляющегося к сараю.

— Папа!

Тревога в моем голосе останавливает его на полпути. Он поворачивается, замечает, что я держу на руках, и беспокойство подталкивает его вперед.

— Сынок, что, ради всего святого...

— Заводи грузовик. Нам нужно немедленно доставить ее в больницу!

Без дальнейших вопросов он мчится к своему пикапу.

Слева подбегает Джастис, его лицо искажено от шока при виде моей ноши.

— Брэкс, что за нахрен?

— Звони Крейгу, — приказываю я, имея в виду шерифа, а также нашего друга. — Скажи ему, чтобы прислал сюда людей. Она лежала рядом с водопропускной трубой в левом секторе.

Он тянется к телефону, быстро набирает номер и направляется к дому.

— И, Джастис.

Он оборачивается, его серьезный взгляд встречается с моим.

— Не спускай глаз с Райан и Ханны. Думаю, нам оставили ее в качестве послания. — Понимание обжигает все внутри, когда я вспоминаю последние слова, с которыми девушка обратилась ко мне.

От этой информации челюсть Джастиса отвисает. С трудом кивнув, он продолжает разговор с женой и дочерью, прижимая телефон к уху в ожидании ответа.

Когда папа подъезжает ко мне, я забираюсь на заднее сиденье, крепко прижимая к себе молодую женщину. Шины взрывают гравий, и грузовик мчится вперед.

— Поговори со мной, сынок, — спокойно начинает отец, намного, черт возьми, спокойнее, чем я себя чувствую. — Расскажи, что случилось.

— Она лежала на земле, — слова едва слышны, пока я пытаюсь разобраться во всем произошедшем. Я смотрю на ее избитое лицо, на золотистые волосы, измазанные кровью, и чувствую, как мной овладевает нечто-то темное.

Несмотря на синяки, она выглядит молодо — может, чуть за двадцать. Она маленького роста, избитое тело — самая хрупкая вещь, которую я когда-либо держал в руках.

В голове проносятся все те вещи, которые могли с ней случиться, и ни одна из них не представляется мне хорошей.

Мы прибываем в больницу почти через пятнадцать минут, гораздо быстрее, чем, если бы дожидались «скорой». С криками о помощи бросаюсь через двери.

Медсестра подбегает ко мне с каталкой. На ее лице отражается шок, когда она видит связанную девушку.

— Что, ради всего святого, случилось?

— Я нашел ее такой, — спешу объяснить я. — Пульс у нее прощупывается, но очень слабый.

Как только я укладываю девушку на каталку, она снова приходит в сознание. Ее глаза открываются, встречаясь с моими, и останавливаются на секунду.

— Пожалуйста, не оставляй меня, — срывается с ее губ мольба.

Я тянусь к ее избитой руке, меня притягивает необъяснимая сила. Прежде чем успеваю установить контакт, подбегает другая медсестра с капельницей и отталкивает меня прочь.

Она начинает грубо дергать за веревки, чтобы освободить руки, достаточно агрессивно, чтобы из горла женщины вырвался болезненный стон. Ее глаза закатываются, и она снова теряет сознание.

— Осторожнее с ней, — рявкаю я, отталкивая руки медсестры. — Разве не видите, что ей и так адски больно!

Ее жесткий взгляд устремляется на меня, на лице отражается неодобрение. На нас с братьями часто так смотрят в этом городке. В большинстве случаев меня это не беспокоит, но в данный момент все по-другому, потому что я не сомневаюсь, о чем она думает.

— Не мешайте нам, мистер Крид, и дайте делать нашу работу.

Обе медсестры двигаются с каталкой по коридору и зовут врача. Я следую за ними, отказываясь нарушать только что данное обещание, пока первая медсестра не останавливает меня, упирая руку мне в грудь.

— Ждите здесь, — жестко приказывает она.

— Забудьте об этом, леди. Я ее не оставлю.

— Вам запрещено входить в эту комнату. Если хотя бы попытаетесь, я вызову охрану и вас выведут из больницы.

— В этом нет необходимости. — К нам подходит отец и встает рядом со мной, его рука опускается мне на плечо. — Пойдем, сынок. Позволь им делать свою работу. Пусть они ей помогут.

Я выдерживаю презрительный взгляд медсестры и подаюсь к ней ближе. Только тогда часть ее решимости ускользает.

— Если после того, как вы с ней закончите, она не будет дышать, вы тоже перестанете.

Ее глаза сужаются еще сильнее, но это никак не помогает скрыть таящийся в них страх.

— Присяжьте. Уверена, у полиции найдутся к вам вопросы. — Она врывается в больничную палату, захлопывая дверь у меня перед носом.

Мне требуется все мужество, чтобы не броситься за ней, и к черту последствия.

— Пойдем, сынок. — Отец кладет руку мне на спину. — Подождем Крейга.

Позволяю ему утянуть меня в приемную, но я слишком обеспокоен, чтобы сидеть. Меряю шагами пол, мысли путаются, когда предупреждение девушки гремит у меня в голове.

Ты должен бежать. Он придет за тобой.

Я понятия не имею, о ком она говорила, но обязательно выясню, и тогда ублюдок почувствует гнев моей мести.

Проходит мучительный час, прежде чем, наконец, появляется Крейг. Плохо то, что с собой он притащил Рассела Пирса, помощника шерифа, который тесно сотрудничал с предыдущим шерифом, Тодером. Я терпеть не могу этого говнюка, он такой же высокомерный, каким был Тодер, и не сомневаюсь, что такой же коррумпированный. Мы с братьями учились с ним в школе, и там он тоже был засранцем.

— Что, черт возьми,стряслось утром на ферме Крида? — вместо приветствия спрашивает Крейг, обмениваясь рукопожатием с моим отцом, а затем со мной.

Я отказываюсь жать руку Пирсу, как и он мне, наша ненависть друг к другу взаимна.

Мой отец, напротив, более вежлив и первым протягивает руку. Пирс смотрит на нее, как на змею, потому что он гребаный расист. Всегда таким был.

Я бросаю на него взгляд, почти надеюсь, что он не примет руку, и мне представится причина врезать ему. Хороший способ высвободить бурлящий внутри гнев.

В конце концов, он резко и быстро жмет руку моему отцу.

— Джастис ввел тебя в курс дела? — спрашиваю я, не отрывая пристального взгляда от Крейга.

— То малое, что смог поведать. Почему бы тебе не начать с самого начала?

Собравшись с мыслями, объясняю, как нашел девушку, но даю не больше информации, чем уже есть.

— Мы надеялись, что у тебя найдутся для нас ответы на некоторые вопросы, — говорит отец. — Твои помощники что-нибудь обнаружили?

— Пока нет. Ни сумочки, ни бумажника, ни машины поблизости, если это была авария.

— Это была не авария, — уверенно заявляю я.

— Откуда ты знаешь?

Пересказываю ему то, что девушка сказала мне за те несколько секунд, когда была в сознании.

На его лице появляется замешательство.

— Ты ее знаешь?

Я качаю головой, но не могу отрицать мгновенную связь, которую почувствовал в тот момент, когда она посмотрела на меня своими светло-голубыми глазами. Казалось, она чертовски хорошо меня знает.

— Ты уверен? — вопрос исходит от Пирса, в его тоне ясно слышится обвинение. — Может, она из тех, с кем вы с братьями встречались раньше.

Гнев, кипевший с тех пор, как я ворвался в двери больницы, быстро достигает точки кипения.

— К чему, черт возьми, ты клонишь, Пирс?

Я точно знаю, к чему клонит ублюдок.

Он пожимает плечами.

— Просто интересно, может, это одна из ваших красоток. Вдруг на этот раз вы увлеклись...

— Сукин сын. — Я бросаюсь вперед, хватая его за рубашку, прежде чем отец и Крейг успевают вмешаться.

— Прекратите, вы оба! — Крейгу удается встать между нами, вырывая ублюдка из моей хватки, в то время как отец удерживает меня.

Я указываю на Крейга.

— Убери его нах*й с моих глаз, пока я не разорвал его гребаную глотку!

Отец предупреждающе сжимает мои плечи.

— Достаточно, сынок. Ты выше этого, — его голос суров, но глаза полны терпения и понимания.

Это умиряет гнев, как происходило всегда со мной и братьями.

— Возвращайся в участок, Пирс, — приказывает Крейг. — Я разберусь с тобой позже.

Пирс стискивает челюсть, наши взгляды не отрываются друг от друга до того самого момента, как он покидает комнату.

Мое внимание переключается на Крейга.

— О чем, черт возьми, ты думал, приводя его сюда? Ты же знаешь, как я ненавижу этот кусок дерьма.

От моего тона он напрягается.

— Он — единственный, кто был у меня на подхвате, и я следую протоколу, ясно?

— К черту протокол. Он такой же коррупционер, как и Тодер, и ты чертовски прекрасно это знаешь.

— Пока у меня нет доказательств, мои руки связаны, но я не спускаю с него глаз. Тебе же, напротив, нужно сохранять гребаное хладнокровие.

— Он перешел все границы.

— Да, и я разберусь с этим. Такого больше не повторится.

Вот тут-то он ошибается. Не сомневаюсь, что все повторится и не один раз. Как только город прознает о случившемся, обвинение Пирса не будет последним. Черт, даже медсестра при нашем появлении подумала, что виноват я.

Слухи о нас с братьями ходили среди местных долгие годы. Все из-за заключенного нами много лет назад договора. Связи, которую мы создали ради Нокса. За закрытыми дверями эта связь гораздо более священна, чем кто-либо сможет понять. Несмотря на это, мы не связываем женщин и не выбиваем из них все дерьмо.

Пронзительный звонок папиного телефона прерывает момент.

— Извините. Мне нужно ответить.

Когда он отходит, я опускаюсь на стул и устало провожу ладонью по лицу.

— Поверить, бл*ть, не могу, что это происходит.

Крейг занимает место рядом со мной.

— Мы докопаемся до сути. Мои люди прочесывают каждый дюйм того места, если там что-то есть, мы это обязательно найдем.

Не в первый раз я благодарен, что теперь он шериф Винчестера. Не сомневаюсь, если бы Тодер был еще жив, я оказался бы за решеткой еще до того, как у меня появился шанс объясниться. Засранец всегда охотился за мной и братьями. Лучшая пуля, которую мы когда-либо выпускали, прошла через центр черепа этого ублюдка.

Через несколько мгновений возвращается отец.

— Звонили твои братья. — Он кладет телефон в карман и садится по другую сторону от меня. — Они проверили камеры наблюдения. Там ничего нет.

Поскольку в камеры видно лишь вход, я не удивлен, что они ничего не обнаружили. Однако тот факт, что девушку оставили недалеко от границы нашей собственности так, чтобы ее можно было найти, но достаточно далеко, чтобы не обнаружить сразу, вызывает у меня подозрение.

— Каковы шансы, что мотив может быть личным? — спрашивает Крейг, уловив мою мысль.

Отец пожимает плечами.

— Не понимаю, как это может быть личным, учитывая, что мы даже не знаем эту девушку, но после того, что моя семья пережила за последние несколько месяцев, я ничего не исключаю.

Он имеет в виду семьи-основателей. Несмотря на то, что большинство из них мертвы

или сидят в тюрьме, некоторые все еще разгуливают на свободе, сея тихий хаос в этом городе. Тем не менее, у меня такое чувство, что это не имеет отношения к ним и нефти, погребенной под нашей землей. Абсолютно никакого.

— Кто-то бросил ее там, чтобы мы нашли, — говорю я, чувствуя, как гнев переходит во нечто более темное. — Было ли это случайным совпадением или чем-то большим, — не имеет значения. Я, черт возьми, принимаю это на свой счет.

Отец сжимает мое плечо, выражая свое согласие.

В ожидании врача Крейгу несколько раз звонят его помощники, но только для того, чтобы сообщить, что они ничего не нашли. Даже гребаного отпечатка ноги, а это значит, что мудака хорошо замел следы. Сейчас наша единственная надежда — это жертва, возможно, девушка прольет немного света на то, кто она, черт возьми, такая и как очутилась здесь.

К тому времени, как доктор выходит в приемную, я практически лезу на стены. Медсестра, что встретила нас раньше, вплотную следует за ним, ее подозрительный взгляд направлен прямо на меня. Я игнорирую ее и сосредотачиваюсь только на докторе.

— Доктор Карвер. — Крейг приветствует его рукопожатием, явно зная этого человека.

— Шериф.

— Как она? — спрашиваю я, не утруждая себя любезностями.

Его взгляд перемещается на меня, и в груди все сжимается, пока я жду вердикта.

— Стабильна.

Я с трудом выдыхаю, что, кажется, впервые с тех пор, как я ее нашел.

— Не буду врать, какое-то время она держалась на грани жизни и смерти. Ее травмы довольно обширны.

— Насколько обширны? — спрашивает Крейг.

Доктор колеблется, бросая на меня быстрый взгляд.

— Может, нам лучше поговорить об этом наедине.

Я выпрямляюсь при очевидном пренебрежении.

— А ну-ка подожди гребаную минуту. Это я ее нашел. И имею право знать, что произошло.

— Он прав, — соглашается Крейг, поддерживая меня. — Криды в этом деле — не подозреваемые. Любая информация, которой вы поделитесь со мной, будет в любом случае передана им.

Доктор кивает.

— Я только хотел удостовериться.

Стерва-медсестра, похоже, не согласна с таким решением, если судить по ее напряженному лицу.

— У нее несколько сломанных ребер, разрыв селезенки и сильное сотрясение мозга. Мы также обнаружили предыдущие переломы, которые не лечились должным образом. — Он прочищает горло, прежде чем заговорить снова. — У нее также довольно много шрамов на нижней части спины и ягодицах. Мало того, что эта девушка много лет переживала жестокое обращение, я совершенно уверен, что тот, кто оставил ее на вашей земле, не ожидал, что она выживет.

— Сукин сын! — Я провожу рукой по волосам, в самых темных уголках моей души расцветает обжигающая ярость.

— Признаки сексуальной травмы? — спрашивает Крейг, отчего вся ярость устремляется в низ моего живота.

Закрываю глаза, готовясь услышать ответ.

— Нет.

Мой взгляд устремляется на доктора, и меня охватывает одновременно шок и облегчение. Учитывая, в каком виде была ее ночная рубашка, я предполагал иной ответ.

Судя по выражению лица Крейга, похоже, я не единственный.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я провел несколько тестов, и, согласно обследованию, она все еще девственница.

И я вновь удивлен, начиная задаваться вопросом, не моложе ли эта женщина, чем я думал вначале.

— Когда я смогу с ней поговорить? — спрашивает Крейг. — Я бы хотел допросить ее как можно скорее.

— Боюсь, вам будет трудно это сделать.

От смены тона доктора страх, как злобная змея, обвивается вокруг груди.

— Почему вы так говорите? — спрашивает Крейг.

— Потому что она потеряла память.

— Извините? — вмешиваюсь я, полагая, что ослышался.

— На протяжении всего обследования она, то приходила в сознание, то теряла его, большую часть времени была сбита с толку и дезориентирована, но в последний раз бодрствовала достаточно долго, чтобы я мог задать вопросы. Кроме своего имени, она не знает ничего: кто она, откуда взялась и как оказалась здесь.

— Такое, вообще, возможно? — спрашивает Крейг. — Не помнить ничего, кроме своего имени?

— Возможно. Память включает в себя три фазы. Запоминание, сохранение и воспроизведение. Обычно, когда человек страдает потерей памяти, он теряет только одну из трех. Однако, когда это вызвано травмой, возможно все. Все зависит от того, куда страх направит ее разум.

— Значит, есть шанс, что память к ней вернется, — предполагаю я.

— Очень вероятно, но в данный момент она слишком напугана, чтобы что-либо помнить. И это можно понять, учитывая, через что ей пришлось пройти.

Крейг тяжело вздыхает.

— Если не возражаете, доктор, я бы все равно хотел поговорить с ней.

— Конечно. Сейчас я вколол ей успокоительное, но мы оповестим вас, как только она проснется.

— Спасибо.

Не сказав больше ни слова, доктор оставляет нас с нашими противоречивыми мыслями.

— С каждой секундой ситуация становится все более хреновой, — ворчит Крейг.

— Итак, что нам теперь делать? — спрашивает папа. — Должен быть способ, которым мы можем помочь этой девушке.

— Он есть, — говорю я, усаживаясь на один из стульев. — Мы будем ждать.

Крейг качает головой.

— Отправляйтесь домой. Я подожду и позвоню в любом случае.

— Я никуда не уйду.

В его глазах вспыхивает раздражение.

— Ты же слышал слова доктора, она не сможет ничего тебе ответить. А до тех пор, тебе

нет смысла здесь находиться.

— Вот тут ты ошибаешься, Крейг. Пока память к ней не вернется, у нее никого нет. Ни семьи, ни друзей. Я ее нашел и несу за нее ответственность, и не оставлю ее.

Мы застываем, уставившись друг на друга, пока он не убеждается в моей решимости. Он знает меня достаточно хорошо, чтобы не спорить.

— Ладно, — соглашается он. — Кто хочет кофе?

Алиса

Болело всё. Разум, тело и, самое главное, мой дух. Сидя в стенах больничной палаты, я чувствую себя испуганной, потерянной и сбитой с толку. Аппараты рядом с кроватью пищат жизненными показателями, но внутри я чувствую себя мертвой.

Я проснулась некоторое время назад, ничего не помня, даже кто я такая и как здесь оказалась. Всякий раз при попытке углубиться в сознание, ухватиться за какое-нибудь воспоминание, я сталкиваюсь с пульсирующей болью в глазах и эхом зловещего голоса.

«Время вышло, Алиса».

Дрожь страха пробегает по каждому дюйму моей покрытой синяками плоти. Эти слова — единственная причина, по которой я уверена, что меня зовут Алиса. Все, что находится за пределами этого, — ужасающе пусто.

Как бы мне ни хотелось знать, как я здесь оказалась, — в таком состоянии — я почти благодарна, что не могу вспомнить. Не уверена, что хочу знать, что со мной делали, чтобы причинить такую сильную боль.

Медсестры тоже мало что смогли мне рассказать, но сообщили, что скоро кто-нибудь придет поговорить со мной.

Я благодарна всем, кто так внимателен ко мне, особенно Линде. У нее добрая улыбка и еще более нежные прикосновения. То, что я невероятно ценю, учитывая кошмарную боль.

Легкий стук привлекает мое внимание к двери. Я поворачиваю голову, видя доктора, который наблюдал за мной с тех пор, как я проснулась.

— И снова привет, Алиса. Со мной несколько человек, которые хотели бы поговорить с вами. Вы готовы к этому?

Я чуть киваю, а затем сожалею об этом, когда голову пронзает боль.

Доктор входит в палату, за ним следуют трое мужчин, все они выстраиваются в ряд у изножья кровати. Один из них — офицер в форме, другой — пожилой джентльмен с темными волосами с проседью, обветренной темной кожей и добрыми глазами. Он слегка улыбается мне и кивает в знак приветствия.

Когда мой взгляд останавливается на последнем мужчине, сердце вконец перестает биться. Наши взгляды встречаются и не отрываются друг от друга. При виде темных волос и еще более темных глаз, я оказываюсь в плену воспоминаний, которые не могу до конца осознать, но клянусь, я видела его раньше.

Его высокий рост и широкая фигура каким-то образом заполняют пространство всей комнаты. Несмотря на властное присутствие, которое он излучает, есть в нем нечто, что я нахожу успокаивающим. Нечто... утешительное.

— Мисс Алиса, я Крейг Клемсон, шериф Винчестера.

Мне удастся оторвать взгляд от таинственного мужчины и обратить свое внимание на шерифа.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы готовы?

— Конечно. — Мой голос звучит надсадно и слабо.

— Доктор Карвер сообщил мне о ваших травмах и потере памяти. Ведь вы ничего не помните, не так ли?

— Нет, — шепчу я.

— Но помните, что вас зовут Алиса?

— П-полагаю, что, да.

— То есть, вы не совсем уверены?

— Нет.

С бесстрастным лицом он делает пометки в блокноте. Я ловлю себя на том, что мой взгляд возвращается к молодому мужчине, его обеспокоенные глаза все еще устремлены на меня.

— Кто вы? — наконец, спрашиваю я, изнывая от любопытства.

Трое мужчин обмениваются взглядами, прежде чем шериф задает очередной вопрос.

— Он вам знаком?

— Немного, — честно отвечаю я.

— Меня зовут Брэкстен. — Его глубокий, ровный голос обволакивает сердце, раздираемое противоречивыми эмоциями, пробуждая небольшую толику тепла. — Мы с отцом нашли тебя.

— Нашли меня? — повторяю, не уверенная, что это значит.

Он кивает.

— Где?

— На окраине нашей земли.

Реальность того, что я просто лежала на обочине дороги, как мусор, усиливает агонию и замешательство, разрывающие меня на части. По крайней мере, теперь чувство, что он мне откуда-то знаком, имеет смысл.

— Вы знаете, кто я? — задаю я вопрос, в котором сквозит уязвимость.

В его темных глазах вспыхивает сожаление.

— Прости, но, нет.

С трудом сглотнув, оглядываюсь на других мужчин в палате.

— Хоть кто-нибудь знает?

Выражения их лиц дают мне ответ еще до того, как шериф произносит:

— Нет, но мы выясним.

Я закрываю глаза, и одинокая слеза скатывается по израненной щеке, когда на меня наваливается поражение.

— Понимаю, что вам, должно быть, трудно, мисс Алиса, — говорит шериф, заявляя преуменьшение века. — Но я обещаю, что мы докопаемся до правды. Есть ли что-то, что вы можете мне рассказать? Какие-нибудь воспоминания о событиях, словах или даже голосе? Что-то, с чего я мог бы начать.

«Время вышло, Алиса».

От этого голоса болезненно стучит в глазах, а по венам разливается ледяной ужас. Я крепко стискиваю веки и подношу дрожащую руку к виску.

— П-простите. Я не могу.

— На данный момент достаточно, Крейг.

От сурового голоса мои глаза распахиваются, устремляясь на единственного человека в комнате, который, кажется, сдерживает мой страх.

Решительный взгляд Брэкстена не отрывается от меня, когда он говорит:

— Дай мне минуту с ней наедине. — Он не просит, а требует. Точно так же, как его присутствие властвует в этой комнате.

Шериф колеблется всего секунду, затем закрывает блокнот и засовывает его в карман.

— Я вернусь проведать вас позже. Если у вас возникнут какие-либо вопросы или вы что-нибудь вспомните, дайте знать доктору Карверу, и я сразу же приеду.

— Спасибо, — шепчу я.

Он опускает голову.

— Будьте уверены, мы докопаемся до сути.

Все остальные мужчины выходят из комнаты, оставляя меня наедине с человеком, спасшим мне жизнь. Брэкстен направляется ко мне, его длинные, уверенные шаги сокращают расстояние между нами, прежде чем он садится на стул рядом с кроватью.

Внезапно он берет мою маленькую, израненную руку в свою большую ладонь. Это застаёт меня врасплох, и я вздрагиваю.

На долю секунды его глаза поднимаются к моим, а затем он осторожно распутывает шнур капельницы, обмотавшийся вокруг моей руки.

— Лучше?

Я киваю, испытывая неловкость из-за своей реакции.

— Послушай, я знаю, что сейчас ты через многое проходишь, но мне нужно тебя кое о чем спросить.

— Хорошо, — отвечаю я медленно, неуверенная в том, к чему он ведет.

— Когда я только нашел тебя, ты мне велела бежать. Потому что кто-то идет за мной.

Я хмурюсь, сбита с толку этой информацией.

— Я так сказала?

Его взгляд блуждает по моему лицу.

— Ты и этого не помнишь?

— Нет, но, честно говоря, я сейчас почти ничего не помню. Даже, кем являюсь. — Каждое слово, которое срывается с моих губ, пронизано эмоциями.

— Может, не прямо сейчас, но ты вспомнишь.

Хотела бы я быть так же уверена, как он, но в данный момент все, что я чувствую, — это полную растерянность и беспомощность.

— Я выясню, кто сделал это с тобой, Алиса, и когда я это сделаю, они, бл*ть, заплатят за все.

Это больше, чем угроза. Это обещание.

Ярость, застывшая на его лице, должна была бы ужаснуть меня, но по какой-то причине этого не происходит. Во всяком случае, она окутывает меня безопасностью, потому что в данный момент этот незнакомец — все, что у меня есть в том неизвестном мире, где я проснулась.

Без воспоминаний и, не зная, кто я такая, — я совсем одна.

Брэкстен

За то короткое время, что я прожил на этой земле, я столкнулся с бесчисленным множеством монстров. С теми, кто оставил неизгладимые шрамы на моем теле, когда я был слишком мал и беззащитен, чтобы что-то с этим сделать. События, которые я никогда не смогу забыть, все еще преследуют меня самыми темными ночами.

Тот перепуганный, одинокий маленький мальчик давно исчез, его место занял мужчина, который мстит, отправляя каждого монстра прямоком в ад, где им самое место.

Сидя рядом со спящей красавицей и оценивая ее исчезающие синяки, пока она отдыхает и исцеляется, я снова задаюсь вопросом: что за монстр способен на такое. Причинить боль такому хрупкому и невинному созданию.

Прошло уже больше недели, а мы так и не приблизились к тому, чтобы узнать, кто эта прекрасная незнакомка.

Я твердо верю в судьбу, она проистекает из череды судьбоносных событий, которые свели нас с братьями вместе, когда мы больше всего нуждались друг в друге. Я не сомневаюсь, что мне было суждено найти эту девушку точно так же, как мой отец нашел нас на своей земле много лет назад. Как и от чего, я не знаю, но, как и отец, я буду защищать ее и оберегать.

Вибрация моего телефона прерывает мои мысли. Поерзав на стуле, достаю его из кармана и вижу на экране номер Крейга.

Встав, отхожу в угол комнаты и, понизив голос, отвечаю:

— Да.

— Судя по твоему тону, предполагаю, ты снова в больнице?

Ему можно было бы и не спрашивать, учитывая, что я проводил здесь каждый день с тех пор, как привез ее сюда.

— К чему ты клонишь, Клемсон?

— Ни к чему, — ворчит он, но, очевидно, хочет сказать больше. — Она спит?

— Да. У тебя есть для меня что-нибудь конкретное?

— Нет, — раздраженный от поражения голос заполняет линию, — и это полный абсурд, чувак. Я ничего не могу на нее найти. Также никаких сообщений о пропавших без вести, и ни о ком с именем Алиса. Я уже начинаю сомневаться, что это ее настоящее имя.

Я задавался тем же вопросом, но это, пожалуй, единственное, на что она явно реагировала, и в данный момент мы могли руководствоваться лишь ее инстинктом.

— Я также прогнал ее ДНК по системе и не получил совпадений. Что неудивительно поскольку я не считал, что она может быть преступницей.

Я хмыкаю от подобного преуменьшения. Эта девушка ни в коем случае не способна на что-либо незаконное и криминальное. Она слишком невинна. То, что доктор обнаружил во время ее осмотра, только доказывает это.

— Я знаю, тебе это не понравится, — осторожно продолжает он, — но думаю, наш следующий шаг — опубликовать ее фото и надеяться, что кто-нибудь ее узнает.

В животе у меня поселяется ужас.

— Пока рано.

— Брэкс, чувак. У меня нет выбора. Мне нужны подвижки в этом деле.

— Мне все равно, что ты сделаешь, Крейг, просто найди другой способ.

— Ради всего святого, как, черт возьми, по-твоему, мне это удастся, если ты даже не даешь мне поговорить с ней? Каждый раз, когда я начинаю ее расспрашивать, ты меня останавливаешь.

— Потому что она не может ответить ни на один из твоих вопросов, и ты причиняешь ей беспокойство, — огрызаюсь я.

— Что между тобой и этой девушкой? Никогда раньше не видел, чтобы ты так себя вел.

Как я могу объяснить, если даже сам этого не понимаю? Просто в ней есть что-то такое, что пробуждает мои защитные инстинкты. Возможно, это из-за того, какой я ее нашел: сломленной, одинокой и раненой. Возможно, потому, что я могу понять, когда тебя выбрасывают, как вчерашний мусор, или избивают до полусмерти. Или, возможно, это из чего-то другого, чего-то большего...

— Слушай, просто подожди еще немного, — прошу я, отказываясь отвечать на его вопрос. — Дай ей время поправиться. Память может вернуться к ней в любое время. Чем в большей безопасности она себя чувствует, тем больше у нас шансов, что это произойдет. А если ее фото будет развешено по всему городу, эта безопасность сойдет на нет.

Тишина на другом конце провода длится всего секунду.

— Хорошо, но долго я ждать не собираюсь. У меня плохое предчувствие по этому поводу, Брэкс.

— Как и у меня.

— Ладно. Будем на связи, — говорит он в завершении разговора.

— Непременно. Скоро поговорим. — Повесив трубку, кладу телефон обратно в карман и сцепляю руки за головой, чувствуя, как в плечах нарастает напряжение.

— Брэкстен?

Я оборачиваюсь на нежный, сонный голос и встречаюсь лицом к лицу с ангелом. Раненым, но, тем не менее, ангелом.

— Привет, — здороваюсь я, подходя, чтобы снова сесть у ее кровати. — Как чувствуешь себя сегодня?

— Ммм, — сонно размышляет она, темные ресницы отбрасывают тень на покрытые синяками щеки. — Нормально, просто сильная усталость. Ты давно здесь?

Пожимаю плечами, вместо того, чтобы сказать, что нахожусь здесь уже три часа. Я прихожу к ней каждый день, к большому разочарованию сучки-медсестры, но не хочу, чтобы она оставалась одна.

— Прости, — говорит она, видя ответ на моем лице, несмотря на мое молчание. — Кажется, я всегда сплю, когда ты здесь.

— Не беспокойся об этом. Чем больше будешь отдыхать, тем быстрее поправишься. Твое выздоровление — это все, что сейчас имеет значение.

Она одаривает меня слабой улыбкой, но, несмотря на слабость, способна сбить меня ею с ног.

— Спасибо, что ты здесь. Даже если я всегда сплю, мне от этого менее одиноко.

— Я сказал в самый первый день, что не оставлю тебя, и сдержу свое слово.

Голубые глаза изучают меня, с силой притягивая в кристальные глубины, пока она не прерывает зрительный контакт.

— Это звонил шериф Клемсон?

— Да.

— Он что-нибудь нашел? — в ее нежном голосе звучит надежда.

— Пока нет, но он работает над этим.

Алиса кивает, но нельзя отрицать выражение разочарования на ее лице.

— Прошло столько времени, что я начинаю задаваться вопросом, ищет ли меня кто-нибудь. Может, в моей жизни нет никого, кому бы я была важна.

Потерянность в ее голосе заставляет меня потянуться к ее руке, потребность утешить пересиливает все остальное.

— Ты мне важна.

На ее лице появляется грустная улыбка.

— Ты до смешного мил, Брэкстен Крид. Тебе кто-нибудь говорил это?

— Нет, но я обязательно передам твои слова братьям. Это может стать еще одной причиной зависти этих засранцев ко мне.

Как я и надеялся, с ее губ слетает мелодичный смешок, проникая мне в грудь. Внезапно, этот звук мне до боли хочется услышать снова.

Не отрывая от меня глаз, Алиса откидывается на подушку.

— Сколько у тебя братьев?

— Двое и невестка. А еще есть очень классная племянница. Она похожа на меня.

Улыбка не сходит с ее лица.

— Если они хоть в чем-то похожи на тебя, то уверена, они замечательные. — Внезапно она отводит взгляд. — Знаешь, кажется, я так и не поблагодарила тебя за спасение моей жизни. Пусть я и не знаю ничего о себе, но я благодарна, что осталась жива, чтобы узнать это, и все это твоя заслуга. Спасибо, Брэкстен.

Я вспоминаю тот момент, когда нашел ее лежащей на земле. Избитую и беспомощную. Этот образ будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь.

— Алиса, тебе не нужно меня благодарить. Я рад, что именно я нашел тебя.

Ее глаза снова обращены ко мне, останавливая время, связь между нами пульсирует, как провод под напряжением.

— Сегодня утром ко мне приходила социальный работник, — выпаливает она.

От этого откровения я резко выпрямляюсь. Мне не нравится слышать, что кто-то был у нее в палате без меня.

— Чего она хотела?

— Поговорить. — Алиса теребит простыню, тонкие пальцы дергают за выбившуюся нить. — Она предложила мне присоединиться к консультациям и группе поддержки. А также дала название приюта для женщин, готового принять меня, пока полиция будет работать над выяснением обстоятельств моего прошлого.

Только через мой гребаный труп.

Я ни за что не позволю ей стать частью той же системы, что подвела нас с братьями.

— По словам доктора Карвера, я исцеляюсь намного быстрее, чем ожидалось, — мягко продолжает она. — Звучит так, будто я смогу выбраться отсюда всего через несколько дней.

— Похоже, ты не очень этому рада.

— Рада, — спешно говорит она. — Я ценю всю оказанную мне помощь, медсестры такие потрясающие, как и доктор Карвер. Даже шериф Клемсон и, безусловно... ты.

Ее взгляд скользит к ее переплетенным пальцам, она пожимает плечами.

— Не знаю, наверное, я просто боюсь.

— Чего?

Ее глаза снова обращаются ко мне, в прозрачных голубых глубинах мерцает страх.

— Того, что ждет меня, когда я выйду отсюда, — шепчет она. — Как мне покинуть эти стены, зная, что кто-то там, возможно, желает моей смерти?

— Никто не причинит тебе вреда, Алиса.

По ее избитой щеке скатывается слеза, и вид этого выворачивает меня наизнанку.

— Поедем ко мне домой, — слова слетают с моих губ без колебаний.

На ее лице отражается удивление.

— К тебе?

Я киваю.

— Папина ферма — идеальное место для исцеления. И там безопасно. Мы с братьями оборудовали это место неприступнее, чем гребаный Форт Нокс, но даже если бы мы этого не сделали, никто бы ни за что не смог пройти мимо нас, чтобы добраться до тебя.

Желание согласиться написана на ее лице, но она колеблется, а затем качает головой.

— Я ценю твое предложение, но... не могу его принять. Не могу так поступить, не после всего, что ты уже для меня сделал.

— Это не обсуждается, Алиса. — Я хочу клясть себя за жесткий тон, когда девушка вздрагивает. — Послушай, что-то привело тебя ко мне. Совпадение это или нечто большее — не имеет значения. Я могу защитить тебя. А также помочь выяснить, кто ты такая.

Ее взгляд блуждает по моему лицу.

— Для чего? — шепчет она. — Зачем тебе все это? Ты даже меня не знаешь.

— Пусть так, но я знаю, каково это, когда у тебя никого нет. — Признание вырывается у меня без раздумий. — Я знаю, каково это — быть одиноким и напуганным.

Я беру ее холодную, хрупкую руку, беспомощно наблюдая, как слезы текут по избитому лицу.

— Ты можешь доверять мне, Алиса. Позволь мне помочь тебе.

Ее ресницы опускаются на долю секунды, и она с трудом сглатывает. Когда она снова открывает глаза, я вижу ответ еще до того, как она его произносит.

— Хорошо. Я поеду к тебе домой.

Алиса

Пока медсестра Линда помогает мне одеваться, я снова бросаю взгляд на свое отражение в зеркале, отмечая исчезающие следы побоев, портящих кожу. До сих пор я избегала этого момента, не только из-за жестокой реальности, которую демонстрирует мое тело, но и потому, что не хотела пялиться на незнакомку, коей сейчас являюсь.

Я не узнаю лицо, смотрящее на меня в ответ, и это заставляет меня задуматься: кто же я такая. Есть ли у меня близкие? Я сестра? Жена? Подруга? Меня кто-нибудь ищет?

Я пыталась не заикливаться на всех этих вопросах без ответов и вместо этого быть благодарной за то, что все еще жива. Я сказала Брэкстону правду: лучше поздно, чем никогда не получить шанса узнать, кто я.

— Подними руки.

Медсестра Линда стягивает мою рубашку через голову, на мгновение погружая меня во тьму. Я осторожно просовываю руки в рукава, затем она перекидывает мои длинные светлые волосы через плечо и заплетает их в косу.

Больница проявила достаточную любезность, чтобы выдать мне медицинскую форму, поскольку единственная одежда, принадлежащая мне, — это разорванная ночнушка, в которой меня нашли. Мне также собрали небольшой набор с необходимыми туалетными принадлежностями. Их доброта и великодушие никогда не будут забыты.

— Вот, дай посмотрю. — Ее руки нежно сжимают мои плечи, прежде чем она с неизменно доброй улыбкой отступает назад. — Красавица.

Абсолютная ложь. Во мне нет ничего красивого, по крайней мере, на данный момент.

— Спасибо за все, что ты для меня сделала. Я очень ценю это.

Ее улыбка сникает, на лице появляется беспокойство.

— Ты уверена, что я не могу отговорить тебя от этого?

Она не первый раз спрашивает об этом. Линда очень ясно дала понять, что ей не нравится мое решение остаться на ферме Кридов.

— Мне больше некуда идти, Линда. — Неуместный стыд наполняет грудь, когда я произношу эти слова вслух.

— У тебя есть варианты, милая. Государство поможет тебе или, черт возьми, ты даже можешь остаться со мной, если хочешь.

Мое сердце согревается от такого щедрого предложения.

— Я ценю это, правда, ценю, но не хочу подвергать тебя опасности. Кроме того, я доверяю Брэкстону. Он был добр ко мне и непреклонен в том, что может помочь узнать о моем прошлом.

При упоминании имени Брэкстена ее губы сжимаются, лицо искажается от отвращения.

— Почему он тебе не нравится? — спрашиваю я.

— Я знаю о нем то, чего не знаешь ты. Кое-что о всей этой семейке. Я им не доверяю.

— Что ты знаешь?

Ее рот приоткрывается, будто она собирается рассказать мне все секреты, которые она знает, но потом передумывает. Качая головой, натянуто улыбается.

— Не бери в голову. Это не имеет значения. — Она подбирает мою сброшенную больничную рубашку и выходит из ванной.

Я изо всех сил стараюсь не отставать, вздрагивая при каждом шаге, чтобы дотянуться до нее и коснуться ее руки.

— Пожалуйста, скажи мне, я хочу знать.

Она издает мучительный вздох и садится на край больничной койки.

— Эту семью окружает множество слухов, особенно братьев. Слухов, которые, как я точно знаю, правдивы.

— О чем они?

— Ну, для начала, они делятся своими женщинами.

Я растерянно моргаю.

— Делятся?

Она кивает.

— Не понимаю.

— Одновременно занимаются сексом с одной девушкой.

Я напрягаюсь и чувствую, как вспыхивают щеки, удивляясь, как такое вообще возможно.

— Раньше этим занимались все трое, но я слышала, что один брат больше не участвует в этом, с тех пор, как у него появился ребенок. Однако я знаю, что двое других продолжают.

— Откуда ты знаешь, что это правда?

— Я знакома кое с кем, кто провел с ними ночь. Девушка испытывала к Брэкстену чувства, а он разбил ей сердце.

От этой информации мой желудок сжимается, незнакомая эмоция укореняется внутри.

— Они опасны, Алиса. Они даже убивали людей.

— Убивали? — вскрикиваю я, мой разум пытается переварить эти невероятные истории.

— Они наемники. Снайперы. Называй, как хочешь, — говорит она, размахивая рукой в воздухе. — Я также считаю, что именно они всего несколько месяцев назад убили нашего предыдущего шерифа вместе с мэром. Несмотря на то, что говорится в отчетах, все в этом городе знают, что они ответственны за их смерть.

Это не похоже на того Брэкстена, которого я узнала. Выглядит ли он пугающе? Да, в нем есть что-то такое, что кричит о смертоносности. Но убийца? Мне он таким не кажется.

— Я не говорю, что мэр и шериф были хорошими людьми, но они не заслуживали такой смерти. Честно говоря, когда он привез тебя, я беспокоилась, что это его рук дело.

Обвинение выводит меня из ошеломленного состояния, и я быстро качаю головой.

— Нет. Брэкстен не причинил бы мне вреда. Он спас меня. Если бы не он, я бы сейчас была мертва.

Возможно, я не очень хорошо его знаю, но достаточно, чтобы понимать это. От него я видела лишь доброту и ласку — даже защиту. Каждый день он сидел здесь со мной, присматривал, не покидал меня, пока не был вынужден. Как и обещал.

— Судя по результатам расследования шерифа, он, очевидно, не тот, кто причинил тебе боль, но это не значит, что ему можно доверять. Почему он идет на все эти неудобства ради незнакомца человека? Меня беспокоит, чего он хочет от тебя, Алиса. Ты слишком невинна для таких, как он.

— Он всего лишь хочет помочь мне выяснить, что произошло.

По выражению ее лица видно, что она не согласна.

— Кроме того, между нами все не так. Он не испытывает ко мне таких чувств.

Это невозможно. Не после того, в каком состоянии он нашел меня.

— А ты? — спрашивает она.

Этот вопрос застаёт меня врасплох.

— Что — я?

— Ты сказала, что он не испытывает к тебе таких чувств, но не сказала, что сама не испытываешь их к нему.

Я переминаюсь с ноги на ногу, не зная, как ответить. Нельзя отрицать, что Брэкстен очень привлекателен, но дело не только в этом. Я не уверена, что сочла бы это романтическими чувствами, потому что едва его знаю, но меня действительно тянет к нему по причинам, которых я не совсем понимаю. Конечно, я не признаюсь ей в этом.

— Я не могу этого объяснить, Линда, но... я ему доверяю и чувствую себя с ним в безопасности. Сейчас мне это нужно. Я... я очень напугана. — Признание срывается сдавленным шепотом.

— Ох, Алиса. — Она заключает меня в объятия. — Все будет хорошо. Я верю, что шериф докопается до сути. Крейг — хороший человек. Давай просто надеяться, что это произойдет скорее раньше, чем позже.

Я крепко обнимаю ее, ища утешения, и позволяю нескольким слезинкам скатиться по щекам. Несмотря на все усилия быть оптимисткой, сейчас я чувствую себя невероятно потерянной в этом мире.

— Не помешаю?

От глубокого мужского голоса мы отрываемся друг от друга, мое сердце подпрыгивает в груди, когда я вижу в дверях Брэкстена, он выглядит таким же сильным и уверенным, как всегда. На нем линялые синие джинсы и серая футболка, подчеркивающая теплый оттенок кожи. Она не слишком облегает, но тонкая ткань показывает, какое под ней мощное тело.

— Брэкстен, — говорю я тихо, мой голос дрожит от нервозности. — Ты рано.

— Всего на несколько минут. — Он переводит взгляд подозрительно сузившихся глаз с меня на Линду. — У вас все в порядке?

— Да, я готова, если ты готов. — Я оглядываюсь на Линду. — Еще раз спасибо за все.

Она тянется к переднему карману своего халата и достает визитную карточку больницы, протягивая ее мне.

— Я записала для тебя свой личный номер. Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится. Понимаешь, о чем я?

— Обязательно.

После прощальных объятий она подходит к Брэкстену и вздергивает подбородок, ее теплое отношение улетучивается.

— Ее нужно вывезти в кресле. Таковы правила. — Она минует его, намеренно врезаясь при этом в его плечо.

Он одаривает меня веселой ухмылкой, ничуть не выглядя обиженным.

— Кажется, она в меня влюблена.

Я улыбаюсь, благодарная, что его не задела ее холодность по отношению к нему.

— Извини за это. Кажется, она в какой-то степени стала моей защитницей.

— Это я могу понять.

Его слова творят со мной странные вещи, посылая дрожь в область живота. Он часто оказывает на меня подобный эффект, заставляет испытывать ощущения, прекрасные ощущения, которые я не должна испытывать.

Он отталкивается от двери, веселье с его лица спадает, когда он входит в палату,

каждый длинный шаг приближает его все ближе и ближе.

Мое дыхание замирает в груди, когда он останавливается прямо передо мной, возвышаясь надо мной своим мощным телом. Я смотрю на него, как олень в свете фар, зачарованная его всепоглощающим присутствием.

Все, о чем Линда только что о нем рассказала, всплывает на поверхность, и я ловлю себя на мысли, что, возможно, недооценила его. Совершаю ли я ошибку, доверяясь ему.

Это легкое сомнение испаряется, когда он медленно тянется к моему лицу, большой палец нежно скользит под моим глазом, стирая остатки слез.

— Из-за чего ты плакала?

— О, эм... пустяки, — говорю я, облизывая пересохшие губы. — Я в порядке.

В ответ на ложь он наклоняет голову, его темные глаза видят меня насквозь.

— Ты нервничаешь?

— Да, — честно отвечаю я.

— Из-за того, что уходишь со мной?

Я с трудом сглатываю, но снова честно отвечаю:

— Немного.

— Не стоит. Я хорошо о тебе позабочусь, Алиса.

Это тот Брэкстен, которого я узнала. Именно этот человек стоит передо мной. А не тот, которого нарисовала медсестра Линда. Прямо сейчас я должна следовать зову сердца, это все, что у меня есть, и по какой-то причине оно ведет меня к этому мужчине.

— Извините. — В дверях появляется медсестра. — Мне сказали прикатить кресло.

Прочищаю горло и отступаю от Брэкстена.

— Да. Спасибо.

Медсестра помогает мне усесться в кресло, в то время как Брэкстен берет маленькую дорожную сумку, которую собрал для меня персонал. После чего хватается за ручки кресла и вывозит меня из палаты к лифту, полному людей.

Поездка вниз проходит в тишине. Переплетя пальцы, опускаю руки на колени, склоняю голову от ощущения, что все смотрят на меня. Как только мы выходим из центральных дверей на свежий воздух, я щурюсь от слепящего солнечного света, но не могу отрицать, насколько невероятно ощущать его на коже.

Брэкстен подвозит меня к припаркованному неподалеку большому черному грузовику. Когда он открывает заднюю дверцу, чтобы положить мою сумку в салон, я отталкиваюсь от инвалидного кресла, чтобы встать, и тут же жалею об этом. С моих губ срывается резкий стон, и я пошатываюсь.

Он бросается ко мне, поддерживая подмышки, чтобы помочь.

— Когда ты в последний раз принимала болеутоляющие?

— Пару часов назад, — смущенно признаюсь я. — Наверное, пришло время для приема.

Он кивает.

— Как только приедем домой.

Дом.

Его дом. Не мой, потому что на данный момент его у меня нет.

Холодное напоминание причиняет сердечную боль.

Брэкстен открывает пассажирскую дверцу, и я смотрю на сиденье, гадая, как заберусь наверх, не причинив себе вреда. Прежде чем успеваю даже попытаться это сделать, меня поднимают на руки.

Охнув от удивления и внезапного движения, цепляюсь за шею Брэкстена. Наши взгляды встречаются, лица всего в дюйме друг от друга. Так близко, что я чувствую на щеке его теплое дыхание.

Его губы изгибает привлекательная ухмылка.

— Извини, надо было сначала тебя предупредить.

Я резко возвращаюсь к реальности, понимая, что пялюсь на него, как дура.

— Все в порядке, — бормочу я с нелепым придыханием.

Усадив меня на сиденье, он наклоняется, чтобы пристегнуть меня ремнем безопасности. Его тело прижимается к моему, жар окутывает меня ревущим пламенем. Я вдыхаю его мужской аромат, и этот невероятный запах проникает в каждую пору.

Раздается щелчок ремня, и он отстраняется, снова встречаясь со мной взглядом.

— Все хорошо?

Я киваю, не в состоянии в данный момент связно мыслить, не говоря уже о том, чтобы произнести что-то вслух.

Его глаза, темнее, чем минуту назад, более пристально изучают мое лицо. Кажется, он хочет что-то сказать, но вместо этого пятится от меня и закрывает дверцу. Только тогда я могу сделать полноценный вдох.

— Возьми себя в руки, Алиса, — ругаю я себя.

Забравшись на водительское место, он заводит грузовик и отъезжает от обочины. Я смотрю в боковое зеркало, наблюдая, как больница исчезает вдаль, и знаю, что сейчас это первое воспоминание, которое у меня появилось с тех пор, как я очнулась. Не самое лучшее, но, по крайней мере, оно у меня есть.

— Вы живете далеко от города? — спрашиваю я.

— Достаточно далеко. — Он сопровождает загадочный ответ кривой ухмылкой, от которой на левой щеке появляется небольшая ямочка. Эта уникальная черта, и я не могу отрицать, что при виде ее у меня не учащается пульс.

Он действительно очень привлекателен. Волевой подбородок, ровный нос, волосы — идеальное сочетание гладкого и взъерошенного. Могу понять, почему он пользуется такой популярностью у женщин.

Эта мысль вновь вызывает у меня неприятное чувство.

— Алиса?

Я моргаю, глядя на Брэкстена, и быстро понимаю, что он мне что-то говорил.

— Извини, что ты сказал?

К счастью, он выглядит скорее удивленным, чем раздраженным.

— Я сказал, что звонил Крейг. Он приедет увидеться с тобой, как только ты немного освоишься.

— Хорошо.

Надеюсь, он привезет хоть какую-то зацепку, но сильно на это не рассчитываю. Прошло две недели, и ничего нового не появилось. Будто меня никогда и не существовало. Я беспокоюсь, что если сама не восстановлю память, то, возможно, никогда не узнаю, кто я и откуда взялась.

В скором времени мы сворачиваем на проселочную дорогу, где на многие мили простираются одни хлопковые поля, белые пучки мягко колышутся на ветру. Пышная зелень тянется вдоль горизонта, окружая пушистые верхушки, которые взмывают вверх, когда белки разбегаются по своим домикам на деревьях.

— Вау, — восхищаюсь я, любуюсь живописным видом. — Здесь так красиво.

— Ага. Кроме того, тихо и уединенно. Именно так нам и нравится.

Я поворачиваюсь к нему.

— Уверен, что твоя семья не против, если я останусь с вами?

— Да, — ответ звучит немного нетерпеливо. Наверное, потому, что я уже спрашивала об этом несколько раз. Судя по всему, я ничего не могу с собой поделывать. Мне ненавистно чувствовать себя обузой, особенно после всего, что он уже сделал для меня.

— И все же, если это действительно создаст проблему, просто знай, что я могу остаться в приюте. Социальный работник сказала, что для меня найдется комната, если она мне понадобится.

Он поворачивается в мою сторону, темные глаза пронзают меня тяжелым взглядом.

— Мы уже говорили об этом, Алиса. Ты остаешься со мной, чтобы я мог позаботиться о тебе.

Не в первый раз я задаюсь вопросом, зачем ему все это. Зачем идти на такие неудобства ради совершенно незнакомого человека? А потом ко мне возвращаются слова, сказанные им ранее.

Я знаю, каково это, когда у тебя никого нет. Я знаю, каково это — быть одиноким и напуганным.

Это откровение стало для меня неожиданностью. Он похож на человека, который никогда ничего и никого не боялся. В этом заключается еще одна причина, по которой я чувствую с ним такую связь, и почему согласилась поехать к нему домой.

— Тебе сейчас страшно, но я обещаю, что со мной ты в безопасности, — снова говорит он, ошибочно принимая мое молчание за что-то другое. — Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Дело не в этом, — шепчу я, глядя на свои колени. — Я просто не хочу доставлять хлопот, вот и все.

— Ты и не доставляешь. Я хочу, чтобы ты была с нами. Хочу, чтобы ты была со мной, понимаешь?

Я киваю.

— Да, понимаю.

— Хорошо. Кроме того, — добавляет он, откидываясь на спинку сиденья. — Мой отец любит, когда в доме многолюдно, и еще больше, когда за столом полно народа. Он счастлив, что у него будет еще один рот, который можно накормить.

Эта уверенность немного успокаивает. Надеюсь, его братья такие же добрые, как он и его отец. По нашим немногочисленным разговорам, очевидно, что он очень близок с семьей. После того, что рассказала медсестра Линда, кажется, они даже ближе, чем я предполагала.

Я заглушаю эту мысль, прежде чем она разовьется дальше.

Грузовик начинает замедлять ход при приближении к белому забору, окружающему акры фермерской земли. Мое сердце наполняется волнением при виде нескольких лошадей, пасущихся на пастбище.

— Вот это всё, — спрашиваю я, не в силах скрыть надежду в своем голосе, — твоя ферма?

— Отца, если углубиться в детали, но, да... это мой дом. — Он сворачивает и едет по длинной гравийной дороге, окруженной зелеными пастбищами и свежевспаханнами полями.

Мое волнение усиливается еще больше, когда я замечаю вдалеке большой красный амбар. По обе стороны от него стоят курятник и свинарник с еще большим числом животных.

— Они невероятны, — зачарованно шепчу я.

— Я так понимаю, тебе нравятся животные?

Я размышляю над вопросом, так как понятия не имею. Не слишком раздумывая об этом, отвечаю с теплом, возникшем в груди.

— Да, полагаю, что нравятся.

Ответ, похоже, приходится ему по душе.

— Я проведу для тебя экскурсию, как только ты достаточно поправишься.

Я одариваю его благодарной улыбкой.

— Мне бы очень этого хотелось.

Мое внимание возвращается к окну, когда в конце подъездной дорожки маячит большой белый фермерский дом. От южной красоты черных ставен и широкой веранды, обрамляющей дом, просто захватывает дух.

Брэкстен, однако, не едет в том направлении. В последнюю секунду он сворачивает направо, съезжая на другую гравийную дорогу, ведущую к дому поменьше на соседнем участке. Он гораздо более причудливый, но с круглой верандой, которую украшают два кресла-качалки и качели.

Мне очень нравится.

В нескольких футах от него стоит другой дом, но он поновее, немного больше и еще не достроен. По лужайке разбросаны пиломатериалы и инструменты.

— Там живет мой брат Джастис со своей семьей, — объясняет он, указывая туда, куда обращен мой взгляд. — Совсем недавно отец выделил всем нам небольшие участки земли, так что мы находимся в процессе строительства.

— Как здорово, что вы все живете так близко друг к другу, — говорю я.

— Ага. По-другому мы не можем.

За этими словами кроется глубокий смысл, но прежде чем я успеваю вникнуть в них как следует, он открывает свою дверцу.

— Сиди на месте, я подойду, чтобы помочь тебе.

Я киваю, благодарная за предложение, так как с момента выхода из больницы боль только усилилась.

Сначала он берет мою сумку с заднего сиденья, перекидывает ее через плечо, а затем открывает мою дверцу. Я опускаю руку ему на плечо, чтобы не упасть, но прежде чем успеваю использовать его как опору, он подхватывает меня на руки и вытаскивает из грузовика.

Жар проникает мне в кровь, и я снова чувствую, что задыхаюсь.

— Тебе не обязательно нести меня. Я могу идти сама, — уверяю я его, хотя признаю, что звучу нерешительно, потому что не могу отрицать, как приятно, когда тебя вот так держат. Мне тепло и безопасно — таких чувств я не испытывала с тех пор, как очнулась.

— Возможно, но так я доставлю тебя быстрее. — Он одаривает меня легкой улыбкой, вызывая у меня такую же.

— Тут я не могу с тобой поспорить.

Посмеиваясь, он поднимается на крыльцо, затем открывает дверь и заходит в дом. Оказавшись внутри, ставит меня на пол и помогает удержать равновесие, прежде чем

отпустить мои плечи.

— Спасибо. — Я прочищаю горло, слыша, как от неловкости у меня перехватывает дыхание.

— Пойдем, я покажу тебе, где ты будешь спать.

Он ведет меня мимо маленькой гостиной и кухни, затем по узкому коридору, где располагаются две спальни и ванная комната. Протянув руку, включает свет в одной из комнат, озаряя ее мягким светом.

Первое, что я замечаю, — насколько здесь чисто и прибрано. Большая двуспальная кровать с темно-синим стеганым одеялом и темно-коричневым изголовьем придвинута к стене. По обе стороны стоят одинаковые прикроватные тумбочки, а в углу — комод с зеркалом. В комнате царит мужская атмосфера, за исключением длинного белого платья, лежащего на кровати, и тонкой розовой кофточки рядом с ним.

— Моя невестка дала это тебе, — говорит он, указывая на наряд. — Можешь пока одалживать одежду у нее. Через несколько дней я отвезу тебя в город и куплю все необходимое.

Доброта этого человека не знает границ. Кажется, он продумал все. Как бы мне ни хотелось отвергнуть его великодушие, я знаю, что не в том положении. Я пока не знаю как, но найду способ отплатить ему за все, что он для меня сделал.

— Ванная комната по соседству, — продолжает он, — а кухня дальше по коридору. Угощайся всем, чем захочешь.

Я указываю на комнату напротив.

— А там будешь спать ты? — По какой-то глупой причине мои щеки вспыхивают от этого вопроса.

— Нет. Это комната моего брата.

Я выпрямляюсь, вдоль спины растекается беспокойство.

— Твоего брата?

Его глаза подозрительно сужаются.

— Это проблема?

— Конечно, нет, — быстро выдавливаю я. — Просто подумала, что ты останешься здесь со мной, вот и все.

— Безусловно. Я буду спать на диване.

Я качаю головой, при этой мысли меня охватывает чувство вины.

— Я не могу позволить тебе этого. Я буду спать на диване.

— Нет. Тебе нужно поправляться.

— Я могу спать где угодно.

— Как и я, — звучит твердо и окончательно.

— Это неправильно, Брэкстен, — мягко возражаю я. — Это твой дом.

— А теперь он еще и твой.

Его слова ударяют в самое сердце, знача больше, чем он может понять. Они вторгаются в мою потерянную душу, внезапно давая место, которому я могу принадлежать.

— Алиса, я спал в гораздо худших местах, чем диван. Поверь мне, со мной все будет в порядке.

Это заявление пробуждает мое любопытство, но у меня нет возможности спросить об этом, так как он заканчивает спор.

— Давай, переоденься. — Он кивает в сторону платья. — Я пойду принесу тебе стакан

воды, чтобы ты могла принять лекарство.

— Спасибо.

Кивнув напоследок, он выходит, закрыв за собой дверь.

Я оглядываю пустую комнату, осматривая принадлежащие Брэкстену вещи, меня все больше интригует мужчина, спасший мне жизнь.

Подойдя к комоду, беру фотографию в рамке, на которой он с братьями и отцом, каждый держит длинное ружье, по лицам размазана черная краска. Несмотря на смертоносные орудия в руках, их любовь друг к другу и улыбки освещают фото, причем у отца Брэкстена она самая широкая.

Не в первый раз я замечаю разницу в цвете их кожи. У всех братьев относительно одинаковый теплый тон, но, несмотря на это, они тоже не похожи друг на друга. Это заставляет меня задуматься, что свело этих мужчин вместе и сделало их семьей?

Отложив фотографию, поворачиваюсь к платью на кровати и пытаюсь поторопиться, пока Брэкстен не вернулся. К сожалению, раздеться оказывается довольно непросто. Каждое движение медленное и болезненное, с каждым поворотом ноющее тело кричит в знак протеста.

Проходят долгие минуты, прежде чем я, наконец, могу надеть платье, но это оказывается еще более трудной задачей. Мне удается просунуть только одну руку, прежде чем она застревает и запутывается. Вздох раздражения срывается с моих губ, а кожа чуть блестит от пота из-за напряжения.

Дверь распахивается, заставляя меня вздрогнуть.

— Эй, я принес... — Брэкстен останавливается на полушаге, предложение остается незаконченным, когда он видит меня в центре своей спальни полуодетой.

Я спешу прикрыть верхнюю половину тела. К сожалению, мучающий меня стыд не так-то легко скрыть.

— Прости. Я думал, ты уже закончила, — говорит он, но не утруждает себя тем, чтобы отвести взгляд.

— Все в порядке, — бормочу я, опустив глаза.

— В порядке?

Я качаю головой, не в силах солгать.

— Что такое, Алиса? — командный голос заставляет меня ответить.

— Мне все еще очень трудно одеваться самой. — Унижение угрожает поглотить меня на месте.

— Почему ты ничего не сказала?

Я пожимаю плечами, затем снова смотрю в пол, не желая признавать, как неловко находиться в такой зависимости. Я устала чувствовать себя беспомощной.

Спустя несколько мгновений чувствую его приближение. Он ставит стакан на комод, затем подходит ко мне и встает позади, его пальцы скользят по коже моего плеча.

Ощущения от нежных прикосновений влияют на чувства самым прекрасным образом, неосознанно успокаивая каждую рану на моем теле.

— Здесь есть молния, — бормочет он.

Смущение терзает сильнее.

Как, черт возьми, я пропустила молнию?

Он изо всех сил пытается распутать беспорядок, в котором я оказалась.

— Слушай, я должен снять платье. Как только расстегну молнию, ты сможешь его

надеть.

Я колеблюсь, боясь, что он увидит, что скрывается под одеждой, увидит меня в самом худшем виде. Потом вспоминаю, какой он меня нашел, и понимаю, что он уже все видел.

— Я не буду смотреть, — обещает он, чувствуя мою внутреннюю борьбу.

Собравшись с духом, отнимаю руки со своей обнаженной груди. Ткань покидает тело, как горячая ласка, прохладный воздух шепчет над моими сосками, вызывая огненные ощущения, которые извергаются подобно вулкану. Добавьте это к мужчине позади меня, его теплему дыханию на моей коже, мужскому запаху, вторгающемуся в мои чувства, и все это становится ошеломляющим.

Как ожог, так и прохлада.

Одновременно пугает и волнует.

Эти ощущения лишь усиливаются, когда Брэкстен опускается позади меня. Проходят долгие секунды, пока он остается там, скорчившись, не двигаясь, не дыша. Даже не издавая ни единого звука.

Я стою, оцепенев, и гадаю, почему так долго.

— Брэкстен? — его имя срывается с моих губ вопросом.

— Я солгал, — бормочет он.

Меня охватывает замешательство. Пока его пальцы не касаются моей поясницы, чуть выше ягодиц, прямо над тем местом, где, я знаю, глубокие, уродливые, белые шрамы пересекают мою кожу крест-накрест. Сама я на них не смотрела, не в силах вынести вида новых ран, но я их чувствовала. Зная, что именно здесь сосредоточено его внимание, во мне вновь вспыхивает стыд.

Прикусываю губу, чтобы сдержать эмоции, и делаю все возможное, чтобы объяснить то небольшое, что я о них знаю.

— Мне сказали, что это старые раны.

Он ничего не говорит в ответ, но ему и не нужно. В следующую секунду чувствую, как губы самым нежным образом касаются поруганной кожи, запечатлевая поцелуй, исцеляющий не только раны на моей плоти, но и боль, похороненную в моей душе.

У меня перехватывает дыхание, от шока я не могу двигаться. Искренний поступок оставляет на моей спине такие же глубокие отметины, как и те шрамы, но последствия другие. Совершенно разные. Они меняют жизнь, говоря гораздо больше, чем могли бы сказать слова, глубоко проникая в мое израненное сердце.

Я сбита с толку, но тут, наконец, раздается звук расстегивающейся молнии.

— Отойди. — Его голос грубее, чем несколько секунд назад.

Как только я подчиняюсь, он встает, натягивает материал на место и легко накидывает бретельки мне на плечи, прежде чем застегнуть молнию.

Я стою неподвижно, не в силах пошевелиться. Не в состоянии дышать.

Он меня обходит, вставая лицом ко мне, затем натягивает на меня кофточку, прикрывая то, что я бы хотела, чтобы никто никогда не увидел, особенно он.

Слишком поздно.

Страх мешает мне поднять на него глаза, я в ужасе от того, что в них обнаружу.

Жалость? Сочувствие?

Он не позволяет мне спрятаться. Не в этот раз. Проводит пальцем под моим подбородком, приподнимая мое лицо к своему.

Хаос, бушующий в его темных глазах, пробивает грудь насквозь. В них слишком много

эмоций, но нет ни одной, которую я ожидала там найти. Я вижу гнев и боль, ту самую, что таится глубоко внутри меня, но больше всего я вижу схожесть между нами. Словно, может быть... только может быть, он тоже понимает, каково это — испытывать такую боль.

Его рука поднимается, пальцы скользят по моей щеке в ласковом прикосновении.

— Между нами не должно быть ни стыда, ни гордости, Алиса. В следующий раз, когда тебе понадобится помощь, скажи мне. Хорошо?

Я киваю.

— Ладно, а теперь, прими лекарство. Я подожду тебя снаружи, а потом мы пойдем в главный дом на ужин. — Не сказав больше ни слова, он уходит, во второй раз безвозвратно меняя мою жизнь.

Воздух, который был заперт в груди, вырывается из меня судорожным потоком. Дрожащими руками достаю из сумки лекарство и запиваю его стаканом воды, оставленным для меня. Затем направляюсь в ванную и плещу холодной водой на лицо, мне нужно собраться с духом, прежде чем снова встретиться с ним.

Удивительно, как незнакомец может так сильно влиять на меня. Как я могу находиться под таким воздействием от этого человека.

Как только я более-менее беру себя в руки, выхожу из ванной и слышу смех. Следуя на заразительный звук, выбираюсь из дома и обнаруживаю Брэкстена, раскачивающего за одну руку и ногу девочку, чей пронзительный визг вызывает у меня улыбку. Вскоре я понимаю, что это, должно быть, его племянница.

— Быстрее, дядя Брэкс. Быстрее!

— Тебе лучше не блевать на мои ботинки, крошка.

— Не волнуйся, я буду целиться в траву.

Хихиканье вырывается у меня прежде, чем я успеваю его остановить.

Брэкстен резко вскидывает голову, встречаясь со мной темными глазами. Они приковывают меня к месту, и тщательное самообладание, которое мне удалось восстановить, рушится от одного его взгляда.

Он перестает кружить девочку и ставит ее на ноги.

— О, почему ты остановился?

Его взгляд не отрывается от моего.

— У нас гости, коротышка.

Внимание девочки перемещается туда, куда смотрит Брэкстен, и при виде меня у нее вырывается тихий вздох. Маленькое личико освещается волнением, когда она протягивает мне руку.

— Привет, мисс Алиса, меня зовут Ханна Джей Крид. Я племянница.

Мое сердце полностью тает от вежливого приветствия. Я принимаю ее руку, наклоняясь так низко, как только могу.

— Ну, привет, Ханна Джей Крид. Приятно с тобой познакомиться.

— Мне тоже. Добро пожаловать в самую крутую семью Миссисипи. Не так ли, дядя Брэкс? — Ее взгляд перемещается на дядю, ее не столь утонченная скромность одновременно мила и забавна.

— Все верно, малышка. — Брэкстен подходит к нам, его горящие глаза скользят по мне, напоминая о нашем мгновении несколько минут назад.

Я переминаюсь с ноги на ногу и тереблю косу.

— Проголодалась? — спрашивает он.

— Немного.

— Хорошо. Папа готовил весь день.

— Вам понравится гамбо Папы Тэтчера, — говорит мне Ханна и берет меня за руку чтобы повести к дому. — Это особый рецепт, которого больше никто не знает. Ну, кроме меня. Он делится со мной всеми своими секретами, потому что мы очень близки.

Брэкстен следует за нами по пятам, с удовольствием наблюдая за происходящим.

— В этом году он участвует в городском отборочном туре, и я знаю, что он займет первое место. Может, если к тому времени вы почувствуете себя лучше, то тоже придете.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но не успеваю, потому что ее губы двигаются со скоростью миллион миль в минуту.

— Будет очень весело. Там будет живая музыка, игры и даже забег на трех ногах. Мисс Гвен тоже готовит свой знаменитый кукурузный хлеб, который вы также попробуете за ужином. Он потрясающий. Он станет вашим любимым из всех сортов кукурузного хлеба, которые вы пробовали раньше. То есть... если вы любите кукурузный хлеб? — Она выжидающе смотрит на меня, наконец-то давая мне возможность заговорить.

Вопрос простой, но, к сожалению, я не могу на него ответить.

— Честно говоря, я не знаю, но уверена, что мне ее хлеб понравится, — добавляю я, не желая показаться грубой.

— Думаю, понравится, но если нет, не волнуйтесь, я потом скормлю его хрюшкам.

Смешок Брэкстена разносится по воздуху, в то время как на моих губах появляется легкая улыбка.

Как только мы добираемся до дома, Ханна отпускает мою руку и взлетает по ступенькам, врываясь в парадную дверь.

— Наша гостя здесь! — объявляет она.

Я оглядываюсь на Брэкстена.

— Она энергичный ребенок, к тому же любит поболтать обо всем, — говорит он мне, и уголки его губ приподнимаются в ухмылке.

— Я вижу. А также она очень вежлива и совсем не застенчива.

Он хмыкает.

— Определенно не застенчива.

— Я восхищаюсь этой чертой в ней.

Я бы все отдала, чтобы быть такой доверчивой. Не бояться каждый раз, когда оборачиваюсь. Это заставляет меня задуматься, была ли я когда-нибудь такой. Была ли я всегда робкой и застенчивой, или же смелой и общительной?

Из глубины дома доносится смех, вырывая меня из моих мыслей. Я смотрю на входную дверь, чувствуя, как нервозность снова дает о себе знать.

— Если не готова, можем вернуться ко мне, — предлагает Брэкстен, пристально наблюдая за мной. — Я принесу ужин туда.

Часть меня хочет принять его предложение, но знание того, что его отец приложил столько усилий, заставляет отказаться.

— Нет, все в порядке. Правда.

Он не выглядит таким уж убежденным, но не спорит.

— Хорошо. Тогда давай узнаем, любишь ли ты гамбо и кукурузный хлеб. — Его ладонь ложится на мою поясницу, теплое прикосновение успокаивает, когда он ведет меня внутрь, на кухню, где находится его семья.

— Вот она! — объявляет Ханна, указывая на меня.

В комнате воцаряется тишина, напряжение настолько сильное, что его можно резать ножом.

— Я же вам говорила, что она хорошенькая.

От милого комплимента у меня вспыхивают щеки.

Брэкстен наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Ребенок еще и честный.

Мой взгляд поднимается к нему, и я очарована его искренним выражением. Его слова озадачивают меня, как он может так говорить, когда несколько минут назад видел мои шрамы.

Отец Брэкстена отходит от плиты, чтобы первым поприветствовать меня, на его лице появляется добрая и терпеливая улыбка.

— Алиса, как чудесно видеть тебя снова, — тепло говорит он, нежно обнимая меня за плечи. — Добро пожаловать в мой дом.

От дружеского приветствия я быстро успокаиваюсь.

— Спасибо, что пригласили меня, мистер Крид. Я очень ценю это.

— Пожалуйста, зови меня Тэтчер.

Я киваю.

— Тэтчер.

— Позволь мне представить тебе мою Гвен.

Он тянется к женщине, с которой стоял рядом, когда я вошла, и притягивает ее поближе к себе. У нее длинные серебристые волосы, темно-синие глаза и улыбка, которая отражает ту же заботливую натуру, что и у мужчины рядом с ней.

— Приятно познакомиться с тобой, Алиса. — Она нежно сжимает мою руку обеими ладонями.

— И мне тоже, Гвен. Слышала, вы готовите лучший кукурузный хлеб в Миссисипи.

Она отмахивается от комплимента, но Тэтчер ей этого не позволяет.

— Так и есть. Вкуснее не найти. — Он смотрит на женщину с безошибочной любовью, которой удается заполнить всю комнату.

Брэкстен указывает на мужчину, сидящего за кухонным столом.

— Вон там мой несносный старший брат, Джастис.

— Который к тому же мой папа, — с гордостью добавляет Ханна Джей, запрыгивая мужчине на колени. Даже если бы малышка не объявила об этом, я бы догадалась сама. Сходство между ними безошибочно.

Джастис обладает таким же властным обликом, как и Брэкстен, но то, как он смотрит на дочь, смягчает эту суровую внешность.

Он кивает мне.

— Приятно познакомиться, Алиса.

— Мне тоже, — шепчу я застенчиво.

— Рядом с ним его жена, Райан, — дальше представляет Брэкстен, двигаясь вдоль стола. — Она тайно влюблена в меня и пытается найти способ расстаться с моим братом без скандала.

Красивая женщина с каштановыми волосами закатывает глаза и встает из-за стола, демонстрируя слегка округлившийся животик.

— В твоих мечтах, Крид.

Я посмеиваюсь над их игривым подтруниванием.

Она подходит ко мне, пожимая мою руку.

— Привет, Алиса. Рада видеть, что платье подошло.

Я нервно разглаживаю его спереди.

— Да. Спасибо, что одолжила его мне.

— Конечно. После ужина я подберу тебе что-нибудь для сна.

Благодаря ее доброте, вновь натянутые нервы ослабевают.

— А тот клубочек солнца в дальнем углу — мой брат Нокс.

Мой взгляд перемещается туда, куда указывает Брэкстен, и моя улыбка мгновенно исчезает, когда я встречаюсь с ледяным взглядом. Большую часть тела мужчины покрывают татуировки, делая его еще более устрашающим, чем его братья. Однако, в отличие от его братьев, я не нахожу под этой суровой внешностью никакой мягкости, никакой теплоты или сострадания.

— Привет, — выдыхаю я, и в моем голосе слышится легкая дрожь.

Ответом мне служит молчание. Если бы мы с ним были знакомы, то я поклялась бы, что он меня ненавидит, но я не могу придумать ни одной причины для этого.

Брэкстен подходит к брату и встает позади, обнимая его за шею.

— Привет, Алиса. Приятно с тобой познакомиться. Я сварливый засранец. Не принимай это близко к сердцу.

Ханна и Райан хихикают, и это немного снимает напряжение, наполняющее комнату. Мне становится чуть легче от осознания того, что его отношение касается не только меня.

— Давайте усаживаться за стол, — объявляет Тэтчер, опуская теплую ладонь мне на плечо.

Я сажусь между Райан и Брэкстеном. Ужин начинается с того, что Ханна Джей произносит молитву, и даже включает в нее меня, благодаря Бога за то, что он благословил ее семью моим присутствием. Девочка хоть и маленькая, но ее сердце достаточно большое, чтобы свернуть горы.

Как только я приступаю к еде, обнаруживаю, что на самом деле люблю гамбо и кукурузный хлеб. Настолько, что съедаю две порции. Чему Брэкстен, похоже, рад.

— Итак, когда мы снова пойдем стрелять, ребята? — задает вопрос Ханна Джей с полным ртом еды, оглядывая всех мужчин за столом.

— Ты не идешь, — вмешивается Райан строгим тоном.

— Брось, мам. Дядя Нокс только что смастерил новое ружье. Я хочу увидеть его в действии.

— Детка, мы испробуем его на этой неделе, — обещает Джастис, подрывая авторитет жены. Он пытается смягчить удар, очаровательно подмигнув ей.

Райан этого не терпит.

— Почему вы не можете вместо этого взять ее повозиться с животными? Она любит животных.

— Я беру ее к животным, — защищаясь, заявляет Тэтчер.

— Это правда, и я действительно люблю животных, — признается Ханна. — Но оружие я тоже люблю.

Райан качает головой, но невозможно отрицать улыбку, которую она пытается скрыть.

— Каков отец — такова и дочь.

— То-то и оно, Райан, — вмешивается Брэкстен. — Тебе пора перестать бороться с

наследственностью. Она — Крид. Крутая во всем.

Он наклоняется через стол, ударяясь кулачками с племянницей.

Их общение вызывает у меня улыбку.

Несмотря на разницу во мнениях, очень легко увидеть, насколько эта семья близка. Как сильно они все любят друг друга. От этого я испытываю некоторую зависть.

Остальная часть ужина проходит в том же духе, с обилием разговоров и смеха, за исключением Нокса. Все это время он сидит тихо, холодным и суровым взглядом буравя меня сбоку. Я игнорирую его, насколько могу, и сосредотачиваюсь на других.

После десерта Тэтчер провожает Гвен до ее машины, и только тогда я понимаю, что они не женаты. Райан сообщает мне, что они только недавно воссоединились после долгих лет разлуки. Это откровение застает меня врасплох. Любовь, лучащаяся от этих двоих, — вечна.

Ханна тянется за кусочком торта с шоколадным кремом, стоящим на столе, но Райан останавливает ее.

— Вам, маленькая мисс, пора в ванную, — смеется она, стирая остатки десерта с лица дочери, после чего переводит внимание на меня. — Алиса, если хочешь пойти с нами в дом, я могу подобрать тебе что-нибудь, в чем тебе будет удобно спать?

Я смотрю на Брэкстена, убеждаясь, что он не против.

— Иди, я скоро встречу с тобой дома.

— Хорошо.

До того как уйти, Ханна совершает обход перед сном, начиная с Брэкстена. Она бросается в его распростертые объятия и целует в щеку.

— Спокойной ночи, дядя Брэкс. Люблю тебя.

— Люблю тебя больше, коротышка. — Он отвечает ей чмокающим поцелуем в щеку, отчего девочка громко смеется.

Затем она подбегает к Ноксу, но вместо того, чтобы обнять его, как Брэкстена, целует свою ладошку и нежно прикладывает ее к его щеке.

— Люблю тебя, дядя Нокс.

На самый краткий миг я вижу, как холодная, твердая оболочка сползает. В его глазах мелькают почти боль и тоска, а потом он отнимает руку девочки от своего лица и целует ее ладошку, между ними пробегает момент понимания.

— Увидимся завтра, малышка.

Теплота, наполнявшая его глаза в отношении племянницы, испаряется, когда он смотрит на меня, бросая еще один ледяной взгляд. Склонив голову, я тихо прощаюсь со всеми.

— Я недолго, — обещает Брэкстен.

Я киваю ему, затем следую к двери за Райан и Ханной. Оказавшись снаружи, девочка убегает вперед нас, тогда как Райан держится позади, передвигаясь ради меня медленным шагом.

На прекрасные поля начали опускаться сумерки, и я поражена их умиротворенностью. Здесь так тихо, что слышны только отдаленные звуки природы.

— Здесь очень красиво, — тихо размышляю я.

— Да, — соглашается Райан. — Это место — все для Тэтчера и мальчиков, и для меня тоже оно стало много значить. Не представляю свою семью где-то еще.

Она гладит себя по небольшому животу, лучась счастьем.

— Какой у тебя срок? — спрашиваю я, надеясь, что не перегибаю палку.

— Всего несколько месяцев, но иногда, кажется, что времени прошло гораздо больше, — признается она со смехом.

— Ты прекрасно выглядишь, и у тебя замечательная семья.

Ее улыбка расплывается еще шире.

— Спасибо. С ними может быть непросто, но поверь мне, ты не найдешь более преданной семьи, чем эта.

— Я вижу. Вы все кажетесь очень близкими, особенно мальчики. Они все такие... — Тишина заполняет момент, пока я подыскиваю нужное слово. — Напряженные.

Она посмеивается над моим неудачным выбором слова.

— Точно, напряженные, особенно Нокс. — Она бросает взгляд в мою сторону, чувствуя мою неловкость по отношению к нему.

— Да, я заметила.

— Не принимай это близко к сердцу. Он такой со всеми, включая меня. Он не доверяет никому, кроме братьев и отца.

— И меня! — кричит Ханна Джей, явно прислушиваясь к нашему разговору.

— И Ханна, — добавляет Райан, в ее тоне сквозит веселье. — Как только ты узнаешь его поближе, то увидишь, что он не такой уж страшный. Он просто защищает своих братьев, они друг для друга — всё. Между ними особая связь, которую никто не поймет.

Она, похоже, довольно хорошо их понимает, и я не могу не задаться вопросом, насколько близка она была с ними, — мой разум уносит меня к немыслимому. Я быстро отмахиваюсь от этой мысли, зная, что это не мое дело.

Когда мы подходим к ее дому, я хватаюсь за перила и начинаю осторожно подниматься. Райан быстро берет меня за свободную руку, предлагая поддержку.

— Позволь мне помочь.

— Спасибо.

Она придерживает меня весь путь и не отпускает, пока мы не входим в дом.

— Извини за беспорядок. — Она отодвигает ногой разбросанные инструменты у входной двери, освобождая больше места. — Дом все еще на стадии строительства, но пригоден для жилья.

— У вас прекрасный дом, — говорю я, рассматривая двухэтажный дом открытой планировки.

— Спасибо. Не возражаешь, если я сначала ее искупаю? — спрашивает она, указывая на Ханну Джей.

— Вовсе нет.

— Спасибо. Я быстро.

Взяв дочь за руку, она торопит ее подняться вверх по лестнице. Пока они заняты, я пользуюсь возможностью подойти к каменному камину и полюбоваться семейными фотографиями на нем. Я улыбаюсь при виде Ханна Джей, ее дядюшек и папы, одетых в камуфляж и держащих оружие. Милая, невинная маленькая девочка удивительно хорошо вписывается в компанию трех пугающих мужчин.

Проходит совсем немного времени, и Райан возвращается в гостиную со стопкой одежды.

— В чем предпочитаешь спать? — спрашивает она. — У меня есть ночная рубашка, майка с шортами или с пижамными штанами.

— Вероятно, мне проще всего будет надевать ночную рубашку, если ты не против?

— Конечно. Вот, держи.

Когда я тянусь за шелковой ночной рубашкой, которую она мне протягивает, кофта сползает с моего плеча, открывая черно-синее месиво.

Взгляд Райан цепляется за цветастые раны, с ее губ слетает легкий вздох, прежде чем я быстро успеваю прикрыться.

— Спасибо, — шепчу я, не в силах смотреть ей в лицо.

— Не за что. — Она прочищает горло и продолжает: — Послушай, Алиса. Если тебе что-нибудь понадобится, вообще, что угодно, можешь обратиться ко мне. Даже если захочешь просто поболтать.

Я снова смотрю на нее, видя гораздо больше, чем сочувствие. Между нами возникает некое взаимопонимание.

— Скоро ты узнаешь, что мужчины на этой ферме временами могут быть чрезвычайно властными. Будет приятно, если рядом окажется другая женщина, к которой можно обратиться.

Я возвращаю ей улыбку и в этот момент понимаю, что, возможно, только что завела нового друга.

— Что ж, не буду больше отрывать у тебя время, — говорю я, решая, что пора уходить. — Еще раз спасибо за одежду.

— Хочешь, я провожу тебя? — предлагает она. — Брэкс меня убьет, если с тобой что-нибудь случится.

Не отрицаю, что мое сердце замирает, когда я слышу это.

— Все в порядке. Я справлюсь сама, но все равно спасибо.

Она кивает, и я направляюсь к выходу.

— Мисс Алиса, подождите!

Остановившись, оборачиваюсь к Ханне, спускающейся по лестнице в пушистом розовом халате. Подбежав, она протягивает мне толстую книгу.

— Это вам.

— Что это? — удивленно спрашиваю я.

— Это история об Алисе в Стране чудес, — объясняет она. — Она о девочке по имени Алиса, которая заблудилась в месте под названием Страна чудес, но по пути она заводит друзей. Я подумала, что вам, возможно, захочется ее прочитать.

Я смотрю на обложку, на светловолосую девочку с ярко-голубыми глазами, видя больше сходства, чем только имя. От этого продуманного жеста у меня перехватывает горло.

— Я бы с удовольствием ее прочитала. Спасибо, Ханна.

— Не за что. — Шагнув ко мне, она нежно обхватывает меня руками за талию и бережно прижимает к себе. — Папа Тэтчер говорит, что иногда самые лучшие друзья встречаются в самые дождливые дни.

Моя рука инстинктивно обвивается вокруг ее маленького тела, когда любовь вторгается в мою душу. Я поднимаю глаза и вижу, что Райан наблюдает за нами с нескрываемой гордостью за дочь.

Чувствуя, что близка к тому, чтобы разрыдаться, шепчу последнее «до свидания» и выхожу за дверь. Иду через двор к соседнему дому, не отрывая взгляда от книги в своей руке.

Оказавшись на крыльце, сажусь в кресло-качалку и открываю книгу. При тусклом свете начинаю читать и теряюсь в очаровательном месте под названием... Страна Чудес.

Брэкстен

— Я ей не доверяю, — жесткий голос Нокса нарушает тишину за кухонным столом. — С ее историей что-то не чисто.

Он повторял это с самого начала. Нокс никому не доверяет, особенно женщинам, но чего он не может понять, так это того, что Алиса не просто незнакомка, не просто обычная девушка. Не для меня.

— Во всей этой истории она — жертва, Нокс, помнишь? Не враг.

— Как ты можешь быть так уверен в этом? — возражает он. — Почему ее оставили на нашей земле, Брэкс? Почему она помнит свое имя и ничего больше? В этом нет никакого смысла.

— В этом не обязательно должен быть смысл, — парирую я. — Я видел шрамы, брат. Она ни хрена не притворяется!

От воспоминания об увиденном ранее, о глубоких, неровных бороздках, врезавшихся в ее кожу, в моих венах снова разгорается ярость. Вне всяких сомнений, долгое время Алиса страдала от рук безжалостного монстра.

Страх в ее глазах так же реален, как и шрамы, которые она носит. Так же реален, как и месть, воспламеняющая мою кровь.

— Здесь я должен согласиться с Брэкстеном, — поддерживает меня отец. — Я не верю, что у этой девушки имеется некий злой умысел по отношению к нашей семье. Она еще более растеряна и сбита с толку из-за всего этого, чем все мы.

— Возможно, ты прав, но нам все равно нужно взглянуть на ситуацию со всех сторон, — добавляет Джастис, впервые подавая голос. — Следует рассмотреть несколько сценариев, один из которых заключается в том, что это вполне может не иметь никакого отношения к нашей семье. То, что она оказалась на нашей земле, может быть чистым совпадением.

— Тогда зачем ей говорить то, что она сказала Брэксу? — с сомнением указывает Нокс. — Она вела себя так, будто знала его.

Джастис пожимает плечами.

— Она была дезориентирована. В тот момент могла сказать что угодно.

— Я так не думаю, — вмешиваюсь я, мое внутреннее чутье говорит мне о другом. — Здесь есть кое-что еще. Я знаю это. Чувствую с ней связь, которая бессмысленна, потому что я никогда не видел ее раньше.

Независимо от того, сколько я боролся с прошлым, чтобы отгородиться от него, ее лица я бы никогда не забыл.

— Может, это скорее взаимопонимание, чем связь, — задумчиво произносит отец. — Если кто-то и может понять, через что сейчас проходит бедная девочка, так это вы, мальчики.

Это правда. Я знаю, каково это — потерять все, быть одиноким и никого не иметь, и теперь, увидев шрамы, понимаю это еще больше.

— Я решил, что нам нужно больше помощи в этом деле, — продолжает отец. — Больше глаз и ресурсов. Вот почему связался с агентом Джеймсоном.

Райдер Джеймсон — агент ФБР, который помог нам разоблачить коррупцию семей-

основателей. Ему можно доверять, и у него имеются ресурсы, которых нет у других правоохранительных органов.

— Я рассказал ему то небольшое, что у нас было на тот момент, и он сказал, что покопается. А мы пока держим нос по ветру и глаза открытыми. Никому не доверяем и не рискуем.

— Именно об этом я и говорю все это время, — выпаливает Нокс. — Так почему же мы доверяем ей? Даже не рассматриваем возможность того, что она может оказаться врагом.

Его продолжающееся, неуместное обвинение выводит меня из себя.

— Может, уже прекратишь нахрен? — рявкаю я. — Не хочешь доверять ей, Нокс, прекрасно, но тогда доверься мне, черт возьми. Я бы не привел ее сюда, если бы хоть на секунду усомнился, что она не представляет для нас угрозу.

Его челюсть сжимается от гнева, холодные, жесткие глаза неумолимы, но среди его гнева мелькает страх. Страх потерять больше, чем у него уже есть. Я точно знаю, откуда это происходит: связи, созданной нами ради него, уже нанесен удар.

С тех пор как Джастис покинул круг, связь перестала быть прежней. Не так часто, но по ночам, когда демоны брата возвращаются, преследуя его, вот тогда связь восстанавливается.

Я — все, что у него осталось.

Напоминание похоже на ведро холодной воды, остужающее гнев, пылающий под поверхностью.

— Она такая же, как мы, брат, — я смягчаю тон, пытаюсь заставить его понять. — Какими мы были всего несколько лет назад. Одинокими, напуганными. Только у нее никого нет, тогда как мы были друг у друга. Мы должны защитить ее. Как папа защитил нас.

— Что, если не мы должны ее защищать? — спрашивает Джастис.

Я перевожу взгляд на него.

— О чем ты?

— Что, если у нее кто-то есть, Брэкс, ты думал об этом? Может, ее похитили, и в данный момент какие-то люди ее ищут.

Я рассматривал такую возможность, но для меня это не важно.

— Если это правда, то эти люди с самого начала не очень хорошо о ней заботились, не так ли? Они упустили свой шанс. Теперь она моя, и пока я дышу, позабочусь о том, чтобы никто и никогда больше не навредил ей. — Клятва слетает с языка с той же убежденностью, что я чувствую в глубине души.

Нокс тут же взрывается, как заряженный пистолет.

— Вот гребаная проблема. — С разъяренным лицом он тычет в меня пальцем. — Ты не мыслишь здраво. Думаешь своим членом, а не головой.

Он неправ, здесь гораздо больше, но как мне объяснить то желание защитить ее, которое я испытываю по отношению к ней, когда я даже сам не могу его понять?

— Нах*й все это, мне нужно покурить.

Он вскакивает со стула, опрокидывая его на пол, и выбегает через заднюю дверь, но не раньше, чем я во второй раз вижу в его глазах страх, и чувство вины угрожает поглотить меня целиком.

— Я займусь им. — Джастис встает и следует за ним во мрак теней; где мы с братом блуждали снова и снова.

Под грузом сожаления опускаю голову на руки.

Отец сильно и уверенно сжимает мое плечо.

— Ты поступаешь правильно, сынок. Я горжусь тобой за то, что ты заботаешься об этой девочке.

Поворачиваю голову, встречаясь с его мудрым взглядом, в котором, кажется, всегда есть ответы на все вопросы.

— Они не понимают. Не могут. Не они нашли ее в таком состоянии. Не они видели, что с ней сделали. Я нужен ей, папа. Я не могу повернуться к ней спиной.

— Конечно, не можешь. — Он разворачивается ко мне на стуле. — Послушай, твой брат боится перемен, и в последнее время в нашей семье их было много. Ему потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть, но с ним все будет в порядке. Он сильнее, чем вы с Джастисом думаете. И всегда таким был.

Я не так уверен в этом, но он не знает, чем мы занимаемся, не знает демонов, которые скрываются в душе брата, с чем мы с Джастисом всегда боролись бок о бок с ним. Когда мы трое вместе, он меньше боится. Если он потеряет это, не уверен, что с ним случится.

— Все получится, вот увидишь, — уверенно добавляет он. — Сейчас, твоя забота — быть рядом с этой девушкой, а я позабочусь обо всех остальных.

Что он всегда и делал. Заботился о нас, даже когда мы не облегчали ему задачу. Он не должен был любить нас, но любил. Незнакомец, человек, не связанный с нами кровными узами, не говоря уже о разном цвете кожи, но он любил нас больше, чем кто-либо. Больше, чем наша собственная плоть и кровь.

Я вглядываюсь в него, задаваясь одним вопросом.

— Могу я кое о чем тебя спросить?

— Конечно, — отвечает он без колебаний.

— Почему ты это сделал?

По его лицу скользит замешательство, прежде чем я быстро уточняю.

— Почему много лет назад взял нас к себе?

От тяжести вопроса он откидывается на спинку стула, выражение его лица проясняется.

— Мы никому не были нужны. Даже собственным родителям. Черт, моя мать выбросила меня в гребаный мусорный бак и оставила там гнить. — Эти слова вызывают у меня горький смех, на языке появляется кислый привкус, в груди поселяется боль, которую я всегда буду носить с собой, несмотря на то, что никогда даже не знал эту женщину. — Но ты приютил нас. Почему?

Темные глаза, всегда полные понимания, смотрят на меня с выражением любви, которой я не знал до него.

— Ну, знаешь, как говорят, мусор одного человека — сокровище другого.

Его слова врезаются в грудь, как кувалда, перехватывая горло. Стиснув челюсть, борюсь с нахлынувшими эмоциями.

Отец сжимает мою шею сзади, заставляя признать то, что главенствует в его глазах.

— Послушай меня, сынок. Кровь ничего не значит, но любовь, любовь значит все, и любить вас, мальчики, — это самое легкое, что я когда-либо делал. Вы всегда должны были быть моими, Брэкстен, и ничто этого не изменит. Ты слышишь?

Я киваю, потому что в данный момент не могу произнести ни слова. Позволяю отцу нарисовать мне картину в перспективе. Напомнить, что вся пережитая нами боль, была ради чего-то. Точнее, ради всего. Ради семьи, в которой мне было отказано при рождении.

— Иди сюда. — Он тянет меня со стула и заключает в крепкие объятия. — Я люблю тебя, сынок.

— Я тоже тебя люблю, папа.

Он хлопает меня по спине и отстраняется.

— А теперь выметайся отсюда. Иди, позаботься о девушке. Увидимся утром.

Я выхожу через парадную дверь, отказываясь попрощаться с братьями. О них я побеспокоюсь завтра. Я и так достаточно долго заставил Алису ждать.

Направляясь в темноте к дому, мои мысли и эмоции переполнены последствиями того, что только что произошло на кухне. Со всеми оставшимися без ответа вопросами, когда речь заходит об Алисе, и этим новым разрывом между мной и братом, я не уверен, что делать дальше или как все исправить для всех нас. Но я точно знаю, что найду способ, и никогда не повернусь спиной ни к одному из них.

Смятение быстро проходит, когда я подхожу к дому и вижу Алису, сидящую в кресле-качалке, она склонила голову и читает книгу, открытую у нее на коленях.

Свет на крыльце озаряет ее сиянием, делая похожей на потерянную, одинокую девушку, какой я ее знаю. Чего не видят мои братья.

Она так поглощена книгой, что не слышит моего приближения. Нет, пока мой ботинок не приземляется на первую ступеньку, и дерево не скрипит под моим весом.

Она вскидывает голову.

— Брэкстен. — Мое имя слетает с ее губ мягко и испуганно. — Ты меня напугал. Я не слышала, как ты подошел.

— Прости. Не хотел прерывать. Ты выглядела увлеченной историей.

Она заправляет выбившуюся светлую прядь за ухо.

— Да, видимо, так и есть.

Я сажусь на кресло напротив нее.

— Что читаешь?

Она поднимает книгу, показывая обложку «Алисы в Стране Чудес».

— Ханна дала ее мне, — говорит она застенчиво. — Подумала, что мне, возможно, захочется прочитать.

Учитывая, что у вымышленной девушки длинные светлые волосы, ярко-голубые глаза и даже такое же имя, я могу понять, почему моя племянница выбрала эту книгу. Даже сюжет сказки довольно уместен, учитывая, в какой е*анутой Стране Чудес она очутилась.

— Тебе нравится?

— Очень. Именно то, что мне было нужно этим вечером.

— Моя племянница также умная. Это ей досталось от меня, — говорю я, выдавив улыбку.

С ее губ срывается тихий смешок, и этот невероятный звук проникает мне в сердце.

— Так и есть, и она очень добрая. Как и вся твоя семья.

— Н-да, они ничего, — шучу я.

Сверкающие голубые глаза не отрываются от моих, когда она откидывает голову на спинку кресла-качалки.

— Какова твоя история, Брэкстен Крид?

Когда с ее губ слетает мое полное имя, мой член встает по стойке смирно. Нежно и спокойно, невинно и с придыханием, как бы она звучала, если бы я доставил ей удовольствие, которого она никогда не испытывала. Я не должен думать об этом или чувствовать такое, когда дело касается ее, особенно в данный момент, но, кажется, ничего не могу с собой поделать.

— Что ты хочешь знать?

Она пожимает плечами, но небрежное движение не соответствует вопросам, горящим в ее глазах.

— Какую жизнь ты вел, что она сделала тебя тем человеком, каким ты являешься сейчас? Что свело вместе тебя и твою семью? — Она делает паузу, а затем осторожно продолжает: — Я заметила, что вы все не очень похожи.

Я ухмыляюсь.

— Заметила, значит?

Она кивает.

— Хотя так и не скажешь. Вы все очень близки, особенно ты с братьями.

Есть что-то в ее последних словах, что я почувствовал с того момента, как забрал ее сегодня.

Этим днем в больнице что-то изменилось. Она была более неуверенна во мне, чем раньше, с опаской уходила со мной, и страх в ее глазах, когда она слышала, что Нокс спит в другом конце коридора, был настоящим. Мне это не понравилось, и я не сомневаюсь, что во всем виновата та гребаная медсестра.

Я еще дальше откидываюсь на спинку кресла, готовясь ответить на ее вопросы, по крайней мере, на некоторые из них.

— Мы с братьями через многое прошли вместе. Будучи еще детьми, познакомились в приюте.

Алиса хмурится.

— В приюте?

— Там, где оставляют детей, которые больше никому не нужны. Это ад на земле. По крайней мере, тот, где были мы.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ублюдки, управляющие им, наслаждались, причиняя боль детям, которых туда принудительно направило государство.

На ее лице отражается боль.

— А как же твои биологические родители? Где были они?

— Когда мне было всего несколько месяцев, моя мать-наркоманка выбросила меня в мусорный бак гнить вместе с другими отбросами. Кто мой отец, я понятия не имею.

Я впечатлен тем, насколько ровным голосом раскрываю то, о чем не люблю говорить.

— Мне жаль, — говорит она с чувством.

— Не стоит. Какой бы хреновой ни была жизнь долгое время, я бы не променял ее ни на что другое, потому что тогда у меня не появились бы братья, а жизнь без них не имела бы смысла.

Последние мои слова вызывают на ее губах улыбку.

— Итак, вы все познакомились в приюте, а потом?

— Мы сбежали. — Я воздерживаюсь от объяснения причины, хотя уверен, что она может ее понять. — Какое-то время жили на улицах. Влипали в кучу дерьма и делали то, чего нам, вероятно, не следовало делать, но все это было ради выживания.

Беспокойство омрачает ее хорошенькое личико.

— Где вы спали?

— Везде, где могли. Обычно в лесу. Прятались там, где нас никто не найдет. Пока однажды ночью не полило как из ведра, и у нас не было другого выбора, кроме как найти

укрытие. Вот тогда-то мы и оказались здесь. Спрятались вон в том сарае.

Указываю на красное строение, приютившее лошадей так же, как оно приютило нас той давней ночью.

— Так вот как вы встретили своего отца?

— Ага. Тэтчер подумал, что мы воры, и ворвался туда с заряженным дробовиком. — Я усмехаюсь при воспоминании, как мы чуть не обоссались, глядя в дуло ружья. — К счастью, он в нас не выстрелил. Вместо этого приютил, накормил и дал место для ночлега. Но одна ночь превратилась в две, дни превратились в недели, а месяцы — в лучшую семью, которую я когда-либо смог бы иметь.

— Вау, — бормочет она почти удивленно. — Трагично, но в то же время прекрасно. Твой отец — замечательный человек.

— Мы обязаны ему всем. Не хочу думать, где бы мы без него были. Именно поэтому, Алиса, я и привел тебя сюда.

Она смотрит на меня широко раскрытыми, полными надежд глазами.

— Мы позаботимся о тебе, как папа позаботился о нас, потому что знаем, каково это — быть на твоём месте. Несмотря на слухи, которые тебе рассказали о моей семье, мы не плохие парни.

Ее кресло перестает чуть покачиваться, вспышка в глазах подтверждает то, что я уже знал.

— Не понимаю, о чем ты, — притворяется она.

Закидываю ступню на колени и сцепляю руки за головой, одаривая ее ухмылкой.

— Ты ужасная лгунья, Страна Чудес.

Она приподнимает бровь.

— Страна Чудес?

Я указываю на книгу в ее руках.

— Подходит тебе, не так ли?

Ее улыбка смягчается до застенчивой, прежде чем сникает вовсе, и она отводит взгляд от моих любопытных глаз.

— Что она тебе сказала?

— Кто? — шепчет девушка, продолжая избегать зрительного контакта.

— Медсестра. Я вижу, она тебе что-то сказала.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, что бы это ни было, это заставило тебя бояться меня, и мне это чертовски не нравится.

Ее взгляд, наконец, возвращается ко мне, в нем бушуют вопросы. Я точно знаю, что у нее на уме, — слух, который ей рассказали, тот самый, что следует за мной с братьями, куда бы мы ни пошли. Но ее вопрос оказывается для меня неожиданным.

— Она сказала, что раньше вы убивали людей. Это правда?

— Да, — отвечаю без колебаний.

Признание, кажется, удивляет ее, и тот проблеск страха, который я наблюдал ранее, возвращается.

— Такова была моя работа, Алиса. Я никогда не убивал невинных людей. Только врагов.

— Убивал?

Я киваю.

— Больше мы не берем задания.

Это решение мы приняли недавно, но я не утруждаюсь объяснением.

Она нервно облизывает губы, прежде чем задать следующий вопрос.

— Это вы убили предыдущего шерифа и мэра?

На этот раз я действительно колеблюсь. Несмотря на то, что все в значительной степени подозревают это, доказательств нет, и я хочу, чтобы все так и оставалось.

— Иногда враги маскируются под хороших парней, — отвечаю я вместо этого.

— Что это значит?

— Это значит, что мэр был коррумпированным сукиным сыном, который охотился на невинных женщин. Одной из них была Райан.

Она напрягается.

— Он пытался взять то, что ему не принадлежало, и мой брат позаботился о том, чтобы он за это заплатил.

— А шериф? — спрашивает она дрожащим голосом, почти боясь услышать ответ.

Не отрывая от нее взгляда, наклоняюсь вперед и облокачиваюсь на колени.

— Сорок лет назад этот ублюдок прижал моего отца к земле на кукурузном поле и прижигал его огнем.

Раздается едва слышный вздох, и в ее глазах появляется ужас.

— Он отрубил ему пальцы и избивал до тех пор, пока не превратил в месиво.

— Почему? — выдыхает она вопрос. — Что заставило его причинить человеку такую боль?

— Потому что он полюбил белую женщину.

Она вздрагивает, как от удара, осознав мои слова.

— Гвен, — имя вырывается у нее шепотом.

Я не утруждаю себя подтверждением или опровержением, поскольку она уже знает ответ.

По ее щекам катятся слезы, которые она до сих пор сдерживала, лицо искажено той же острой и явной болью, как и в тот день, когда я ее нашел.

Встав с кресла, подхожу к ней и опускаясь на колени. Кладу руки на ее стройные бедра, не в силах подавить потребность прикоснуться к ней, даже таким простым способом.

— Они были врагами, Алиса. Причиняли людям боль и страдание. Представляли опасность для мира, и оба за это заплатили. Точно так же, как заплатит тот, кто сделал это с тобой. Кто причинил тебе боль. Он пожалеет, что поднял на тебя руку.

Разрывающий душу взгляд голубых глаз ловит каждое слово, пока с ее губ не срывается тихое рыдание, и она не обнимает меня за шею.

— Спасибо, — всхлипывает она. — Спасибо, что не бросаешь меня, что оберегаешь.

Слезы, стекающие по моей шее, обжигают кожу, как кислота. Я нежно обнимаю ее, притягивая ближе.

— Пока я дышу, ты всегда будешь в безопасности.

Алиса

Хлопковые поля проплывают мимо, как туман, по мере того, как мы приближаемся к городу. Я смотрю в боковое окно, теряясь в мыслях из-за всех событий последних нескольких дней.

Брэкстен очень хорошо заботился обо мне, как и обещал. Меня вкусно кормили, заставляли больше отдыхать, Ханна Джей забегала навесить с новыми книгами, я не делала ничего другого, кроме как позволяла своему телу исцелиться. Только сегодня утром я почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы покинуть ферму.

После нашего разговора с Брэкстеном на крыльце, я поняла, что была права с самого начала. Он и его семья — хорошие люди. Даже Нокс, несмотря на то, что я, похоже, ему не очень нравлюсь.

Все, что сказала Линда, было отчасти правдой, но также было неправильно истолковано. Все мальчики пережили в прошлом тяжелые времена, и они сформировали их такими, какими они есть сегодня. Напряженными и настороженными, но в то же время отчаянно преданными, особенно друг другу.

У меня до сих пор сердце обливается кровью от мысли, через что им пришлось пройти, и как поступили с Тэтчером. Я рада, что, в конце концов, они нашли друг друга, и, если быть совсем честной, я рада, что Брэкстен нашел меня.

Мне трудно засыпать, не зная, кто ты такая. Задаваясь вопросом, волнуется ли обо мне кто-нибудь. Но в ту ночь я легла спать с уверенностью, что в этой жизни, где так много неопределенностей, одно остается неизменным: Брэкстену я небезразлична, и он есть у меня.

По крайней мере, на данный момент.

— Этим утром ты далеко, Алиса. Заблудилась в Стране Чудес? — глубокий, насмешливый голос вызывает теплую дрожь и привлекает мое внимание к тому самому мужчине, которым поглощены мои мысли.

Мне нравится используемая им отсылка, даже когда он называет меня Страной Чудес. Это более чем уместно, потому что с момента пробуждения я действительно чувствую себя так, словно провалилась в кроличью нору. Затерялась в Стране Чудес, которая вывела меня сюда, к этому человеку.

— Все в порядке? — интересуется он.

Я одариваю его ободряющей улыбкой.

— Да, все в порядке. — Откинув голову на спинку сиденья, не отрываю глаз от его красивого лица. — Так куда ты все-таки меня везешь?

— В один из городских бутиков. Им владеет подруга Гвен. Она позвонила ей, сообщила, что мы заедем.

— Может, нам стоит сперва заскочить в приют, — осторожно предлагаю я, все еще не смирившись, что он тратит на меня деньги после всего, что уже сделал. — Социальный работник сказала, что им жертвуют одежду, и я могу ее посмотреть.

— В этом нет необходимости. Оставь это нуждающимся.

Мои брови поднимаются в замешательстве.

— Разве я не одна из таких людей?

— Нет. У тех людей никого нет. У тебя есть я. Так что эта одежда тебе не нужна.

Мое сердце млеет от его великодушия, но этого недостаточно, чтобы заглушить чувство вины, поселившееся в груди.

— Мне, правда, не нравится брать у тебя деньги, Брэкстен. Ты уже так много сделал для меня.

— Мы не обсуждаем это, Алиса. Я сказал, что позабочусь о тебе, и я говорил серьезно. У меня есть деньги. Тебе нужна одежда. Конец разговора.

Мои глаза сужаются, его резкий тон и властное отношение задевают за живое.

Моя реакция не остается незамеченной, и жесткая линия его губ растягивается в сексуальной ухмылке.

— Мне нравится этот огонек в твоих глазах, Страна Чудес. Тебе идет, но это ни черта не меняет. Ты не хочешь затевать со мной спор. Ты не выиграешь.

Я приподнимаю бровь, чувствуя себя более чем раздраженной этим заявлением.

— Неужели?

— Да, и поверь мне, я всегда получаю то, что хочу. — Его голос понижается на октаву, глубокий баритон проникает в каждую клеточку моего тела.

Я быстро отворачиваюсь, пока он не увидел, как к щекам приливает жар. Судя по его тихому смеху, я потерпела неудачу.

К счастью, всего через несколько минут мы подъезжаем к бутику. Мне нужно держаться подальше от пребывания с ним в замкнутом пространстве. Как бы его присутствие ни успокаивало и ни утешало, оно также может ошеломлять, особенно в эмоциональном плане.

К сожалению, моя передышка длится недолго, потому что Брэкстен подходит, чтобы помочь мне спуститься, его руки нежно охватывают мою талию, обжигая кожу через платье, вновь позаимствованное мной у Райан этим утром.

— Спасибо, — бормочу я, избегая зрительного контакта, когда он ставит меня на тротуар.

— Не за что. А теперь пойдем, купим тебе что-нибудь из одежды.

Я застигнута врасплох, когда он сжимает мою руку в своей ладони, будто для него это совершенно естественно. Каким-то странным образом это действительно кажется правильным. Словно мы делали так всю жизнь.

По тротуару возле торгового центра прогуливаются несколько человек. Я не упускаю их откровенно любопытных взглядов. Брэкстен либо не замечает их, либо предпочитает игнорировать.

Любопытные взгляды исчезают, как только мы входим в бутик. Над дверью звенит колокольчик, возвещающая о нашем прибытии. Место тихое и пустое, никого не видно, но тут из-за угла появляется пожилая женщина. Ее темные волосы идеально уложены, макияж безупречен, а черное платье, словно сшито специально для нее. Все в ней кричит о классе.

— Брэкстен. Я тебя ждала. — Она дарит ему улыбку и рукопожатие. — А ты, должно быть, Алиса, — добавляет она, тоже протягивая мне руку.

Я киваю, отвечая ей тем же жестом.

— Я — Джоанна. Гвен сказала, что тебя нужно приодеть.

— Да, спасибо. Пары нарядов будет достаточно.

— Вообще-то, полный гардероб, — встречает Брэкстен. — Деньги — не проблема.

Я пристально смотрю на него, наши взгляды сталкиваются в безмолвном споре.

Женщина достаточно вежлива, чтобы не привлекать к этому внимания.

— Что же, вы обратились по адресу. Какие у тебя предпочтения? Больше платьев? — Она, разглядывая наряд, в котором я сейчас. — Или более повседневную одежду, к примеру, джинсы? К нам только что поступила осенняя коллекция, и в наличии имеется несколько очаровательных вещиц.

— Все, — заявляет Брэкстен, прежде чем я успеваю ответить. — Она примерит все, что ей понадобится в течение следующих нескольких месяцев.

Этот мужчина действительно очень властный.

— Тогда, устроим настоящий бал. — Джоанна восхищенно хлопает в ладоши, понимая, какую выручку сделает за день. — Следуйте за мной, и мы начнем.

Она ведет нас по магазину, снимая одежду с вешалок, мимо которых мы проходим, прежде чем отвести нас в примерочные в дальнем углу.

Отперев одну дверь, она передает мне несколько выбранных платьев.

— Можешь начать с этого, пока я подберу для тебя еще несколько вариантов.

Я не успеваю ее поблагодарить, как она уже целеустремленно спешит прочь. Захожу в примерочную, закрываю за собой дверь, но, внезапно, ударяюсь обо что-то твердое. Обернувшись, обнаруживаю рядом Брэкстена, его большое тело теснит мое в маленьком пространстве.

— Ч-что ты делаешь? — нервно заикаюсь я.

— Помогаю тебе.

Мой пульс учащается.

— Зачем?

— Разве тебе не нужна помощь с молнией на платье?

Верно. Застежка-молния.

Я выдыхаю, чувствуя себя нелепо. Несмотря на то, что мне удастся двигаться намного лучше, молния на спине все еще находится слишком высоко, чтобы я могла до нее дотянуться.

Кивнув, отворачиваюсь и снимаю кофту. Брэкстен перебрасывает мои длинные светлые волосы через плечо, чувственное прикосновение его пальцев к моей коже вызывает буйство мурашек на коже.

Как только молния расстегнута, я жду, что он отойдет, но этого не происходит. Меня окутывает тепло его тела, когда он наклоняется ближе, приближаясь губами к моему уху.

— Помни, Алиса. Никакой гордости. Если тебе понадобится помощь, попроси меня.

Я с трудом сглатываю, и этот звук пронизывает густую тишину.

— Я должна справиться. Перед отъездом я приняла лекарство.

— Хорошо. — Его нос касается моих волос, заставляя меня резко втянуть воздух. — Я хочу увидеть на тебе все наряды. Понимаешь?

Я киваю. В данный момент я соглашусь на что угодно, если только смогу немного отдышаться. Я не способна думать, когда он так близко. Мой мозг не функционирует должным образом.

К счастью, мое согласие выпроваживает его из комнаты. Как только он закрывает дверь, я падаю на табурет в углу, испытывая головокружение.

Что такого есть в этом мужчине, что заставляет меня так себя чувствовать? Как будто я не могу дышать. Словно мне слишком тесно в своей коже.

Словно... я принадлежу ему.

На последней мысли качаю головой. Как только более или менее беру себя в руки,

примеряю первый наряд. Нежно-желтый сарафан с синим цветочным узором. Восхваляю богов платья за боковую молнию. Ткань мягкая, изящная и воздушная. Мне оно нравится, но только с кофтой, поэтому я беру ту, в которой пришла, и натягиваю ее, даже если она не подходит. После этого открываю дверь и выхожу, чтобы показаться Брэкстену.

Его темные глаза путешествуют по мне, оставляя за собой мириады ощущений. От откровенного пристального взгляда я переминаюсь с ноги на ногу.

— Тебе нравится? — Он снова переводит взгляд на мое лицо.

— Да.

— Хорошо. Мне тоже.

В этот момент возвращается Джоанна с охапкой одежды.

— О, как мило оно на тебе сидит, дорогая.

— Спасибо.

Она смотрит на мою тонкую розовую кофточку.

— Хочешь, поищу еще такие кардиганы? У меня есть разных цветов, они бы подошли.

Я киваю.

— Буду признательна.

— Конечно. Вот, возьми это. — Она передает мне стопку одежды. — Я также прихватила кое-что из нижнего белья, — говорит она, даже не потрудившись сохранить эту информацию в секрете.

— О, э-м, спасибо.

Брэкстен наблюдает за мной с веселой ухмылкой.

— С размером бюстгалтера я, скорее всего, угадала, — добавляет она, — но дай знать, если понадобится больше или меньше. Здесь нечего стесняться.

Если бы только он была права. Мне сейчас так неловко, что я хочу, чтобы земля разверзлась и поглотила меня целиком.

Как только она уходит, я спешу в примерочную, отказываясь удостоить Брэкстена взглядом. Я так тороплюсь, что теряю бдительность и врезаюсь в угол кабинки, еще больше унижая себя.

Позади раздается низкий смешок.

— Ты в порядке, Страна Чудес?

— Все отлично, — ворчу я.

— Дай знать, если тебе понадобится помощь с нижним бельем.

Я пинком захлопываю дверь, прежде чем он успевает закончить предложение, отчего смех становится лишь громче. Клянусь, этот мужчина хочет помучить меня сегодня.

Перебрав новую одежду, примеряю джинсовые шорты с белой майкой и мягкой клетчатой рубашкой, оставляя ее расстегнутой. Мгновенно ненавижу этот наряд из-за синяков на ногах. Они, как бельмо на глазу, демонстрируют мою самую слабую сторону. Мне достаточно трудно справиться с поблекшими синяками на лице, и последнее, что я хочу, это выставить напоказ другие.

Приоткрыв дверь, высовываю голову и смотрю на Брэкстена.

— Мне не нравится.

Его лицо мрачнеет.

— Почему?

— Просто не нравится.

— Все равно покажи мне.

Я колеблюсь, не желая выходить из страха, что кто-то еще может увидеть. Поэтому шире открываю дверь и позволяю ему посмотреть издали.

Его взгляд путешествуют вниз по моему телу, почти как в первый раз, а затем снова поднимается к моему лицу.

— Что здесь плохого?

— Сам знаешь, — шепчу я. — Слишком открыто.

Его понимающий взгляд удерживает мой, видя всю неуверенность, которую я не могу скрыть.

— Здесь нечего стыдиться, Алиса. Синяки пройдут, но девушка останется навсегда.

Его слова одновременно успокаивают и разбивают сердце. Он не понимает. Не может. Не тогда, когда сам так привлекателен. Так уверен в себе.

Джоанна возвращается с кардиганами.

— Итак, я принесла кремовый, желтый и...

Женщина резко замолкает, едва слышно охая, при виде того, что я хочу скрыть от всего мира. Она быстро приходит в себя, но нельзя отрицать выражения сочувствия на ее лице, даже вежливая улыбка не может скрыть этого.

— Если хочешь, у меня есть идеальные ковбойские сапоги в паре к этим шортам.

Я смотрю на Брэкстена, ожидая, что он ответит за меня, как и до этого. Но его ответ удивляет меня.

— Тебе выбирать, Алиса. Поступай, как хочешь.

Меня наполняет облегчение от того, что он не спорит со мной по этому поводу.

— Думаю, пока буду придерживаться джинсов и длинных платьев, — говорю я Джоанне.

— Без проблем. Но почему бы мне все-таки не принести ковбойские сапоги? Они будут мило смотреться с джинсами, которые я подобрала для тебя, и хорошо подойдут для фермы. Я также прихватил несколько других вариантов.

— Спасибо. Была бы вам признательна.

Она вручает мне кардиганы и снова исчезает, оставляя нас с Брэкстеном наедине.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — бормочу я, пристально разглядывая свои ноги.

— В самом деле? Просвети меня, Страна Чудес. О чем я думаю?

— Ты разочарован во мне.

Между нами воцаряется тишина, прежде чем он поднимается с кресла и решительно направляется ко мне, пока не встает прямо передо мной. Я запрокидываю голову, ощущая в горле невероятную сухость.

— Напротив, Алиса. Сейчас я чувствую много чего, но только не разочарование. — Его рука скользит по моей щеке, когда он смотрит на меня сверху вниз. — Несмотря на мое мнение о том, что тебе не следует скрывать какую-либо часть себя, я также понимаю, каково это — не хотеть выставлять свои самые уязвимые стороны на всеобщее обозрение. Так что, прикрой то, что хочешь. Прячь, что хочешь. Только не от меня. Мы — другие. Я ясно выразился?

Я киваю.

— Хорошо. А теперь, примерь остальное. Как закончишь, мы с тобой пообедаем в закусочной по соседству.

Я с любопытством наклоняю голову.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты невероятно властный, Брэкстен Крид?

Вопрос вызывает его легкую усмешку.

— Да, на самом деле, говорили, и я этим горжусь.

Я улыбаюсь ему в ответ, благодарная за вновь обретенную легкость в разговоре. Наша беседа подходит к концу, когда Джоанна приносит несколько пар обуви, одна из них — ковбойские сапоги, о которых она упоминала. В конечном итоге, мне они нравятся. Вообще-то, мне нравится вся обувь, но я выбираю только две пары, к большому разочарованию Брэкстена. Тем не менее, он следит за тем, чтобы я ушла с большим количеством одежды, чем необходимо, включая шорты. Он сказал, что я надену их, когда почувствую себя более комфортно.

Этот мужчина никогда не сдастся.

Только когда мы стоим у кассы и расплачиваемся, на меня обрушивается реальность, мой желудок скручивается при взгляде на каждый ценник. Услышав итоговую сумму, мне становится плохо. Брэкстен, напротив, даже глазом не моргнув, протягивает Джоанне кредитную карточку.

Мне удастся сохранять самообладание, пока мы не покидаем магазин.

— Полторы тысячи долларов! — восклицаю я, поворачиваясь к нему. — Ты с ума сошел?

Он пожимает плечами.

— Одежды много. Вообще-то, я впечатлен, что вышло не так дорого. Да еще это модное нижнее белье, — игриво поддразнивает он.

Я проклиная себя за румянец, заливающий мои щеки, и отказываюсь одарить его улыбкой, которую он ждет.

— Я серьезно, Брэкстен. Это слишком дорого. Мне нужна только половина из этих вещей.

Его игривое настроение исчезает, сменяясь раздражением.

— Мы что, собираемся спорить об этом весь день? Потому что, как бы мне ни нравилось обмениваться с тобой репликами, это начинает выводить из себя.

Я недоверчиво смотрю на него.

— Я пытаюсь сэкономить тебе деньги.

— А я пытаюсь заботиться о тебе, — огрызается он. — Почему ты не можешь принять это?

— Принять помощь — это одно, а стать объектом благотворительности — совсем другое.

— Ты — не гребаный объект благотворительности!

— А ощущается определенно так! — Отвожу взгляд, не желая, чтобы он видел, как мне больно.

Его раздражение исчезает, он приближается ко мне, нежно обнимая за плечи.

— Ты — не благотворительность. Я хочу это сделать. Мне это нужно, Алиса.

— Зачем? Почему ты так настаиваешь на этом?

— Честно? Не знаю, но я хочу этого для себя так же сильно, как и для тебя. Мной управляет безумная потребность заботиться о тебе. Так, как я хотел бы, чтобы кто-нибудь заботился обо мне, пока не появились мои братья и отец.

Есть нечто удивительно печальное в том, как он смотрит на меня сейчас, и это разрушает остатки моей решимости.

— Хорошо, но нам нужно установить основные правила.

Он хмыкает.

— Прости, детка. Я не из тех, кто следует правилам.

Его «детка» проникает глубоко в мое сердце, пуская его в галоп. Однако я не позволяю этому отвлечь меня и вздергиваю подбородок.

— Это единственный способ, чтобы заставить меня перестать спорить с тобой по этому поводу.

Он скрещивает руки на широкой груди.

— Отлично. Что за правила?

— Больше не перегибай палку, и ты позволишь мне вернуть тебе все до последнего цента, когда я смогу.

Мой решительный взгляд не отрывается от его, пока я стою на своем.

— У меня есть идея получше. Как насчет того, чтобы поспорить об этом за обедом?

Его предложение подкреплено красивой ухмылкой, которая, вероятно, часто выручает его из неприятностей.

Я качаю головой.

— Ты невозможен, Брэкстен Крид.

— Знаю. — Даже не пытайся отрицать этого, он обнимает меня за плечи. — А теперь позволь мне накормить тебя, и мы выясним, какие блюда тебе еще по душе.

Теперь я понимаю, почему он все время добивается своего. Ему трудно сказать «нет». Несмотря на его обещание, я отплачу ему за все, что он для меня сделал.

Брэкстен

Когда мы входим в закусочную, обеденный ажиотаж в самом разгаре. Повсюду слышится болтовня, официантки суетятся вокруг, чтобы принести ожидающим посетителям еду, из музыкального автомата в углу доносится музыка. Несмотря на оживленный хаос, все взгляды устремляются в нашу сторону, разглядывая новоприбывших. Шум постепенно стихает, переходя на приглушенный шепот, когда все с любопытством смотрят на Алису.

Ах, радости маленького городка.

Взгляды и перешептывания — к ним мы с братьями привыкли, где бы ни появились, куда бы ни пошли, иногда с оттенком неудовольствия, а иногда нет, в зависимости от толпы. Для Алисы, напротив, такое в новинку, и она нервно ерзает под испытующими взглядами.

Взяв ее нежную руку в ладонь, веду к пустой кабинке, скрывающейся в дальнем углу. Не уверен, что до сегодняшнего дня я когда-либо держал цыпочку за руку, но с Алисой я, кажется, ничего не могу с собой поделать. Это демонстрация обладания подпитывает первобытный инстинкт, который взывал ко мне с того момента, как я нашел ее на поле, избитую и беспомощную. Я хочу, чтобы все знали, что потерявшаяся девушка принадлежит мне.

Несколько человек приветствуют меня кивком, когда мы проходим через закусочную, в основном, коллеги-фермеры, знакомые отца. Алиса держит голову низко опущенной, волосы закрывают половину лица, пряча его от любопытных глаз. Мне это не нравится, но ранее я говорил серьезно; если она хочет прятаться от мира, прекрасно, пока не начнет прятаться от меня.

Она проскальзывает в кабинку первой, усаживаясь спиной ко всем, а я занимаю место напротив нее. Взяв меню, она открывает его и прячется так, что видно лишь верхнюю половину лица, затем наклоняется через стол и пригвождает меня взглядом кристально-голубых глаз.

— Почему все на нас пялятся? — ее голос приглушен пластиковым меню, за которым она прячется.

— Я неотразим, Страна Чудес. Они ничего не могут с собой поделать.

Она опускает меню, демонстрируя улыбку. Это именно та реакция, которую я добивался.

— Властный и высокомерный, — рассуждает она. — Само очарование.

Я усмехаюсь, наслаждаясь ее сегодняшней дерзостью, не то, чего я ожидал от застенчивой, робкой девушки, но мне нравится. От этого у меня такой же стояк, как и когда я заметил те кружевные трусики, что принесла Джоанна... Я ерзаю на сиденье, пытаюсь ослабить внезапное давление на ширинку джинсов.

— Хочешь правду? — спрашиваю я, возвращаясь к ее первоначальному вопросу.

Черные ресницы взлетают вверх, когда она смотрит на меня поверх меню.

— Всегда.

— Они, по всей видимости, задаются вопросом, кто эта красивая девушка и какого черта она делает здесь со мной.

Она усмехается, будто эта мысль нелепа. Я хмурюсь и собираюсь убедить ее в обратном, но тут появляется Ширли, чтобы принять наш заказ.

— Так-так-так, неужели нас посетила проблема, — хрипит пожилая женщина, ее голос, как наждачная бумага, из-за количества сигарет, которые она выкуривает за день.

Ширли Кландестайн долгое время жила в Винчестере. Она резкая и чертовски норовистая, но также одна из немногих в городе, кому действительно нравятся Криды.

— Как дела, Ширли?

— Я все еще дышу, не так ли?

Мне смешно от ее обычного сухого ответа.

— Что ж, это хорошо, иначе ты бы не обслуживала меня сегодня.

— Это истинное благословение. — Ее южный акцент сочится сарказмом, а затем она достает блокнот и ручку. — Что будешь, красавчик?

— Как обычно.

— Кока-колу и пирог с курицей. — Она записывает заказ, прежде чем переключить свое внимание на Алису, ее брови приподнимаются, будто она только что заметила мою компанию. — А ты кто такая, черт возьми?

Застигнутая врасплох, Алиса моргает, глядя на нее.

— Это Алиса, моя подруга, — говорю я ей. — Будь милой.

Она бросает взгляд в мою сторону.

— Я всегда милая.

Я хмыкаю, потому что мы оба знаем, что она врет.

Она поворачивается обратно к Алисе.

— Ну, чего ты хочешь, сладенькая? У меня нет времени ждать весь день.

— Оу. Эм, я, эм... — нервно запинается Алиса. — Я буду то же, что и он, — выпаливает она, быстро закрывая меню.

Ширли одаривает ее понимающей улыбкой.

— Милая, я тебя не виню. Я бы тоже съела то, что и он. — Подмигнув Алисе, она собирает меню и уходит.

Алиса приподнимает тонкую бровь.

— Твой друг?

Я усмехаюсь.

— Она безобидна. Дерзкая, но безвредная.

— Кажется, она высокого мнения о тебе, *красавчик*, — игриво добавляет она.

Я расплываюсь в ухмылке и откидываюсь на спинку диванчика, скрещивая руки на груди.

— Ревнуешь?

— Конечно, нет, — возражает она, но цвет ее щечек говорит об обратном. Его она никогда не сможет скрыть. Это адски жарко, и я умираю от желания узнать, как далеко простирается этот невинный цвет....

Ширли возвращается через несколько мгновений с напитками, ставя их перед нами.

— Ваша еда скоро будет.

— Ты лучшая, Ширли. Я когда-нибудь говорил тебе это?

— Ты — чертов лжец, — выпаливает она, — но милый.

Она хлопает меня по щеке, прежде чем снова уйти.

Алиса качает головой, но на ее лице играет улыбка.

— Что? — спрашиваю я с притворной невинностью.

— Парни Крид все такие очаровательные или только ты?

— Только я. Остальные двое — засранцы.

С ее губ срывается смешок, но быстро стихает, выражение лица становится серьезным от того, что она говорит дальше.

— Я заметила, что Нокс не спал в своей комнате с тех пор, как я живу у вас.

После того, чем закончился наш разговор тем вечером, я не удивлен. От этого мне дерьмово, но пока я не смогу заставить его увидеть, что красавица передо мной — не враг, это к лучшему.

— Он решил на некоторое время остаться в главном доме с отцом.

— Из-за меня. — Она произносит это как утверждение, а не как вопрос, в ее тоне сквозит обида.

— Нет. Не только из-за тебя.

Очевидно, что она мне не верит.

— Не принимай близко к сердцу, Алиса. Есть причина, по которой брату непросто доверять людям, но, в конце концов, он придет в себя и увидит то, что вижу я.

— И что же ты видишь, Брэкстен? — Вопрос повисает в воздухе, она снова смотрит на меня.

— Девушку, которая не так уж сильно отличается от нас. — Я вижу, как надежда наполняет ее нежные черты. — Девушку, которая нуждается в нас так же сильно, как мы нуждаемся в ней.

Каждое слово — правда. Я понятия не имею, что нас ждет в будущем, но точно знаю, что она будет его частью.

— Ты ведь это серьезно?

— Да, серьезно.

Легкая улыбка изгибает ее губы, и мне хочется ее зацеловать.

Как только появляется эта мысль, дверь в закусочную открывается, и входит одно из моих самых больших сожалений.

Кортни Фабр ищет кого-то в закусочной, и у меня такое чувство, что я точно знаю, кого. Мои подозрения подтверждаются, когда ее взгляд останавливается на мне, и на ее лице появляется многозначительная улыбка.

Дерьмо!

Каждый мускул в теле напрягается, когда она направляется к нашему столику. С чрезмерно ярким макияжем, длинными темными волосами и силиконовыми сиськами, выглядывающими из выреза майки, она была ходячей влажной мечтой, пока не превратилась в кошмар.

— Брэкс, — приветствует она меня своим страстным тоном. — Давно не виделись.

— Кортни, — отвечаю я, не утруждая себя тем, чтобы скрыть раздражение.

— За последние несколько недель я оставила тебе несколько сообщений и ничего от тебя не слышала.

— Был занят.

Она бросает раздраженный взгляд на Алису, оглядывая ее с пренебрежением.

— С ней?

Насмешка выводит меня из себя.

— Не твое дело, — в моем голосе безошибочно угадывается предупреждение.

Алиса откашливается, снимая напряжение.

— Думаю, я воспользуюсь туалетом. Извините меня.

Она делает попытку встать, но я хватаю ее за запястье, заставляя остаться на месте.

— Нет. Ты останешься. Кортни уходит.

Сердитые карие глаза возвращаются ко мне, когда Кортни отказывается от побега, который я любезно ей предоставляю. Она скрещивает руки на груди, выставя вперед бедро.

— Она кажется немного невинной для вас с Ноксом, теперь парни Крид любят понежничать?

Алиса напрягается под моим прикосновением, и это заставляет меня подняться на ноги, а Кортни отступить на шаг.

— Ты не хочешь этого делать. Ни сейчас, ни когда-либо еще. Ты знала правила. Смирись с этим и двигайся дальше, иначе последствия тебе не понравятся.

Никаких привязанностей, никаких обещаний. Правила очень ясны, они всегда были такими, и без обоюдного согласия ничего не происходит. Она согласилась, но потом пошла на попятную. Сначала я был с ней милым, потом суровым, в итоге, стал просто игнорировать. Очевидно, это не сработало, и то, что она пытается сделать сейчас, тоже не сработает.

— Как скажешь, позвони мне, когда она тебе наскучит. — Развернувшись, она, наконец, поступает умно и уходит.

Во мне закипает гнев, когда я смотрю, как она покидает закусочную. Снова сев на место, перевожу взгляд на Алису и вижу, что она смотрит в окно, на ее лице написано смущение.

— Я сожалею об этом.

— Все в порядке, — легкомысленно отвечает она, но боль в ее голосе очевидна. — Мне следовало спросить, есть ли у тебя девушка, прежде чем поселиться в твоём доме.

— Она не моя девушка, — твердо говорю я. — Она даже не друг.

— Не думаю, что она знает об этом, — шепчет она.

— Она знает. Просто не хочет принимать.

Она больше ничего не говорит, ее взгляд по-прежнему устремлен в окно.

— Алиса, посмотри на меня, — приказ звучит жестче, чем предполагалось.

Она поворачивает голову, и боль, отразившаяся в ее глазах, поражает меня, как удар под дых.

— Она ничего не значит для меня. Понимаешь?

Она кивает, но более чем очевидно, что она мне не верит.

В конце концов, Ширли приносит нам еду, но напряжение темной тучей продолжает висеть над нами. Вся прежняя легкость сегодняшнего утра полностью исчезла.

По дороге домой тишина в грузовике оглушительная, и это выводит меня из себя.

Если честно, я больше злюсь на себя, чем на Кортни. Злюсь, что, вообще, провел ночь с этой сукой. Злюсь, что не могу объяснить всю ситуацию Алисе, даже если бы хотел. Некоторые секреты я обещал унести с собой в могилу, я их никогда никому не раскрою, даже ей.

Как только мы возвращаемся на ферму, замечаю полицейскую машину Крейга, припаркованную у главного дома. Останавливаюсь рядом с ней и даже не успеваю заглушить мотор, как Алиса открывает дверцу, чтобы спрыгнуть.

— Подожди меня, — одергиваю я ее.

Она напрягается от приказа, но делает, как я говорю.

Выбравшись из грузовика, обхожу его с другой стороны и беру Алису за бедра, как делаю всегда, чтобы опустить ее на землю.

Не получаю ничего, кроме пробормотанного «спасибо». Затем она пытается убежать.

— Не так быстро, милая. — Потянув ее за запястье, прижимаю ее спиной к грузовику, упираясь руками по обе стороны от ее головы.

Она смотрит на меня широко раскрытыми, неуверенными глазами.

— Если тебе есть что мне сказать, то, черт возьми, скажи, чтобы мы могли двигаться дальше.

— Мне нечего сказать, — шепчет она, отводя взгляд.

— Чушь собачья!

Пылкий ответ заставляет ее посмотреть мне в глаза, в ее взгляде вспыхивает тот намек на огонь, который я видел ранее.

— Очевидно, это связано с тем, что Кортни сказала о моих братьях и обо мне. Мы оба знаем, что это единственный слух, о котором тебе до смерти хотелось спросить с тех пор, как я забрал тебя из той чертовой больницы.

Она вздергивает подбородок, понимая, что отрицать больше нет смысла.

— Хорошо, Линда, возможно, упоминала кое-что об этом, но это не имеет значения, потому что твои свидания — не мое дело.

Ее ответ только еще больше выводит меня из себя.

— Давай кое-что проясним. Я не хожу на свидания. Я трахаюсь. Это все, чем была Кортни, и плохое воспоминание — это все, чем она останется.

— А как насчет меня, Брэкстен? Кем я останусь для тебя? Плохим воспоминанием? Девушкой, которую тебе было жаль?

— Я испытываю к тебе много чувств, Алиса, но жалость не входит в их число.

Несмотря на мои слова, я вижу в ее глазах сомнение и не могу ее винить.

— Послушай, у нас с братьями особые отношения. Они сложные, и я никогда не смогу объяснить тебе всех причин, но могу сказать, что все изменилось. Сейчас все по-другому, и все снова изменилось в тот день, когда я нашел тебя.

— Может, они и не должны меняться. — Ее голос срывается, а на лице отражается печаль. — Потому что независимо от того, как сильно мы притворяемся, что это не так, я просто потерянная девушка, которую ты нашел, и это все, чем я когда-либо буду.

По ее щеке скатывается одинокая слеза, она снова отводит взгляд, и вид этого бьет меня под дых.

Взяв ее за подбородок, заставляю ее наполненные болью глаза вернуться к моим.

— Да, Алиса, я нашел тебя, и знаешь, что это значит? — Я не даю ей шанса ответить. Наклонившись, провожу носом по шелковистой коже ее щеки, слыша резкий вдох, когда мои губы направляются к ее уху и шепчут: — Было ничье — стало мое...

Оставляю предложение незаконченным, не зная, как далеко можно зайти. Отстранившись, обнаруживаю, что она смотрит на меня с такой тоской, что я вот-вот упаду на гребаные колени.

Прежде чем кто-либо из нас успевает сказать больше, позади меня хлопает дверь, нарушая тишину. Обернувшись, вижу на переднем крыльце Джастиса, жесткое выражение его лица вызывает настороженность.

— У нас неприятности.

Настойчивость в его тоне приводит меня в движение. Схватив Алису за руку, тяну ее за

собой в дом.

Братья, отец и Крейг на кухне. Они держатся официально, отчего у меня в животе оседает свинец, тяжелый и затвердевший.

— Что происходит? — спрашиваю я.

Отец берет лист бумаги и протягивает его мне.

— Взгляни.

Алиса придвигается ближе, и мы оба рассматриваем распечатанное на компьютере письмо с заголовком: «*Кто же такая эта Алиса?*».

От прочитанных слов моя кровь вскипает...

Раненая птичка, неспособная летать, потерявшая память, лишенная способности собрать воедино кусочки головоломки, приведшие ее к роковым событиям.

Оставленная на растерзание стае волков, обнаруживших ее, она шла вслепую, гадая, кто такая Алиса и что скрывает ее разум.

Может ли быть так, что она была брошена на произвол судьбы своим прошлым, которое объединяет ее с волками?

Простой связью или чем-то большим, возможно, чем-то вызывающим отвращение. Подойдя к порогу смерти, вы узнаете, что я вам уготовил.

Кончики пальцев Алисы с силой впиваются мне в руку, меня охватывает легкая дрожь. Мои глаза поднимаются от бумаги к присутствующим.

— Ублюдок — поэт, скажи? — насмехается Джастис с той же яростью в голосе, которую чувствую я.

— Откуда это? — спрашиваю я.

— Доставили с почтой сегодня утром, — отвечает отец. — Очевидно, обратного адреса нет, но полагаю, становится ясно, что ты нашел Алису не случайно.

Это я уже знал, чувствовал в глубине души, но теперь, прочитав подтверждение, я подвергаю сомнению все и вся. Кто настолько глуп, чтобы связываться с нами и, что еще хуже, использовать Алису как пешку в своей игре?

— Как только Тэтчер мне позвонил, я отправился на почту и проверил их камеры наблюдения, — говорит Крейг, открывая папку, которая лежит перед ним. — Служащий смог точно определить человека по времени доставки.

Он подталкивает снимок к нам с Алисой через стол, показывая искаженное изображение парня в капюшоне, который явно прилагает все усилия, чтобы скрыть свое лицо.

— Я знаю, что это немного, но вам что-нибудь бросается в глаза? Хоть что-то знакомое?

Я качаю головой, и Алиса тоже. На этом снимке мог быть буквально кто угодно.

— Забудьте на мгновение о фото, — говорит Джастис. — Нам нужно сосредоточиться на загадке. Он говорит о том, что наше прошлое связано. Мы должны откуда-то ее знать.

— Почему бы не спросить ее? — вмешивается Нокс, его обвинение ясно. — Загадка намекает, что ее разум скрывает ответы.

— Отвали, Нокс, — предупреждаю я.

Алиса качает головой.

— Я ничего не помню, клянусь.

Я прижимаю ее к своей груди, не отрывая прищуренных глаз от брата.

— Мы знаем. Брат просто ведет себя как козел.

Нокс свирепо смотрит в ответ, но отступает.

Алиса поднимает лицо ко мне, на нем царят страх и замешательство.

— Я не понимаю. Мы как-то связаны и не знаем этого?

— Не знаю, Страна Чудес, но мы выясним. Обещаю.

— Может, связь — это кто-то, кого вы все знаете, — говорит Крейг. — Вы, парни, с кем-нибудь ссорились? Кто мог бы пойти на вас с вендеттой?

У нас определенно имеется своя доля врагов, при нашей работе по-другому невозможно, но в нашем прошлом есть лишь один человек, который выделяется из общей массы. Тот, кто достаточно нас ненавидел, чтобы решиться на такое, но он похоронен на глубине десяти футов, горит в аду, где ему и место.

Мы с братьями переглядываемся, наши мысли отражают мысли друг друга.

Джастис качает головой.

— Нет. Это невозможно.

Он прав. Хоббс мертв, мы в этом убедились. Через несколько месяцев после того, как мы поселились у отца, мы отправились в приют и обнаружили, что он сгорел дотла в ту ночь, когда мы сбежали. Останки Хоббса — это все, что было найдено в рухнувших завалах.

В статье говорилось, что помещение загорелось из-за неисправной проводки, в результате чего погиб главный зритель, проверенный и уважаемый человек, который сделал своей жизненной целью помощь менее удачливым.

Проверенный и уважаемый человек — моя задница. Фредрик Харлен Хоббс был большим сукиным сыном, который питался болью других. Он применял к невинным детям одни из самых страшных видов пыток.

Не сомневаюсь, что именно поэтому это место сгорело. Не может быть, чтобы пожар был случайностью. С его помощью скрыли все насилие и коррупцию, которые происходили в этой адской дыре.

Взгляд Крейга перемещается между нами тремя.

— Что невозможно?

— Ничего, — отвечаем мы все в унисон.

— Слушайте, если есть что-то, что мне нужно знать, вам, засранцы, лучше сказать об этом сейчас.

Тишина наполняет комнату, она такая же удушающая, как и напряженная.

Ни один из нас не ответит, потому что это еще один секрет из прошлого, который мы все согласились унести с собой в могилу.

— Если мои мальчики говорят, что это ничего, значит, это ничего, — нарушает молчание отец, как всегда, вставая на нашу защиту.

Из-за этого я чувствую себя дерьмово, ведь мы никогда не рассказывали ему правды, главным образом потому, что не хотели ставить его в положение пособника преступников. Более того, мы боялись потерять любовь и семью, которые наконец-то обрели. Мы не хотели рисковать этим и до сих пор не хотим.

Крейг с раздражением смягчается.

— Ладно, давайте вернемся к тому времени, когда вы все впервые встретились. Если предположить, что эта загадка — правда, все сводится к вам троим. Итак, насколько далеко мы возвращаемся назад?

Джастис решает взять дело в свои руки.

— Мы познакомились в приюте, когда нам было по четырнадцать.

— Название? — спрашивает Крейг, делая пометки в блокноте.

— Он больше не существует.

Крейг поднимает голову, глядя на Джастиса, ручка замирает над блокнотом.

— Не важно, все равно скажи название.

Он колеблется достаточно долго, прежде чем неохотно ответить:

— «Южный приют».

— Есть ли там враги, на которых я должен обратить внимание?

— Выбирай сам, — говорит Нокс. — Сволочи, управляющие им, были врагами нам всем.

Крейг приподнимает бровь.

— Не хочешь рассказать поподробнее об этом?

— Нет.

Крейг стискивает челюсть от раздражения.

Я решаю вмешаться и покончить с этим раз и навсегда.

— Слушай, мы пробывали там всего несколько недель. После этого некоторое время оставались на улицах, прежде чем осесть своими бездомными задницами здесь. И до того как ты спросишь, единственными людьми, которых мы разозлили за то время, были владельцы магазинов, у которых мы воровали еду. Этой информации достаточно, шериф?

Это удар ниже пояса, и я это знаю. Он всегда был для нас кем-то большим, но правда в том, что об этом дерьме нелегко говорить. Я потратил всю свою жизнь, пытаюсь его забыть.

К счастью, Крейг не обижается.

— Пока достаточно. — Он с хлопком закрывает блокнот. — Я начну с приюта, а потом двинусь дальше. Я также разошлю фотографию Алисы по другим участкам и посмотрю, поступят ли какие-нибудь зацепки.

Я открываю рот, чтобы отвергнуть эту идею, но он вскидывает руку, прерывая меня прежде, чем я успеваю произнести хоть слово.

— Он уже знает, что она здесь. У него есть план, и до его следующего шага, мы должны выяснить, в чем он заключается. Единственный способ сделать это — понять, кто она такая.

Я стискиваю зубы, зная, что он прав.

— Хорошо, но только по участкам. Никакой прессы.

Он кивает.

— Даю слово.

— Спасибо за твою помощь, Крейг, — говорит отец. — Мы ценим это.

— Я дам вам знать, парни, как только у меня что-нибудь появится.

А пока у меня на уме кое-какие свои планы. Планы покопаться в прошлом, к которому я никогда больше не хотел возвращаться.

В прошлом, о котором у меня нет иного выбора, кроме как помнить.

Алиса

События дня накатывают на меня, как грозовые тучи перед назревающей бурей противоречий.

Я смотрю в потолок своей позаимствованной комнаты, и от понимания того, что Брэкстен лежит на диване всего в нескольких шагах от меня, сна ни в одном глазу.

Я никогда так не хотела оказаться в безопасности его присутствия, как сейчас. Была так близка к тому, чтобы сломаться и попросить его лечь спать со мной сегодня, но не могла заставить себя сделать это, не тогда, когда уже чувствовала себя такой уязвимой. Кроме того, последнее, чего я хотела, это добавлять ему беспокойства.

После визита Крейга, все стали такими мрачными, притихшими и подавленными. Однако среди этой тишины чувствовался и гнев. Больше всего я ощущала его от Брэкстена. Видела это в его напряженном теле, в плотно стиснутой челюсти, в сжатых в тиски кулаках. Понимая, что причиной тому — моя ситуация, я чувствовала себя ужасно.

Вздохнув, переворачиваюсь и зарываюсь глубже в подушку. Сон, в конце концов, опускается меня, но не приносит покоя. Только ночной кошмар. Он выплывает из самых глубинных уголков памяти, затягивая в ужасающую тьму. От него или той правды, что он раскрывает, никуда не деться...

Холодный металл защелкивается вокруг моих тонких запястий, создавая звук, от которого позвоночник напрягается, я прикована к столбу для порки, ставшему моим вечным проклятьем.

Тяжелые шаги позади меня эхом отдаются от бетонного пола, моя обнаженная плоть содрогается от ощущения его темного присутствия.

— Ты снова была плохой девочкой, Алиса. Пришло время тебя наказать.

Моя голова опускается от стыда, душа крошится от отчаяния в ожидании боли, которая скоро последует.

Я — выход для его ярости и демонов, которых он держит запертыми внутри себя. Я плачу за чужие грехи.

Он щелкает по полу кнутом, и я дергаюсь в оковах, испытывая пронзающий до костей страх.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Мне жаль. — Необоснованные извинения слетают с моих губ, а вместе с ними приходит беспомощность.

— Пока нет, но тебе будет.

Я готовлюсь к первому удару, но независимо от степени подготовки, независимо от того, сколько раз я проходила через это, к такой агонии нельзя быть готовой.

Она рушит жизнь.

Я прикусываю язык, металлический привкус крови наполняет рот, пока я пытаюсь заглушить свои крики. Удар за ударом, боль поглощает меня целиком, и я больше не могу ничего с собой поделаться. Отчаянный крик разрывает мое горло и отражается от стен, погружая меня в геенну огненную.

Я вскакиваю с леденящим кровью криком, отчаяние сжимает грудь тисками. Мои руки пробегают вдоль тела, пока я борюсь за дыхание, холодный пот покрывает кожу. Я ожидаю

увидеть кровь, но все, что нахожу, — это разбитое сердце и безутешные слезы.

— Алиса! — мое имя раздается за дверью спальни за несколько секунд до того, как она с грохотом распаивается, едва не срываясь с петель.

Брэкстен врывается в комнату, как разъяренный бык, осматривая темноту своей комнаты, прежде чем броситься ко мне.

— Что случилось? — спрашивает он, хватая меня за плечи. — Что не так?

Я открываю рот, но не могу говорить из-за страха, сжимающего горло. Он лишает меня дыхания, сковывает каждую частичку моей души.

— Дыши, детка. — Руки Брэкстена поднимаются к моему лицу, его лоб прижимается к моему лбу, пока он успокаивает меня среди всего, что сейчас происходит.

Мои веки закрываются, тепло его прикосновений вместе с успокаивающим баритоном голоса приносят умиротворение, которого жаждет мое обезумевшее сердце.

— Вот так. Просто дыши.

Воздух в легкие поступает более равномерно, я выдыхаю через рот в нормальном темпе. Мои веки снова открываются, сталкиваясь с интенсивностью его взгляда.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я киваю.

— Поговори со мной. Что случилось?

Зло, с которым я только что столкнулась, насмехается над моим сознанием, шрамы на моем теле снова горят правдой.

— Я-я кое-что вспомнила, — срывающимся шепотом выпаливаю признание.

Спокойствие Брэкстена улетучивается, он снова берет меня за плечи, его хватка твердая, но нежная.

— Что? Что ты вспомнила?

Я колеблюсь, не в силах выразить словами ужас, с которым только что столкнулась, чтобы объяснить, как появились шрамы на моем теле.

— Он... он делал мне больно, Брэкстен. Он делал мне очень-очень больно. — Из моей груди вырывается рыдание, эхом разносясь по комнате.

Пылкое проклятие слетает с губ Брэкстена, прежде чем он прижимает меня к своей груди, позволяя мне выплакать всю боль, терзающую мою душу.

— Все в порядке. Все будет хорошо. Обещаю.

После пришедшего сегодня письма, я не уверена, что кто-то из нас будет в порядке, когда все это закончится.

Отстранившись, он убирает волосы с моих мокрых щек.

— Я знаю, ты сейчас напугана, но мне нужно, чтобы ты хорошенько подумала. Ты вспомнила что-нибудь о нем? Какую-нибудь отличительную черту, что помогла бы нам выяснить, кто он такой?

Я качаю головой.

На его лице написано поражение, и меня убивает осознание того, что это моя вина. Я не только навлекла угрозу на него и его семью, но и моя память хранит ответы, которые мы все ищем. Память, которая, как я теперь надеюсь, никогда не вернется. Мне она не нужна, если ее наполняют воспоминания, подобными тем, что недавно меня посетили.

— Прости, — шепчу я.

— Не надо, — скрипит он зубами. — Не извиняйся. Это не твоя вина.

— Моя. В письме говорилось...

— К черту письмо, — рывкает он. — К черту письмо и к черту его.

Я опускаю голову, зная, что он так не считает.

— Посмотри на меня! — Его резкий приказ заставляет мои усталые глаза встретиться с его. — Это письмо ничего не меняет, ты меня слышишь? Все остается по-прежнему. Я позабочусь об этом, обещаю.

Комок в горле становится еще больше.

— Я никогда себе не прощу, если что-то случится с тобой или твоей семьей.

— С нами ничего не случится. Я найду этого сукина сына и избавлюсь от него прежде, чем у него даже появится шанс нам навредить.

В этом заявлении нет высокомерия, только уверенность.

Его ладонь успокаивающе скользит по моей щеке.

— Я рядом, Алиса. Клянусь. Мне просто нужно, чтобы ты доверяла мне. Ты можешь это сделать?

Накрыв его руку своей, льну к его прикосновению.

— Я доверяю тебе. Больше, чем кому-либо в этом мире.

На его лице появляется облегчение, а затем он снова прижимает меня к своей груди.

— Хорошо. Это хорошо.

Я обнимаю его в ответ, наслаждаясь уютом его объятий, не желая расставаться с их теплом.

— Ты останешься со мной? — прошу я, больше не сдерживаясь. Сейчас он мне слишком нужен.

Он не колеблется.

— Да, Страна Чудес. Я останусь столько, сколько ты захочешь.

У меня вертится на кончике языка слово «навсегда», потому что я чувствую себя в безопасности только с ним рядом, однако мне удается сдержаться.

Обхватив меня руками, он укладывает нас на бок лицом друг к другу, его губы всего в нескольких дюймах от моих. Лунный свет каскадом льется через окно спальни, подчеркивая каждую его волевою черту. От угловатой челюсти и заостренных скул, до глаз, которые мгновенно привлекают внимание и отражают силу демонов, которых ему пришлось побороть.

— Расскажи мне больше о себе, — шепчу я, нарушая тишину.

— Что ты хочешь знать?

— Все.

Это правда. Чем больше я нахожусь рядом с ним, тем больше жажду узнать его. Я хочу знать хорошее, плохое и все, что между этим. Я хочу всего его.

— Начни со своей работы. Что заставило тебя выбрать такое занятие?

— Мой отец. — В его ответе слышится нотка уважения и восхищения. — В армии он был снайпером. Самым лучшим. Он научил нас стрелять всего спустя несколько дней после того, как мы стали с ним жить, и в тот момент, когда он вложил оружие мне в руки. — Он делает многозначительную паузу, качая головой. — Нет слов, описать это. Слово все, чего мне не хватало, просто встало на свои места.

Глубокая эмоция, стоящая за этим ответом, наполняет комнату знанием, которое только еще больше интригует.

— Дело было не только в том, чтобы научиться стрелять. Речь шла о том, чтобы защитить себя и друг друга. Держа оружие в руках, зная, что у нас есть возможность отнять

жизнь, мы вернули себе нашу силу. Мы перестали быть уязвимыми.

Острая боль проникает в сердце при мысли о том, что он или его братья когда-то были уязвимы.

— Так почему же вы остановились? — спрашиваю я, вспоминая слова, сказанные им прошлой ночью на крыльце.

— Джастис не хочет оставлять Райан и Ханну, что вполне понятно, особенно учитывая, что на подходе еще один ребенок. А если остается один из нас — остаемся мы все. Таков уговор, который мы заключили давным-давно. Мы трое держимся вместе, несмотря ни на что.

Признание напоминает о связи, что они все разделяют, вызывая воспоминание о сегодняшней встрече с брюнеткой в закускойной.

Она кажется немного невинной для вас с Ноксом.

Я не имела права испытывать смущение и ревность, накатившие на меня в тот момент, но, похоже, ничего не могла с этим поделать.

Возможно, потому, что за тот короткий миг, пока мы с Брэкстеном, держась за руки, направились в тот бутик, я чувствовала себя нормальной. Обычной девушкой, гуляющей с парнем, который, может быть, только может быть, чувствовал ту же связь, что и я. Это давало мне надежду, что он увидел во мне больше, чем просто потерянную, избитую девушку. Эти мечты стерло появление брюнетки. Она являла собой все, чем не являюсь я, и эта жесткая пощечина, в которой я нуждалась, вернула меня к реальности.

Пока я не услышала... *Было ничье — стало мое...*

Эти несколько слов заставили меня снова провалиться в кроличью нору, заблудиться в Стране Чудес, которая привела меня к этому мужчине. В стране, где я не возражала бы прожить до конца своих дней.

— Возможно, мы больше не уезжаем на миссии, но по-прежнему выполняем свою часть работы, — продолжает Брэкстен, возвращая меня к разговору. — Вместо того, чтобы уничтожать врага, мы создаем те самые машины, которые их уничтожают.

Требуется всего мгновение, чтобы осознание дошло до меня.

— Вы создаете оружие?

— Да, и некоторое из них довольно крутое, — в его голосе ясно слышится гордость. — Как бы сильно я ни скучал по стрельбе, эта работа стоит на втором месте. Также хорошо чаще бывать дома. Отец не становится моложе и нуждается в нашей помощи здесь, хотя никогда этого не признает. Старик — упрямый засранец.

Не сомневаюсь, что Тэтчер так же счастлив видеть своих сыновей дома. Любовь, которую они все испытывают друг к другу, ощутима.

— Думаю, замечательно, что вы все есть друг у друга. — Невозможно заглушить зависть в моем голосе, она сквозит в каждом слове.

— Мы тоже есть у тебя, Алиса.

Как бы мне ни хотелось, чтобы это было правдой, это его семья, и я понятия не имею, кто мои родственники. И после приснившегося кошмара, я не уверена, что хочу их знать.

— Было бы ужасно, если бы я ничего не вспомнила? — вопрос разносится по темной комнате прерывистым шепотом. — Брэкстен, я не хочу вспоминать, что со мной случилось.

Он обнимает меня крепче, укутывая в защитное одеяло.

— Нет, это не было бы ужасно. Тебе не нужно ничего вспоминать, если ты этого не хочешь, потому что правда заключается в том, что твое прошлое не имеет значения. Только

ты. Здесь и сейчас. Вот, что важно, и я обещаю, что с этого момента ты больше не познаешь страха или боли. Здесь, со мной, ты всегда будешь в безопасности.

Убежденность в его обещании глубоко укореняется в моей душе, определяя не только мою судьбу, но и монстра, который продолжает скрываться, угрожая все это разрушить.

Алиса

От мирного сна меня пробуждает щебетание птиц. Открыв глаза, вижу, как лучи утреннего солнца пробиваются сквозь жалюзи.

Мне не требуется много времени, чтобы понять, что тепло, окутывавшее меня всю ночь, исчезло.

Потрясенные воспоминания вызывают навязчивый кошмар, который, как я знаю в глубине души, был моей реальностью. А еще призрачное ощущение сильных объятий Брэкстена, окружавших меня на протяжении всего этого.

Объятий, в которых я проспала всю ночь.

Мне никогда не забыть, как его мозолистые пальцы осушали мои слезы, а приглушенный голос развеивал страхи. Это, безусловно, лучшее воспоминание, которое осталось у меня с тех пор, как я очнулась в той больнице, и, несмотря на затаившуюся опасность, оно наполняет меня чувством надежды в завтрашнем дне.

Откинув одеяло, поднимаюсь с кровати, замечая, что скованности в теле теперь почти нет. Прохладный деревянный пол обжигает подушечки пальцев, когда я на цыпочках иду в ванную, чтобы принять душ. Я настолько погружена в свою эйфорию, что не осознаю, что там уже кто-то есть. Пока не открываю дверь.

Резко останавливаюсь, и при виде представшего зрелища, воздух покидает мои легкие. Комнату окутывает тонкий слой пара, от которого запотели прозрачные стенки душевой кабины, но это мало помогает скрыть сильное тело обнаженного мужчины. Брэкстен стоит под горячими струями, вода стекает по его мощному телу, замораживая меня на месте.

Не в силах сдержаться, опускаю взгляд ниже, изучая загорелую кожу и рельефные мышцы. И тут вижу большую татуировку. Черно-красный дракон выбит от ребер до бедра, исчезая спереди. Зверь — произведение искусства, излучает ту же силу, что и сам мужчина. Вид красивый и захватывающий, но не так, как то, чем занят Брэкстен в данный момент.

Упершись одной рукой в стену, он гладит свой длинный и твердый член от основания к кончику.

О-Мой-Бог.

Мое тело вспыхивает, как в лесном пожаре, распространяющемся от кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног, опаляющем изнутри. Соски под тонким шелком ночной рубашки твердеют, между ног появляется незнакомая боль. Я так же напугана реакцией своего тела, как и возбуждена.

Я должна уйти немедленно. Повернуться и тихо прикрыть дверь, дав ему уединение, которого он заслуживает, но не могу найти в себе силы сделать это. Я очарована эротическим зрелищем. Это самый интимный и прекрасный акт, который я когда-либо видела.

— Алиса. — Мое имя стоном вырывается из его горла, заставляя мой взгляд подняться к его лицу. — Вот так, детка. Соси мой член.

Каждая частичка меня замирает, включая дыхание. Оно застревает в легких, устраивая там огненный вихрь, когда я понимаю, что в этот очень интимный момент он думает обо мне.

Я жалею, что у меня не хватит смелости раздеться, открыть дверцу кабинки и войти

туда, чтобы воплотить его фантазию в реальность. От одной этой мысли пульсация между ног становится почти невыносимой.

Все рушится в ту секунду, когда он поворачивает голову, наши глаза встречаются, и мое сердце замирает. Ужас стискивает грудь, а время останавливается. Я жду, что в его взгляде появится гнев, возможно, даже отвращение, но этого так и не происходит. Будто все это время он знал о моем присутствии.

Эта мысль вызывает лишь большее унижение, но не такое сильное, чтобы уйти. Меня приковывает жар его взгляда, безмолвный обмен, происходящий между нами.

Невысказанное обещание.

Его рука набирает скорость, двигаясь все резче и быстрее, рельефные бугры мышц напрягаются под разгоряченной, влажной кожей. Его взгляд не отрывается от моего, пока он устраивает мне шоу.

— Бл*ть! — снова стонет он, стиснув челюсть, обнажив зубы, как дикий зверь, когда достигает своего освобождения.

Я едва могу разглядеть ту его часть за запотевшим стеклом, но мне бы хотелось. Боже, как бы мне хотелось увидеть всего его. Почувствовать. Прикоснуться к нему. Попробовать на вкус...

Мое дыхание вырывается так же быстро и прерывисто, как и его, в то же время наполняя чувством удовлетворения.

Невероятный момент заканчивается слишком скоро, оставляя на его месте холодную реальность. Напряжение окутывает комнату, когда я открываю рот, зная, что должна что-то сказать. Сделать что-нибудь.

— П-прости. Я не знала, что ты здесь, — слетает с моих губ неубедительное оправдание, а потом я быстро закрываю дверь и несусь обратно в комнату.

Прикрыв ладонями покрасневшие щеки, протаптываю дыру в полу, пытаюсь осознать, что только что произошло, образы, которые я только что наблюдала, горят жарко и ярко.

Я не только вторглась в его личную жизнь, но и наблюдала за ним, и мне это понравилось...

О, боже, я должна убраться отсюда.

Отчаянно желая сбежать, спешу к шкафу, хватаю первый попавшийся сарафан и натягиваю на себя. Затем засовываю ноги в сандалии и выбегаю из спальни, направляясь прямо к выходу.

Позади меня раздается скрип открывающейся двери ванной.

— Куда-то спешишь, Алиса? — вопрос Брэкстена останавливает меня на полпути, звук его глубокого баритона посылает мурашки по позвоночнику.

Обернувшись, обнаруживаю на его красивом лице веселье, а не гнев или смущение, как должно быть. Вместо этого он стоит в дверном проеме, весь такой высокий и уверенный в себе, с низко повязанным на бедрах полотенцем. Мои глаза снова скользят по его телу. Уверена, что никогда в жизни не видела столь великолепного создания.

— Убегаешь в страхе? — спрашивает он, приподнимая бровь.

Мои глаза вновь встречаются с его, и я мотаю головой, хотя это именно то, что я должна сделать. Убежать так далеко и быстро, как только смогу, убежать от всех этих ошеломляющих эмоций, которые я, кажется, не могу переварить.

— Хорошо. Не хочу, чтобы ты заблудилась. — Он приближается ко мне, эти темные, хищные глаза проникают в самые глубины моей души.

С каждым его шагом я отступаю, пока не натыкаюсь на стену и не оказываюсь в ловушке.

Откидываю голову назад, когда он вторгается в мое личное пространство, жар его кожи душит, сжигая весь кислород в комнате. Кислород, в котором я так отчаянно нуждаюсь в данный момент.

— Знаешь, что происходит с потерявшимися маленькими девочками, Страна Чудес?

Боже, как же мне нравится, когда он так меня называет.

С колотящимся о ребра сердцем, снова мотаю головой, не в силах обрести голос.

Его лицо приближается, нос скользит по моей щеке в обжигающей ласке, пока не достигает уха.

— Их съедает большой злой волк.

О, боже. Не уверена, что это так уж плохо. Нет, если волк — он.

— Брэкстен, — губы шепчут его имя с жалобным всхлипом, моя рука тянется к его твердому животу, пока я борюсь, чтобы оставаться на ногах.

Он отстраняется, в его глазах бурлят все мои чувства.

Прежде чем кто-либо из нас успевает сделать хоть какое-то движение, входная дверь с грохотом распаивается, заставляя меня подпрыгнуть. Из меня вырывается вскрик, сердце пропускает два удара и пускается вскачь.

Глядя поверх руки Брэкстена, вижу в дверном проеме Нокса, его неумолимый взгляд застает нас в компрометирующей позе.

— Не помешал? — его голос, как всегда, холоден.

Быстро выскальзываю из-под руки Брэкстена, внезапно почувствовав необходимость держаться на расстоянии.

— Вообще-то, помешал, — раздраженно выпаливает Брэкстен, поворачиваясь к брату. — Тебе что-то нужно?

— Да, нужно, — пристальный взгляд Нокса впивается в меня, его намек ясен.

От этого кровь в моих венах стынет.

— Прекрати, Нокс! — предупреждающе рявкает Брэкстен. Он встает передо мной, загромождавая от посторонних глаз.

— Что такое, брат? Больше не в настроении делиться? — ответ Нокса может и звучит сухо, но нельзя отрицать боль в каждом произнесенном слове.

— Не делай этого, — говорит Брэкстен. — Не здесь. Не с ней.

Двое мужчин сталкиваются в безмолвном противостоянии, эмоции, которые я даже не могу назвать, борются между ними.

Мне ненавистно, что я являюсь причиной этого.

Топот маленьких ножек, поднимающихся по ступенькам крыльца, прерывает напряженный момент.

— Завтрак готов, — объявляет Ханна Джей. Она просовывает голову под руку Нокса, чтобы заглянуть внутрь, совершенно не обращая внимания на то, что только что увидела.

— Доброе утро, Ханна Джей, — тихо приветствую я.

— Доброе утро, мисс Алиса. — Она смотрит на Брэкстена рядом со мной и хмурится. — Дядя Брэкс, почему ты голый?

— Только вышел из душа, коротышка, — отвечает он ей, но его взгляд не отрывается от брата.

— Ну, перед завтраком тебе лучше одеться, никто не хочет это видеть.

У меня вырывается смешок, прежде чем я прикрываю рот ладонью.

Взгляд Брэкстена, наконец, перемещается на племянницу, гнев на его лице медленно тает, уступая место веселью.

— Я обязательно так и сделаю.

— Ты тоже идешь, дядя Нокс? — спрашивает девочка, выжидающе глядя на дядю. — Я приготовила твой любимый сироп.

— Может быть, позже, малышка. — Он отступает от дверного проема, в его прищуренном взгляде скрывается предательство, когда он смотрит на своего брата. — У меня внезапно пропал аппетит.

Развернувшись, он слетает по шатким ступенькам, оставляя нас в тишине.

Я бросаю взгляд на Брэкстена и вижу на его лице очевидную боль. Она заставляет меня потянуться к нему и коснуться его плеча.

Наши взгляды встречаются, в его видна война эмоций, каждая из которых поражает мое сердце.

— Не хотите прогуляться со мной до дома, мисс Алиса? — спрашивает Ханна Джей. — Дядя Брэкс временами может быть таким тугодумом.

Мой взгляд задерживается на Брэкстене, я не уверена, хочет ли он этого.

— Иди, — мягко призывает он.

— Уверен?

— Да, мы закончим начатое позже. — Невозможно отрицать темное обещание в его голосе.

Кивнув, подхожу к Ханне Джей и беру ее протянутую руку.

— Увидимся там, дядя Брэкс.

— До скорого.

Его слова адресованы племяннице, но взгляд не отрывается от меня. Его мощь чувствуется еще долго после того, как дверь закрывается, вызывая в сердце эмоции, которые больше нельзя отрицать.

Брэкстен

Утро наполняет торжественная тишина, когда мы с Джастисом и отцом сидим на крыльце главного дома, попивая кофе после завтрака.

Алиса ушла несколько минут назад с Райан и Ханной на экскурсию по ферме. Я сам хотел ее сопроводить, но когда моя племянница спросила, может ли она пойти с Алисой, я не смог отказать. Наверное, это в любом случае к лучшему. Мне нужно привести мысли в порядок после всего происшедшего с Ноксом этим утром.

Он ступил на опасную территорию и знает это. Не сомневаюсь, он сделал так, только чтобы напугать Алису, и мне неприятно это говорить, но у него получилось. Беспокойство, отразившееся на ее лице в ту долю секунды, все еще вызывает гнев, пронизывающий каждый дюйм моего тела.

Однако среди этого гнева присутствует и неоспоримое чувство вины, потому что в тот момент я также увидел страх в глазах брата. Страх перемен, страх перед неизвестным.

Страх остаться одному.

Все то, что, как я поклялся, он никогда больше не испытает.

Со всем этим мне предстоит разобраться, и скоро, но сначала...

Найти угрозу и устранить ее.

— Алиса начинает вспоминать, — делаясь новостью, безотрывно смотрю на пейзаж передо мной.

Папина кресло-качалка останавливается, а Джастис поворачивает голову в мою сторону.

— Что она помнит?

«Он... он делал мне больно, Брэкстен. Он делал мне очень-очень больно».

Сжимаю кулаки до боли, испытывая жажду выплеснуть с их помощью всю накопившуюся ярость. Мне удастся ее подавить, прежде чем отвести взгляд и посмотреть на брата.

— Ничего, что помогло бы.

С очевидным разочарованием он качает головой.

— И я хочу, чтобы так и оставалось.

Он напрягается, оглядываясь на меня.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Я не хочу, чтобы она вспоминала. Не после того, через что она прошла на моих глазах прошлой ночью. Мы должны разобраться с этим сами, понятно?

Джастис не отрывает от меня пристального взгляда, он хочет вступить со мной в спор, но то, что он видит во мне, заставляет его отступить.

Желваки на его челюсти ходят ходуном, а потом он с кивком сдается.

Отец вступает в разговор, беря его под свой контроль.

— Я взял на себя смелость отправить по факсу копию письма агенту Джеймсон. Он попросит криминалиста взглянуть на него. Посмотрим, посчитает ли он, что в той загадке есть доля правды, и, надеюсь, мы даже получим представление о том, с каким человеком имеем дело.

— Мы имеем дело с гребаным мертвецом, — скрежещу я зубами, зная, что это почти

правда.

После прошлой ночи моя жажда мести лишь усилилась. Вспоминая испуганные крики Алисы, страх в ее глазах, когда она рассказывала мне, как этот ублюдок делал ей больно, моя жажда пролить кровь готова извергнуться, как вулкан.

Отец наклоняется с кресла-качалки, крепко сжимая мое плечо.

— Сынок, я знаю, ты злишься, и не виню тебя, но мы должны держать себя в руках. Ненависть — враг во всем, мы не должны позволять ей отравлять наши сердца. Нам нужно оставаться сильными и непоколебимо следовать плану.

— И каков план, папа? — Я с трудом сохраняю спокойствие. — Я не могу просто, бл*ть, сидеть здесь и ждать, пока Крейг и Райдер найдут ответы. Больше нет. Не после вчерашнего.

— Он прав, — вмешивается Джастис. — Этот мудака постучался в нашу дверь, и пришло время нам открыть ее... с заряженными стволами.

Мой отец поднимает руку.

— А ну-ка, подождите минутку. Я не предлагаю сидеть сложа руки. Сегодня утром я обсудил с Крейгом одну идею, которая у меня появилась, и он считает ее хорошей.

— Какая идея? — спрашиваю я.

— Завтра мы все, включая и Алису, отправимся на пикник в Оук-парк.

Я таращусь на отца с отвисшей челюстью.

— Ни хрена подобного. Это место будет битком набито людьми.

— В том-то и дело. Если этот ублюдок следит за нами, как я предполагаю, это будет хорошей возможностью поймать его. Крейг расставит людей по периметру парка. С ними и нами, глаз более чем достаточно, чтобы заметить кого-то или что-то необычное.

Обдумывая его слова, понимаю, что если бы целью был кто-то другой, я бы решил, что это хороший план, но речь идет не о ком-то, а об Алисе. Девушке, которую я поклялся защищать любой ценой.

Я качаю головой.

— Я не хочу, чтобы она вот так выставлялась на всеобщее обозрение. Я не могу так рисковать.

— Самое безопасное для нее, кроме пребывания здесь, — это быть на публике, — мягко возражает отец.

Джастис бросает на меня взгляд, и я могу сказать, что он перешел на другую сторону еще до того, как произнес это вслух.

— Он прав, Брэкс. Шансы на то, что этот засранец что-нибудь устроит, когда вокруг так много людей, невелики.

Потому что он — гребаный трус.

Иначе сам бы доставил то письмо. А также не причинил бы вреда такому хрупкому созданию, как Алиса.

— Как ты и сказал, мы больше не можем сидеть сложа руки. Пришло время сделать шаг, и, возможно, это он и есть.

Из меня вырывается резкий выдох, прежде чем я неохотно соглашаюсь.

— Тогда, решено, — провозглашает отец, вставая с кресла. — Мы идем на это с открытыми глазами и ясными головами.

Мы оба киваем.

— А теперь, если вы меня извините, я отправлюсь на поиски вашего брата и выясню,

почему он не присоединился к нам за завтраком.

Упоминание о Ноксе отправляет мои и без того бурлящие эмоции в водоворот.

— Встретимся позже. — Похлопав каждого из нас по плечу, отец направляется к оружейному сараю. Там мой брат обычно прячется, особенно когда ему нужно выпустить пар.

— Я задавался тем же вопросом, — говорит Джастис, вытаскивая сигарету и закуривая. — Есть идеи, почему Нокс не явился к завтраку?

— Да, — отвечаю я, но больше ничего ему не даю.

Он приподнимает бровь, ожидая продолжения.

Решаю рассказать ему, зная, что он не отступит, и передаю события этого утра в сокращенной версии.

По лицу брата скользит хмурое выражение.

— Нокс так поступил?

Я киваю.

Нокс может быть мудаком, мы оба это знаем, но чтобы перейти черту, как сегодня со мной... это не просто необычно, это совершенно неслыханно. Возможно, именно поэтому это так чертовски больно.

— Он напуган. — Джастис выпускает струйку дыма. — Он не говорил серьезно.

— Я это знаю, а вот Алиса — нет. Ей незачем иметь дело с последствиями его поступка. Наша связь совершенно ее не касается.

— Ты прав.

Мой взгляд возвращается к нашей земле, я ищу ответы в единственном месте, которое когда-либо называл домом.

— Я больше не знаю, что делать, — признаюсь я. — Наша связь перестала быть прежней с тех пор, как ты ушел, но мы все равно были друг у друга. Я был у него.

— Теперь тебя у него нет? — Он произносит это скорее как вопрос, чем как утверждение.

Глядя на брата, подбираю слова к признанию, которое мне еще предстоит озвучить вслух.

— Теперь меня у него нет.

Правда заключается в том, что его поступок этим утром, укрепил то, о чем мы с Ноксом уже знали, но пока не были готовы признать. Мне ненавистно чувство, что я подвел его, что нарушаю обещание, которое никогда бы не нарушил, но я также никогда не ожидал встретить Алису.

Проснуться с ней в моих объятиях этим утром было лучшим гребаным чувством в мире. Ощущение ее теплой кожи, ее аромата... это заставило меня хотеть того, чего я никогда раньше не хотел.

Это также вызвало у меня самый сильный гребаный стояк, вот почему я сразу же метнулся в душ. Последнее, чего мне хотелось, чтобы она проснулась от того, что мой нетерпеливый член прижимается к ней, умоляя о вещах, к которым, я знаю, она не готова. Или то, к чему я думал, она не готова, но после сегодняшнего утра я уже не так уверен.

В сознании вспыхивает воспоминание о ее невинных голубых глазах, наблюдавших за мной, когда я дрожил в душе. Я услышал ее сразу, как только она вошла, и понял, что отступать некуда. Я ожидал, что она убежит, как испуганная лань, когда поймет, что я делаю, но она этого не сделала. Она осталась и наблюдала, и я устроил ей шоу, достойное

гребаного Оскара.

Ее прелестные розовые губки были слегка приоткрыты, щеки пылали от желания, в то время как ее милые сосочки натягивали тонкий шелк ночной рубашки, просто умоляя о моем рте...

Мне потребовалось все мужество, чтобы не затащить ее к себе в этот чертов душ и не воспроизвести с ней вживую каждую порочную мысль, промелькнувшую у меня в голове.

— Ты на самом деле серьезно относишься к этой девушке, да? — Джастис почти удивлен.

— Да.

С каждым днем притяжение только усиливается, жажда превращается в нечто, чего нельзя отрицать. Я люблю трахаться так же сильно, как и стрелять, но могу с уверенностью сказать, что никогда никого не хотел так, как хочу Алису. И не только ее тело, но и всю ее.

— Слушай, я понимаю тебя. — Джастис выдыхает последнюю струйку дыма и тушит сигарету. — Несколько месяцев назад я был на твоём месте. И до сих пор борюсь с чувством вины из-за того, что ушел. Иногда по ночам это до дыр разъедает мою гребаную душу.

Его признание застаёт меня врасплох. Я знал, что поначалу ему было тяжело разрывать десятилетнюю связь, но и не думал, что он все еще корит себя за это.

— Не знаю, Брэкс, иногда я задаюсь вопросом...

— Каким? — намираю я, когда он замолкает.

Джастис смотрит на меня, и в его взгляде отражается то же раскаяние, которое чувствую я.

— Не принесли ли мы ему больше вреда, чем пользы, сделав то, что сделали.

Воздействие этих слов сокрушает меня, как тонна кирпичей.

— Что ты хочешь сказать, ты сожалеешь об этом?

— Никогда, — заявляет он. — Я никогда не пожалею о том времени, проведенном с вами, парни. Это не только сблизило нас, но и помогло всем пережить тот темный период.

Мне никогда не забыть той ночи, когда мы установили связь. Мы с Джастисом начали трахаться в гораздо юном возрасте, чем следовало бы. Когда мы впервые появились в этом городке, на всех троих стало бросаться бесконечное количество женщин. Даже намного старше нас.

Их тянуло к запретному.

Меня это никогда не беспокоило, потому что я использовал их так же, как они использовали меня. Они были моим спасением, маскировавшим мучения, которые жили внутри меня всю жизнь, полную боли. Я не мог насытиться.

В те ночи, когда мы с Джастисом брали то, что нам предлагали, Нокс оставался один. Зная о его прошлом, мы понимали, что он никогда не решится на этот шаг. Нет, если не покажем ему, какое удовольствие это может принести.

Предполагалось, что это будет только один раз. Одна женщина и мы трое, но в ту ночь мы увидели, насколько глубоко эти демоны проникли в нашего брата, и это привело в движение то, что навсегда изменило наши отношения.

— Хотя я и не жалею об этом, но нам следовало все хорошенько обдумать, — признает Джастис. — Подумать о последствиях, когда наступит время покончить с этим. Потому что теперь мы готовы двигаться дальше, а он снова остался один.

Я сглатываю то, что ощущается как тысяча гребаных бритвенных лезвий, каждое из которых режет мои голосовые связки.

— Так что же нам делать? Как ему помочь? Мы не можем просто повернуться к нему спиной.

— Конечно, нет. Мы будем рядом с ним, Брэкс, и нам нужно убедить его, что он нам по-прежнему нужен. Связь не прервется, нам просто нужно найти другой способ.

Что, если другого способа нет? Что, если Джастис прав и наш поступок действительно принес Ноксу больше вреда, чем пользы?

Быстро отбрасываю эту мысль прочь. Я пока не знаю как, но я все исправлю. Я исправлю это ради моего брата, потому что не оставлю его бороться в одиночку со своими демонами, ни за что и никогда.

Ради него я убью любого, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Алиса

Солнечный свет заливает акры сельскохозяйственных угодий, а я наблюдаю, как Ханна Джей бросает цыплятам пригоршни корма. Все они бросаются врассыпную в погоне за крохотными шариками.

— Разве они не восхитительны, мисс Алиса? — Лицо девочки лучится благоговением, вызывая во мне схожие эмоции.

— Безусловно.

— Вот этого я зову Малыш Фрэнки. — Она указывает на самого маленького цыпленка, ковыляющего позади всех, стараясь не отставать. — Он самый младший, и его всегда оставляют позади, поэтому я стараюсь давать ему немного больше корма.

Спрыгнув с забора, она опускается на колени и кормит его с ладони, а другой рукой нежно гладит по головке.

— Нелегко быть таким маленьким, да, малыш?

Райан улыбается мне.

— Животные много для нее значат. Она очень о них заботится.

— Как замечательно.

Это говорит о сострадании, которое мы все могли бы больше проявлять в этом мире, даже к самым крошечным существам.

Ханна смотрит на меня, протягивая пакет с кормом.

— Не хотели бы вы их покормить?

Я колеблюсь, желая принять предложение, но боюсь, что, в конечном итоге, сделаю что-то не так.

— Давай, — подбадривает меня Райан, хлопая по плечу. — Это весело.

— Хорошо. — Улыбаясь, подхожу к Ханне и опускаюсь рядом с ней на колени. — Что мне делать?

— Протяните руку.

Я делаю, как она велит, получая пригоршню гранул.

— Теперь сделайте ладонь плоской, как блин.

Взяв меня за запястье, она направляет мою руку в загон, предлагая еду, которая лежит у меня на ладони.

— Идите сюда, — воркует она птенчикам. — Она не причинит вам вреда.

Три цыпленка медленно ковыляют к нам, склевывая корм с моей ладони. Кончики клювов щекочут кожу, вызывая у меня смешок.

Ханна Джей улыбается, волнение в ее глазах отражает мое собственное.

— Разве не классно?

— Очень, — соглашаюсь я.

— Папа Тэтчер всегда говорит, что животные — одни из лучших творений Бога, и они могут стать лучшими друзьями, когда вам это нужно.

Она смотрит на меня в ответ, будто знает, насколько мне мог бы пригодиться друг, ее мудрость так же велика, как и ее сердце.

— Хотите познакомиться с хрюшками? — спрашивает она.

— Я бы с удовольствием. — Я поднимаюсь на ноги, отряхивая с подола пыль.

— Сюда. — Она ракетой летит в сторону свинарника.

— Не беги, — кричит Райан ей вдогонку. — А то опять...

Ее фраза превращается в вздох, когда Ханна спотыкается и приземляется в большую кучу лошадиного навоза.

— Упадешь... — Райан в отчаянии закрывает лицо ладонями. — О, боже.

Я тоже морщусь, сочувствуя бедной девочке.

Ханна переворачивается и садится, ее лицо искажается от отвращения.

— Фу!

Не в силах сдержаться, мы с Райан хохочем. К счастью, Ханна не обижается, ее собственный смех смешивается с нашим.

— Мама, помоги. Это так мерзко.

Мы спешим к ней, поднимая ее на ноги.

— Вот почему я всегда говорю тебе не бегать, — мягко упрекает Райан. — Пойдем, тебе нужно принять душ и переодеться.

— А как же хрюшки?

— Им придется подождать. Ты ничего не будешь делать, покрытая с ног до головы лошадиным дерьмом.

— Но я им нужна, — возражает Ханна, явно расстроившись. — Если я не приду в обычное время, они будут беспокоиться.

— Что, если я составлю им компанию до твоего возвращения? — предлагаю я.

Ханна Джей смотрит на меня снизу вверх.

— Вы не против?

— Вовсе нет.

— Было бы здорово. Спасибо, мисс Алиса. — Она подходит ко мне, чтобы обнять, но потом передумывает. — Передайте им, что я быстро.

— Обязательно.

— И остерегайтесь Гаса, — предупреждает она, подняв указательный пальчик. — Иногда он может озорничать, но у него доброе сердце.

Я киваю.

— Гас. Озорник. Поняла.

— Ладно, пойдем, чтобы ты могла поскорее вернуться. — Райан берет Ханну за руку, одними губами говорит мне «спасибо», а затем направляется в сторону дома.

Я продолжаю свой путь к свинарнику, который расположен с другой стороны большого красного амбара. Там я нахожу четырех милейших розовых поросят, всех покрытых грязью.

— Ну разве вы не самые милые создания.

Один, хрюкая, подбегает ко мне. Опустившись на колени, осторожно протягиваю руку и глажу его, смеясь, когда он тычется своим грязным пяточком мне в ладонь.

— Ты такой же грязный, как Ханна Джей, может, тебе тоже нужно помыться.

В ответ он прыгает в лужу и обрызгивает меня грязной водой. Взвизгнув, я отскакиваю назад и, смеясь, отряхиваюсь.

Поросенок гарцует вокруг, явно довольный собой.

Я упираю руки в бедра.

— Дай угадаю, ты, должно быть, Гас. Ханна предупреждала меня о тебе. Наверное, мне следовало прислушаться, да?

Как раз в тот момент, когда поросенок убегает к своим друзьям, из амбара доносится

шум, привлекающий мое внимание.

Любопытство толкает меня вперед, звук становится громче с каждым шагом. Добравшись до амбара, открываю большие двойные двери и ахаю от того, что вижу.

В закрытых стойлах стоят несколько лошадей, и при виде них весь мой мир вспыхивает новыми красками. Они все разномастные. Черные, коричневые, даже чисто белые. Некоторые проводят свой день за поеданием сена, в то время как другие отдыхают и спят.

Одна особенно выделяется среди других: животное беспокойно мечется в замкнутом пространстве, издавая беспомощное ржание. Душераздирающие звуки вызывают к каждой частичке моей поврежденной души, притягивая ближе.

Я останавливаюсь перед воротами стойла и вглядываюсь в красивую мордашку, чувствуя некое родство с этим животным. Неуверенно поднимаю руку, но лошадь резко отшатывается. Моя рука замирает в воздухе.

— Все в порядке, — ласково успокаиваю я. — Я не причиню тебе вреда.

Наши взгляды встречаются на целую секунду, что придает мне смелости снова протянуть руку. На этот раз мне удастся установить контакт, моя ладонь ложится сбоку шеи. От моего прикосновения беспокойство лошади мгновенно спадает.

— Вот так. Видишь? Бояться нечего.

Из ноздрей лошади вырывается прерывистое дыхание, ее глаза закрываются, когда я успокаивающе глажу ее по шее.

— Ох, будь я проклят...

Вздвогнув от внезапно раздавшегося голоса, оборачиваюсь и вижу отца Брэкстена, стоящего в открытом дверном проеме. Я быстро опускаю руку и отступаю от лошади.

— Простите.

В ответ на извинение он склоняет голову набок.

— За что, ради всего святого?

— Я ждала Ханну Джей и услышала лошадей. Я не хотела входить без разрешения.

Он отмахивается от моего беспокойства.

— Чепуха. Мой дом — твой дом. Я тебе уже это говорил.

На моем лице появляется улыбка, я благодарна за то, что не переступила черту.

Он жестом указывает на лошадь.

— Она тебе нравится?

— Очень. — Я поворачиваюсь обратно к невероятному животному и смотрю в ее блестящие черные глаза. — Как ее зовут?

— Лила, — отвечает мужчина, подходя ближе. — Это означает дикая и свободная.

Имя кажется довольно подходящим для прекрасной лошади.

Она вытягивает шею ко мне, снова ища моего прикосновения.

Я бросаю взгляд на Тэтчера, молча спрашивая разрешения.

Он кивает.

— Давай.

Приблизившись, я снова поднимаю руку, на этот раз поглаживая по морде и носу. Кажется, она настолько ищет утешения в прикосновениях, что нежно трется о мою ладонь, растапливая мое сердце.

Тэтчер ставит ногу на закрытую стойку рядом с нами, наблюдая за нашим общением.

— Ты ей определенно пришлась по душе.

Его слова мне нравятся.

— Думаете?

— Я знаю. Она никогда не подпускала к себе людей так близко.

Я хмурюсь, удивленная этим фактом, учитывая, какая она ласковая.

— Почему?

— У нее проблемы с доверием, она сильно страдала.

Я пристально смотрю на него, ожидая уточнения.

— Два года назад я забрал ее из приюта, — мрачно объясняет он. — Всю первую половину своей жизни она подвергалась жестокому обращению.

Эта информация врезается в мое сердце неопишуемой болью.

— Ее собирались усыпить. Говорили, что она непослушная и ей нельзя доверять. Я не согласился и оказался прав. Она робкая, но не опасная. Все, что ей нужно, — это немного ласки.

Я смотрю на лошадь, пока глажу ее, с ненавистью осознавая, что ей пришлось перенести.

— Как кто-то мог причинить вред столь прекрасному созданию?

— Я задавался тем же вопросом.

Иная интонация в его голосе возвращает мое внимание к нему. В его глазах отражаются доброта и сострадание, он явно говорил не только о лошади.

— Иногда жестокость, с которой мы сталкиваемся, совершается без причины и повода, но я пришел к выводу, что даже самые мрачные времена могут привести нас туда, где мы изначально должны были быть.

Мой взгляд падает на его кисть с отрубленными пальцами, вспоминая, что ему тоже выпала изрядная доля страданий.

— Брэкстен рассказал мне, что с вами случилось много лет назад, — осторожно говорю я. — Мне жаль, что кто-то причинил вам боль.

Он одаривает меня грустной улыбкой.

— Жизнь в мире, где тебя определял цвет твоей кожи, была нелегкой. И все же я здесь, сорок лет спустя, совершаю полный круг с единственной женщиной, которую когда-либо любил, и воспитываю мальчиков, которых люблю так, как если бы они были моей родной плотью и кровью.

Исходящая от него гордость при упоминании о сыновьях дает чувство свободы, и я могу только надеяться однажды познать ее.

Отводя взгляд, прочищаю горло и говорю то, что уже давно должна была сказать.

— Мистер Крид, я очень сожалею о неприятностях, которые доставила вам и вашей семье. Я не хотела, чтобы так все случилось.

В воцарившейся тишине я пристально разглядываю свои сандалии.

— Может, ты ничего не доставляла. Может, беда привела тебя к нам.

От его слов я поднимаю голову, снова встречаясь с ним взглядом.

— Видишь ли, я верю, что у всех нас есть судьба, определенный путь, по которому мы должны следовать. Возможно, это твой путь.

Я размышляю о его словах, рассматривая такую возможность.

— Что, если я слишком заблудилась и сбилась со своего пути? — спрашиваю я, в реальности говоря о разбитом сердце. — Как я могу следовать ему, не имея прошлого, которое могло бы меня направить?

— Прошлое не имеет значения, дитя. Твоя судьба не позади тебя. Она впереди.

Сила его заявления проникает в мое сердце, пригвождая к месту.

Он придвигается ближе, нежно беря меня за плечи.

— Некоторые люди всю свою жизнь мечтают забыть свое прошлое, но ты... у тебя есть шанс начать все сначала. Быть той, кем хочешь. Твои возможности безграничны.

Его слова так наполнены пониманием, мудростью и наставлением, что дают мне надежду на будущее.

— Вы мудрый человек, мистер Крид. Теперь я знаю, откуда это у вашего сына.

Любовь в его глазах сияет так же ярко, как звезды в самые темные ночи.

— Ну, знаешь, как говорят. Каков отец, таков и сын.

Я улыбаюсь ему в ответ.

— Иди сюда, дорогая. — Он притягивает меня к себе, его руки заключают меня в теплые и любящие объятия. — Я знаю, что ты напугана, и не могу винить тебя за это. Ты через многое прошла, но бояться не нужно. Мой сын позаботится о тебе. Мы все позаботимся, потому что так и поступает семья.

Семья — то, что этот человек дал мне с момента моего прибытия к ним. От этого мир, в котором я очнулась, становится намного менее одиноким.

— Эй, старик, ты подкатываешь к моей девушке?

От игривого голоса Брэкстена мы с Тэтчером отрываемся друг от друга, мое сердце подпрыгивает от того, что он назвал меня своей девушкой.

— Нее, парень, — усмехается Тэтчер. — Просто выказываю ей немного любви, вот и все.

Он улыбается мне, все еще держа за плечи.

— Если ты меня извинишь, мне нужно уладить кое-какие дела.

Я киваю.

Как только он уходит, я поворачиваюсь к Брэкстену, стоящему у входа в амбар. Прислонившись к одной из дверей, он смотрит на меня так, что в животе порхают бабочки.

— Привет, — неуклюже приветствую я, теребя ткань сарафана.

— Страна Чудес, — отвечает он с дерзкой ухмылкой. — Что стряслось с твоим экскурсоводом?

— О, э-э... по дороге к поросятам она упала в лошадиный навоз.

Его брови удивленно приподнимаются, а затем из него вырывается хриплый смешок.

— Только этот ребенок умудрился бы угодить в лошадиное дерьмо.

— Для нее это было определенно не лучшим событием этого утра. — Улыбнувшись, заправляю за ухо прядь волос.

Он наблюдает за движением, веселье исчезает с его лица, оставляя на его месте нечто более эмоциональное.

— Видимо, остались только ты и я. Чем займемся?

Он не ждет ответа. Оттолкнувшись от двери, направляется ко мне, каждый его шаг плавный и решительный. Как у хищника, выслеживающего жертву.

Наверное, сейчас самое подходящее время сказать ему, что я должна быть в свинарнике и ждать Ханну Джей, но, кажется, я онемела, не говоря уже о том, чтобы шевельнуться. Его неистовый взгляд обездвиживает.

Это напоминает мне о сегодняшнем утре. Об овладевшими мной напряженностью и потребностью.

И я не знаю, что делать с этой напряженностью.

От которой я втайне млею всякий раз, когда Брэкстен рядом.

Чем ближе он подходит, тем в более бешеном ритме бьется пульс. Стук такой громкий, что в ушах ревет. Этот шум прерывается, когда Брэкстен останавливается возле меня, опираясь руками по обе стороны от моей головы, прижимая к воротам стойла, кажется, этот маневр вошел у него в привычку.

— Алиса, ты хоть представляешь, что делаешь со мной, когда вот так трахаешь меня глазами?

О, боже!

Жар пронизывает каждую мою клеточку, проносясь сквозь меня вихрем атомов. Я хочу извиниться, но в данный момент не могу связать ни слова. Не когда тепло его тела опалает меня, его мужской аромат вторгается в мои чувства, его...

— Вот вы где!

Я поворачиваю голову в сторону стоящей у входа Ханны Джей, которая только что приняла душ. На ней джинсовый комбинезон в обтяжку, ковбойские сапоги и ковбойская шляпа — наряд достойный настоящего фермера.

— В свинарнике я вас не нашла и подумала, что, возможно, вы забрели сюда. — Ее взгляд перемещается на своего дядю и компрометирующую позу, в которую он меня загнал. — Дядя Брэкс, ты когда-нибудь слышал о личном пространстве?

Я прикусываю губу, не зная, смеяться мне сейчас или плакать.

Судя по пораженному стону Брэкстена, он, похоже, того же мнения. Оттолкнувшись от меня, он подходит к племяннице и переворачивает ее вверх тормашками, подвешивая вниз головой.

— А ты когда-нибудь слышала о том, чтобы не мешаться под ногами?

Ханна истерически хохочет, прижимая шляпу к голове, пока Брэкстен раскачивает ее взад-вперед.

Сжалившись, в конце концов, он переворачивает ее обратно и держит в своих объятиях. Она обвивает его шею маленькими ручками и смотрит на него с такой любовью и обожанием, что эти эмоции наполняют всю конюшню.

— Слышал, ты свалилась в лошадиное дерьмо, — говорит Брэкстен, не потрудившись скрыть своего веселья.

— Да, но теперь я безупречно чиста и готова закончить показывать мисс Алисе окрестности. Хочешь пойти с нами?

Брэкстен поворачивается ко мне.

— Вообще-то, я подумывал о том, чтобы взять мисс Алису на прогулку по тропе. Что ты об этом думаешь?

— Отличная идея! — взволнованно ахает Ханна. — Можем закончить экскурсию на лошадях.

На лошадях?

— Что скажешь, Страна Чудес? — спрашивает Брэкстен. — Готова прокатиться?

— Я бы с удовольствием, но... не знаю как. Я почти уверена, что никогда раньше не ездила на лошади.

— Все в порядке, я тебе помогу, — говорит Брэкстен. — Кроме того, Ханна поедет с тобой, а она профессионал.

— Конечно. — Ее уверенность подпитывает мою собственную.

— Давайте сделаем это.

— Здорово!

От волнения Ханна выпрыгивает из объятий Брэкстена.

— Мы седлаем Трикси? — спрашивает она его.

— Несомненно.

— А можно прокатиться на ней? — спрашиваю я, указывая на Лилу.

Брэкстен качает головой.

— Пока нет, но когда-нибудь.

Я киваю в знак понимания. Как бы сильно мне ни нравилась Лилу, я счастлива получить возможность покататься на любой лошади. Поцеловав Лилу в нос, направляюсь к Трикси, поглаживая ее, пока Брэкстен и Ханна ее седлают.

— Ладно, Страна Чудес. Ты первая.

Я подхожу и встаю рядом с Брэкстеном, чувствуя одновременно возбуждение и нервозность.

— Хватай это и держись крепче, — говорит он, передавая мне поводья. — Теперь вставь левую ногу в стремя.

Наклонившись, он показывает мне, где оно находится. После того, как я засовываю ногу в сандалию в стремя, Брэкстен подходит ко мне сзади, хватая за бедра, невинное прикосновение обжигает меня через одежду. Судя по твердой выпуклости, вдавливающейся в мой зад, он тоже не остался равнодушным.

Его рот приближается к моему уху.

— На счет три отрывайся от земли и перекинь правую ногу через седло. Поняла?

С трудом сглотнув, киваю.

— Раз, два... три.

В тот момент, когда я подсакиваю, он подталкивает меня. Мой сарафан задирается до бедер, но я слишком озабочена тем, чтобы не упасть, чтобы беспокоиться о том, что показываю.

— Ого, здесь намного выше, чем я думала, — нервно смеюсь я.

Брэкстен ухмыляется.

— Ты в порядке?

— Полагаю, что да.

Он поворачивается к Ханне.

— Хорошо, коротышка. Твоя очередь.

— Ага!

Схватив поводья, она подтягивается, как профессионал, хотя Брэкстен рядом, чтобы помочь ей перекинуть ногу через крупное животное. Она садится в седло передо мной, ее головка покоится у меня под подбородком.

Брэкстен подходит к лошади спереди и берет поводья.

— Готовы?

— Да, — хором отвечаем мы с Ханной.

— Поехали.

Он выводит лошадь из конюшни на солнечный свет. Глазам требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к ярким лучам, но как только это происходит, я восхищаюсь красотой окрестных земель, видя их совершенно по-новому.

— Разве не красиво, мисс Алиса? — озвучивает Ханна Джей, уловив мои мысли.

— Невероятно, — шепчу я, охваченная благоговением.

— Это точно.

При звуке голоса Брэкстена я опускаю глаза и обнаруживаю, что он смотрит на меня так, что я ощущаю себя такой же прекрасной, как окружающая нас природа.

Остаток дня мы гуляем, смеемся и создаем воспоминания, которые я буду лелеять вечно. Впервые с тех пор, как я очнулась в больнице, я чувствую, что нахожусь именно там, где мне предназначено быть.

Брэкстен

Уже давно сгустились сумерки, когда я направляюсь к оружейному сараю, месту, где мы с братьями изготавливаем самое смертоносное оружие для армии.

Несмотря на усиленную охрану территории, я хочу, чтобы в доме было больше боеприпасов. Не сомневаюсь, что этот засранец просто выжидает своего часа, прежде чем, наконец, набраться смелости нанести удар. В этот момент я буду его поджидать, с пальцем на спусковом крючке, с заряженным оружием, но не раньше, чем сначала подвергну страданиям. Он истечет кровью за каждую рану, нанесенную Алисе, а потом я украду его последний вздох.

Войдя в сарай, обнаруживаю, что весь свет включен, но внутри никого. Не требуется много времени, чтобы понять, что Нокс весь день провел именно здесь. Детали его следующего творения разбросаны по железной столешнице, где в ожидании тестирования лежат несколько других готовых проектов.

Мы все хороши в своем деле, но никто, кроме Нокса, не умеет создавать такое смертоносное оружие. Он проводит здесь больше времени, чем все мы. Это просто еще один способ борьбы с преследующими его демонами, место, где он часто ищет уединения. Вот почему он проторчал здесь весь день, избегая меня и всех остальных...

Отмахнувшись от чувства вины, вызванной этой мыслью, сосредотачиваюсь на цели визита.

Подойдя к запертому шкафу, достаю патроны, достаточно для завершения войны, которую развязали против нас. Только запираю шкаф, как раздается легкий стук в дверь.

— Тук-тук.

В дверном проеме стоит Алиса, ее фигура выделяется на фоне ночных сумерек. Белый сарафан придает ей образ чистоты и невинности.

Ангел, которого я хочу развратить так же сильно, как и защитить.

— Прости за вторжение. Твой отец сказал, что я могу найти тебя здесь. — Она заправляет прядь светлых волос за ухо, — фирменный жест, заставляющий мой член встать по стойке смирно.

— Никакого вторжения, Алиса, когда речь идет о тебе, я всегда хочу, чтобы ты была рядом.

Улыбнувшись, она проходит внутрь, с большим любопытством осматривая помещение.

— Так вот где творится волшебство, да?

— Да, вроде того.

Она бродит по просторной комнате, обращая внимание на диван и зону отдыха, а затем подходит к столу и нежно проводит пальцами по холодной стали, достигая нынешнего шедевра Нокса.

Она обращает ко мне вопросительный взгляд.

— Незавершенная работа, — объясняю я.

Алиса переходит к другому изделию на конце длинной столешницы, рядом с мониторами видеонаблюдения, и находит мать всех орудий. Гатлинг. Один из лучших экземпляров своего времени. Скорострельный пулемет, с гравитационной подачей боеприпасов и ручным приводом. Он мог бы уничтожить целую армию за полсекунды.

Она снова смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Этот выглядит серьезно.

— Очень серьезно, — подтверждаю я, забавляясь. — Это для более, скажем так... опытных.

Она не упускает двойного смысла, ее щеки розовеют.

— Для опытных, значит?

Я киваю, радуясь, что она заглотила наживку. Это как воспламенитель, разжигающий пламя, которое постоянно тлеет между нами.

— Итак, что бы ты предложил для кого-то вроде меня? — тихо спрашивает она. — Кого-то... менее опытного.

Двусмысленность вопроса пронзает мое тело, как касание к проводу под напряжением, образ ее со смертоносным оружием в руках вызывает у меня дикий стояк.

Подойдя к краю стола, встаю за ней, намеренно задевая ее плечо, и ухмыляюсь, услышав, как у нее перехватывает дыхание.

Напряжение между нами нарастало весь день, дразня всем, чего я желаю, но я не уверен, что она готова.

Коснувшись потайного местечка под столешницей, позволяю компьютеру считать отпечаток моего пальца. Раздается звуковой сигнал, и крышка поднимается, являя запас, который мы прячем под ней.

— Ух, ты. — Она подходит ближе, очарованная открывшимся видом.

Сунув руку внутрь, достаю пистолет поменьше и направляю ствол вверх, прежде чем передернуть затвор.

— Маленький для удержания и легкий для переноски, но не менее эффективный.

Она нерешительно смотрит на оружие, но также нельзя отрицать скрытое в ее взгляде очарование.

— Подойди сюда.

Она выполняет команду, приближается и становится передо мной.

Подойдя ближе, оттесняю ее назад и вкладываю оружие в изящные руки. В ответ ее тело трепещет, пальцы дрожат, когда она берет его.

Прижавшись щекой к ее щеке, слегка поворачиваю голову, касаясь носом нежной кожи.

— Нервничаешь?

— Немного, — шепчет она.

— Не стоит. С оружием в руках ты получаешь полный контроль. У тебя есть возможность устранить любую угрозу, украсть последний вздох врага. Нет никакого страха. Никакой боли. Только сила.

Быстрым движением поворачиваю наши тела, прицеливаюсь в мишень, прикрепленную к доске, и нажимаю на спусковой крючок. Алиса вздрагивает от щелчка, у нее вырывается «ох», прежде чем она понимает, что пуль нет.

Опуская наши руки, касаюсь губами ее уха.

— Однажды, детка, я вложу в твои руки заряженный пистолет, но не раньше, чем ты поправишься и будешь готова.

— Может, я уже готова, — срывается с ее губ, скрытый смысл разжигает кровь, которая пульсирует в моих венах.

Держа пистолет в одной руке, поднимаю другую и осторожно обхватываю ее горло, заставляя ее голову откинуться на мое плечо.

— Будь осторожна с тем, что вылетает с твоего хорошенького ротика, Алиса. Здесь только ты и я. На этот раз рядом нет никого, кто мог бы тебя спасти от меня.

Быстрые, неглубокие вдохи вырываются из ее слегка приоткрытых губ.

— Что, если я не хочу, чтобы меня от тебя спасали?

— Что, если ты не готова для меня?

Это мой самый большой страх — взять ее слишком рано и все испортить.

— А что, если готова? — парирует она, несмотря на то, что нервозность приглушает голос.

Из моей груди вырывается полусмешок, полустон.

— Проклятье, Страна Чудес, ты сейчас ужасно храбрая.

— На самом деле, я в ужасе, — тихо признается она. — Но это не меняет того, чего я хочу.

— Да? И чего же ты хочешь, Алиса, хммм? Ты вообще знаешь?

Ее ответ либо создаст, либо разрушит этот момент.

— Не совсем, но я знаю, что мне нравится быть рядом с тобой. Мне... мне нравится то, что я чувствую, когда я с тобой.

Признание заставляет меня притянуть ее ближе, каждая частичка моего тела жаждет прикоснуться к ней.

— И что же ты чувствуешь, когда ты со мной?

— Тепло, — признается она. — Мне всегда тепло, когда ты рядом, и холодно, когда тебя нет.

Эти слова потрясают меня до глубины души.

— И еще я чувствую себя в безопасности. Будто, пока я с тобой, никогда не узнаю боли.

Моя челюсть сжимается от уязвимости, сквозящей в ее голосе. Прильнув щекой к ее щеке, впитываю тепло ее кожи.

— Это потому, что со мной ты в безопасности, детка. Я бы никогда никому не позволил причинить тебе боль. Я бы убил любого, кто попытался бы это сделать.

Она глубже расслабляется во мне, ее доверие такое же чистое и невинное, как и она сама.

— Скажи мне, Алиса, что еще ты чувствуешь. — Я хочу знать все. Каждую мысль, каждое желание, каждую потребность, чтобы мог воплотить их все в жизнь.

— То, чего не могу объяснить. Думаю, я никогда раньше не испытывала подобного, — шепчет она, выказывая свою нервозность. — Например, иногда, от того, как ты смотришь на меня, у меня замирает сердце. И когда ты очень близко, как сейчас, мне становится трудно дышать, не говоря уже о том, чтобы думать. Даже от твоего малейшего прикосновения у меня перехватывает дыхание.

От искренности ее слов мои глаза закрываются.

— Но больше всего, — мягко продолжает она. — Я испытываю эти чувства, которые поглощают каждую часть моего тела, и мне становится...

— Больно? — заканчиваю я за нее.

Прикусив нижнюю губу, она кивает.

— Где? — рычу я.

Тишина захватывает момент, прежде чем Алиса произносит:

— Везде.

Решаю проверить истину ее слов. Подняв пистолет, касаюсь холодным металлом ее шеи

сбоку.

Ее резкий вдох пронзает воздух, я веду кончиком ствола по ее горлу, ключице, пока не достигаю декольте сарафана. Пистолет задерживается на выпуклости груди, они быстро поднимаются и опускаются.

— Здесь?

Шумно сглотнув, она снова кивает.

Опускаю ствол в вырез, скользя сталью по заостренному соску.

— А здесь?

— Да, — выдыхает она, пылкий звук несется прямо к моему члену.

Вынув пистолет, опускаю его к ее ноге, проникаю под подол и медленно веду холодным металлом по внутренней стороне ее обнаженного бедра.

Ее тело напрягается, но у нее нет времени подумать об этом, так как ствол соприкасается с нежным местечком между ее ног.

— О, боже! — горячий крик срывается с ее губ в тот же момент, когда ее колени подгибаются.

Моя рука сжимается вокруг ее талии, удерживая ее в вертикальном положении.

— Полегче, детка. Я держу тебя. — Вожу стволом по промежности ее трусиков взад и вперед с сильным нажимом. — Чего бы я только не отдал, чтобы трахнуть тебя сейчас этим пистолетом, но я ни за что не позволю обычному предмету проникнуть в то, что принадлежит мне.

— Брэкстен. — Мое имя вырывается из нее с нуждающимся стоном, к которому примешивается намек на замешательство.

— Я могу унять эту боль, Алиса. Сделать тебе хорошо. Ты хочешь этого?

Ее ответ — обжигающее мяуканье, она извивается в моих объятиях, ища трения, которого инстинктивно жаждет ее тело.

— Скажи мне, — рычу я. — Мне нужны слова.

— Я хочу этого, — выдыхает она, тяжело дыша. — Я хочу, чтобы ты прикоснулся ко мне.

Выронив пистолет, словно он раскалился после стрельбы, позволяю ему с грохотом упасть на пол, прежде чем развернуть к себе Алису.

Наши взгляды встречаются на мгновение, а потом я заявляю свои гребаные права, беря то, что хотел с тех пор, как она посмотрела на меня на том поле несколько недель назад — избитая, беспомощная и такая чертовски красивая, что это изменило само мое существование.

Столкновение подобно удару молнии в землю у моих ног.

Я поглощаю ее «ох», а она мой стон, звуки соединяются, создавая лучшую гребаную симфонию, которая когда-либо достигала моих ушей. Как раз в тот момент, когда я думаю, что лучше уже быть не может, мой язык проскальзывает между ее губ, и жизнь меняется. Ее вкус подобен лаве, испепеляющей меня до самых глубин моей черной души, навсегда связывающей наши судьбы.

— Бл*ть, Страна Чудес, — бормочу я в ее податливые губы. — Ты на вкус как гребаный динамит, детка.

Постанывая, она обвивает руками мою шею, пытаюсь стать как можно ближе, следовать движениям моего языка.

Мои руки опускаются к ее заднице, обхватывая упругую плоть, и я поднимаю ее вверх.

Ее ноги обвивают мою талию, когда я веду нас к дивану в центре сарая, и усаживаю ее на себя.

Она набирает полные легкие воздуха, пока мои губы движутся вниз по обнаженной коже ее горла, облизывая, пробуя на вкус и покусывая, в попытке утолить ненасытный голод, терзающий меня изнутри.

Мои губы следуют за руками, когда я спускаю с плеч бретельки сарафана, обнажая белый кружевной бюстгальтер. Откинувшись назад, разглядываю ее и стону. Кожа гладкая и кремовая, а маленькие розовые бутоны прижимаются к кружеву, просто умоляя, чтобы к ним прикоснулись.

Смотрю вверх, наши взгляды встречаются. В кристально-голубых глазах бушуют желание и изумление, но так же и невинность.

Подняв руку, обхватываю пылающую щечку.

— Мы не будем торопиться. Я позабочусь о тебе, сделаю приятно. Но дальше этого мы заходить не будем, хорошо?

Милое выражение смягчает ее лицо. Она обхватывает мое запястье и льнет щекой к моей ладони.

— Я так рада, что ты меня нашел.

Искренние слова захлестывают меня, как приливная волна, погружая в море, из которого я никогда не захочу выплыть.

— Я тоже, детка, — отвечаю хрипло. — Больше, чем ты думаешь.

Обхватываю ее за шею, притягивая к себе, во второй раз беря то, без чего больше никогда не смогу жить.

То, что я теперь называю своим.

Через несколько секунд она тает рядом со мной, с каждым движением моего языка остатки ее сдержанности исчезают окончательно. Поэтому я дотягиваюсь до застежки лифчика и расстегиваю ее, полностью освобождая эту прекрасную плоть.

От открывшегося вида из моего горла рвется рычание.

— Посмотри, какая ты чертовски красивая. — Обхватываю ее теплую кожу, и острые маленькие пики царапают мои ладони.

С резким стоном Алиса откидывает голову, выгибает спину и еще теснее прижимается к моим ладоням.

— Тебе так приятно, Алиса?

— Невероятно, — выдыхает она с удивлением.

— Как насчет этого? — Наклонившись, втягиваю в рот леденцово-розовый сосок.

Звук ее удовольствия разносится по воздуху, когда она загорается от моего прикосновения.

— Такая отзывчивая, — стону я.

Уделяю время тугому бутончику, посасывая его, прежде чем перейти к другому, и проделать то же самое с ним.

Алиса насаживается на мой возбужденный член, как маленькая жадная дикарка.

— Пожалуйста, — умоляет она, ее нужда проверяет пределы моего контроля.

Просовываю руку между нами, погружая пальцы в тонкое кружево, чтобы исследовать ее горячий, влажный жар.

От этого ее бедра дергаются вперед, и с губ срывается еще один крик.

— Чертовски мокрая, — стону я, отстраняясь, чтобы посмотреть на нее. — Скажи мне,

Алиса. Ты возбудилась, когда наблюдала, как я ласкаю себя в душе этим утром?

Она замирает, поднимает на меня застенчивый взгляд, а затем награждает единственным кивком.

Я ухмыляюсь ее честности.

— Я тоже, детка. От этого я стал таким чертовски твердым. Знаешь, о чем я думал?

Она застенчиво качает головой, но мы оба знаем, что она лжет.

Тем не менее, я подыгрываю.

— Я представлял, что ты там со мной, стоишь на коленях и сосешь мой член своим горячим ротиком.

Ее глаза закрываются, выражение экстаза растекается по лицу, будто она представляет эту сцену в этот самый момент. Когда ее глаза снова открываются, она делает собственное признание.

— Я хотела зайти к тебе, но испугалась.

Признание подобно бензину, разжигающему пламя, ревущее под моей кожей.

— Со мной тебе никогда не нужно бояться, Страна Чудес. Я всегда о тебе позабочусь.

Она улыбается мне в ответ, и, возможно, это самая красивая улыбка, которую я когда-либо видел у нее.

На этот раз она двигается первой, ее голова опускается, и я вновь вкушаю ее губы. Возобновляю свои усилия ниже, касаясь пальцами набухшего клитора.

Это сводит ее с ума, ее бедра трепещут, пока она устремляется в погоню за кайфом, в котором она так нуждается.

Такая чувствительная.

Такая идеальная.

Такая чертовски моя...

Решаю дать ей немного больше, просовывая кончик пальца в ее уютный вход, едва проникая внутрь.

Ее удивленный вздох переходит в стон, она прижимается ко мне, пытаюсь взять меня глубже.

Я сдерживаюсь, отказываясь нарушать тонкую преграду, защищающую ее невинность.

— Еще, — умоляет она у моих губ.

— Нет, детка, дальше мы не пойдём.

Игнорируя меня, она снова толкается вниз, пытаюсь еще сильнее насадить себя на мой палец.

Остатки моего контроля почти рушатся.

С рычанием вытаскиваю палец, а другой рукой стискиваю ее волосы, слегка оттягивая ее голову назад.

— Когда придет время, единственным, что разрушит твой девственный барьер, будет мой член. Поняла?

Она кивает, но нельзя отрицать разочарования на ее лице.

— Но не волнуйся, детка. Я все еще собираюсь доставить тебе истинное наслаждение.

Меня угол наклона запястья, прижимаю ладонь к ее киске, покрывая каждый дюйм горячей плоти.

— Оседлай, — приказываю я.

Она смотрит на меня сверху вниз, — щеки покраснелись, веки полуприкрыты, — и подчиняется, прижимаясь к моей ладони. Я толкаюсь, встречая ее движение, из из нее

вырывается пламенный «ох».

— Еще!

Она следует приказу.

Другой рукой сжимаю ее бедро, направляя, создавая ритм, который она, в конечном итоге, сама находит.

— Вот так, детка. Трахни мою руку, покажи мне, как сильно ты этого хочешь.

Из нее вырываются сексуальные, тихие стоны, каждый пронзительный звук отдается в моем теле электрическими импульсами.

— Однажды ты будешь вот так же скакать на моем члене, Алиса. Ты сверху, твои красивые сиськи подпрыгивают перед моим лицом, дразня, когда ты будешь жестко и глубоко объезжать меня.

— Брэкстен, пожалуйста, — хнычет она. — Не думаю, что смогу вынести больше...

Сжалившись над ней, двигаю ладонью взад-вперед, прикладывая больше давления и скорости, чем она может выдержать, и это заставляет ее взорваться, как хрупкую бомбу.

Ее наслаждение наполняет воздух криком освобождения.

Поднимаю глаза, желая увидеть на ее лице экстаз, утонуть в нем вместе с ней, и в этот момент в дверном проеме замечаю Нокса. Он держится за ручку, будто только что вошел.

Наши взгляды встречаются поверх ни о чем не подозревающей Алисы, все мое тело напрягается от похоти, бушующей в глазах брата, когда он наблюдает, как та, что принадлежит мне, разваливается на части. Но сильнее похоти — предательство, настолько мощное, что разрывает мне грудь.

Словно почувствовав разгоревшуюся внутри меня борьбу, он резко поворачивается и уходит, бесшумно закрыв за собой дверь. Окончателность момента грохочет в моем сознании, навсегда разрушая остатки нашей связи.

Алиса падает мне на грудь, не в силах оставаться в вертикальном положении, горячее и затрудненное дыхание обдувает мою кожу, пока она продолжает бороться за воздух.

— Я держу тебя. — Коснувшись поцелуем ее влажного виска, беру со спинки дивана плед и накрываю ее, а затем укладываю нас, заставляя ее лечь на меня сверху.

Она сжимает пальцами мою футболку и сворачивается калачиком в моих объятиях, будто была создана специально для меня.

При этой мысли мой взгляд возвращается к закрытой двери, от которой только что ушел брат, и воспоминание о боли на его лице, вызывает в моей душе чувство вины.

Как бы меня чертовски ни убивало осознание того, что этот момент официально изменил направление нашего будущего, после того, как я лишь слегка попробовал Алису, я знаю, что по-другому и быть не может. Впервые в своей жизни я хочу чего-то только для себя. Я отказываюсь делиться ею и буду считать ее своей и только своей.

Навсегда.

Брэкстен

Брэкстену 13 лет

Некий звук вырывает меня из сна. Сонно моргая, смотрю на темный потолок спальни, и внимательно прислушиваюсь к слабому хныканью. Перевожу взгляд на Джастиса и Нокса, двух моих соседей по комнате, с которыми я недавно познакомился, и вижу, что они крепко спят.

— Ребята, — шепчу я. — Вы это слышали?

Они не шевелятся. Они в отключке благодаря этому мудаку Хоббсу. Он пашет на нас от восхода до заката, практически не давая ни пищи, ни воды. Если не будешь работать достаточно усердно или достаточно быстро, станешь объектом его гнева.

За свою жизнь я перебивал во множестве дерьмовых приемных семей. Сталкивался со всем: от полного игнора, до тумачков, а однажды меня даже заперли в шкафу на несколько дней, но, должен сказать, этот приют находится на пути к тому, чтобы стать одним из худших, а я здесь всего неделю.

Скоты, которые заправляют этим местом, тоже это знают, вот почему установили на всех окнах сигнализацию, чтобы никто не смог сбежать. Если бы это было так просто, я бы уже свалил отсюда.

Джастис, Нокс и я прибыли с разницей в один день, нас троих поселили в одной комнате, и мы быстро сдружились. Этим двоим я доверяю, что говорит о многом, потому что я никому не доверяю.

Внизу раздается хлопок, врывающийся в мои беспокойные мысли. Он такой громкий, что сотрясается пол. Гадая, что, черт возьми, происходит, сбрасываю с себя кусок ткани, который здесь называют одеялом, и поднимаюсь с кровати.

Тихо ступая, подхожу к двери. Поворачиваю ручку, высовываю голову в коридор и смотрю в чернильную пустоту. Именно тогда слышу бормотание, за которым следует резкий крик.

В растерянности выхожу из комнаты и спускаюсь по лестнице. Проходит совсем немного времени, прежде чем я понимаю, что шум доносится из подвала.

Как только тянусь к двери, звук шагов в тяжелых ботинках эхом поднимается по лестнице. Двигаясь быстро, прокрадываюсь за угол как раз в тот момент, когда появляется Хоббс.

Сигарета свисает у него изо рта, он застегивает ремень и направляется на кухню.

— Что-нибудь оставил для меня? — доносится вопрос Джонса. Он второй в команде и может быть таким же суперзасранцем, как и Хоббс.

— Не сегодня. Пойдем в сарай, нужно обсудить другие дела.

Как только они выходят через заднюю дверь, я выскальзываю из-за угла, за которым прятался, и спускаюсь по холодным бетонным ступеням, прислушиваясь к любому другому движению. То, что я в конечном итоге обнаруживаю, заставляет желудок скрутиться в узлы, а желчь медленно подступать к горлу.

Один из мальчиков, которые живут здесь, ползает по грязной земле, голый и истекающий кровью, его спина чем-то сильно исполосована.

Иисусе.

Осторожно подхожу к нему.

— Эй, чувак. Ты в порядке?

Его пристальный взгляд устремляется на меня, глаза дикие от паники.

— Какого хрена ты здесь делаешь?

— Пришел помочь. Я...

— Не нужна мне твоя помощь, — резко бросает он. — Вали отсюда, пока он тебя не нашел!

Я остаюсь на месте, слишком потрясенный, чтобы пошевелиться.

— Двигай! — его рев вибрирует по всему дому.

Не желая попадаться на глаза, особенно, когда в моей помощи не нуждаются, я ухожу.

Бегу вверх по двум лестничным пролетам в свою комнату, закрывая за собой дверь. Джастис и Нокс сидят в кроватях, суматоха наконец-то разбудила их.

— Парни, нам нужно убираться отсюда к чертовой матери, — говорю я им.

— Что происходит? — спрашивает Джастис. — Кто так кричал?

Я рассказываю им обо всем, что произошло, и о зрелище, свидетелем которого только что стал. На их мрачных лицах поселяется ужас, тот самый, который глубоко засел у меня в животе, когда мы осознаем, что это место еще хуже, чем мы думали.

Вот тогда-то мы и решаем разработать план побега. Тот, который приведем в действие, но только тогда, когда настанет время. Иначе живыми нам отсюда не выбраться.

Алиса

— Сожми губы, — мягко инструктирует Райан, держа в руке тюбик розового блеска для губ.

Я делаю, как она говорит, позволяя липкой влаге распределиться по губам.

Большую часть утра мы провели в ее комнате, готовясь к городскому пикнику, который мы сегодня посетим, отчего я невероятно нервничаю. Не только из-за угрозы, которая может скрываться на каждом шагу, но и потому, что это чужая территория. Помимо похода по магазинам, я не покидала уединенной фермы. Она стала для меня таким же надежным убежищем, как и мужчина, который привел меня сюда.

Мужчина, в которого я с каждым днем влюбляюсь все сильнее, особенно после прошлого вечера.

От воспоминаний о прикосновениях Брэкстена учащается сердцебиение. Они были такими, как я себе и представляла, и даже лучше. Он не только доставил удовольствие моему телу, но и исцелил душу, и это безвозвратно изменило наши отношения.

Это должно было случиться. Эта связь, притяжение — как ни назови — могло продолжаться очень долго, прежде чем мы бы ему сдались.

Это было столь же неизбежно, сколь и неудержимо.

Столь же прекрасно, сколь и освобождающе.

Чувства, которые я испытываю к нему, должны были бы привести в ужас, но по какой-то причине этого не происходит. Может, потому, что, когда я с ним, кажется, что все неправильное в моем мире, само собой становится правильным.

Это прекрасное место, и я хочу жить в нем вечно...

— Идеально, — заключает Райан с сияющей улыбкой, возвращая меня в настоящее. — Теперь немного румян, и мы закончили.

Она достает из сумочки еще несколько предметов, меняя блеск для губ на черную баночку с румянами и кисточку для макияжа.

— Еще раз спасибо за всю твою помощь, — бормочу я, стараясь оставаться неподвижной, пока она наносит немного розовых румянца на мои скулы. — Я бы потерялась во всем этом, если бы не ты.

Я справляюсь все лучше с повседневными делами, но у меня нет косметики, а даже если бы и была, я бы не знала, с чего начать.

— Мне это только в радость, — тепло говорит она. — Кроме того, мне нравится, что рядом есть другая женщина, с которой я могу это делать. Мало того, что моя дочь слишком юна, но она предпочла бы тусоваться со своими дядями и отцом, чем заниматься девчачьими делами со мной.

Судя по нежности в ее голосе, ее это явно не беспокоит.

— Должна признать, она довольно хорошо вписывается в их троицу.

— Да, — соглашается Райан, и на ее лице появляется улыбка. — Клянусь, каждым из них она вертит как хочет, о возможности чего я даже не подозревала до ее появления.

У меня такое чувство, что эта малышка могла бы осветить даже самую темную душу. Ее отношения с тремя мужчинами только доказывают это.

Это одна из причин, почему я согласилась участвовать с ней сегодня в забеге на трех

ногах, так как Райан не может. Когда девочка с широко раскрытыми и полными надежд глазами попросила меня быть ее напарницей, я не могла отказать. Не тогда, когда с момента моего приезда сюда, она не проявляла ко мне ничего, кроме доброты и внимания.

— Ладно, думаю, мы закончили. — Райан отступает назад, окидывая меня взглядом. — Ну-ка, посмотри.

Она указывает на зеркало в полный рост в другом конце комнаты.

— Скажи, если захочешь, чтобы я что-нибудь подправила.

Спустившись с табурета, подхожу к зеркалу и быстро останавливаюсь, потрясенная отражением, смотрящим на меня в ответ.

Все следы от синяков теперь скрыты макияжем, умело нанесенным Райан, будто их вообще никогда не было. Тени для век цвета шампанского подчеркивают голубизну глаз, придавая им еще большую выразительность, чем обычно. Губы естественного розового оттенка — полные и блестящие. Добавьте к этому длинные светлые волосы, уложенные волнами, и сарафан персикового цвета до щиколоток, и я совсем не похожа на девушку, выписавшуюся из больницы пару недель назад.

В этот момент я выгляжу уверенной, счастливой... даже красивой.

— Вау, — тихо выдыхаю я. — Я выгляжу так... по-другому.

— Ты выглядишь прекрасно.

Оборачиваюсь и вижу, что Райан наблюдает за мной с доброй улыбкой, на которую я отвечаю тем же.

— Спасибо. Думаешь, я не буду выделяться из толпы и выглядеть такой потерянной, какой себя чувствую? — шучу я, но мне не скрыть неуверенности.

— Извини, что огорчу, но появившись с Кридами, ты определенно выделишься из толпы. — В ее голосе слышится нотка сарказма, она садится за туалетный столик и наносит несколько завершающих штрихов своему макияжу. — Они всегда умудряются выделяться, где бы ни появлялись, притягивая к себе внимание, как больной палец.

— Охотно верю, — ворчу я, усаживаясь на кровать. — Однажды, когда мы с Брэкстеном поехали в город, все пялились на меня так, будто у меня две головы.

— Не принимай близко к сердцу. Это идет с ними в комплекте, — успокаивает она. — Иногда это будет из-за зависти, иногда из-за обиды. Люди в этом городе либо любят мальчиков, либо ненавидят их, так как у них с ними нет ничего общего.

Я качаю головой, ошеломленная этим знанием.

— Честно говоря, не могу понять, как кто-то может их ненавидеть.

На первый взгляд они могут показаться заносчивыми, пугающими, даже угрожающими, но если уделить время на то, чтобы узнать их получше, очень быстро можно понять, что в них кроется гораздо больше. Любовь, верность и сила, которые невозможно отрицать.

— У этого городка своя история, особенно у Тэтчера, — объясняет Райан. — Люди никогда не одобряли то, что он приютил мальчиков, и это только усиливало враждебность. Хотя, признаю, что эти трое тоже не очень удачно начали. Много влипали в неприятности, когда впервые здесь появились, приобрели себе репутацию, особенно среди женщин.

— Я слышала, — бормочу, прежде чем успеваю подумать.

Райан прекращает наносить макияж, ее глаза встречаются с моими в зеркале. Из-за противоречивых эмоций чувство вины быстро берет верх.

— Прости. Я не хотела...

— Нет, все в порядке. — Отложив кисточку для макияжа, она подходит к кровати и

садится рядом со мной. — Думаю, я не удивлена, что ты слышала об этом, и, честно говоря, вероятно, услышишь еще. Кое-что из этого правда, кое-что — нет, но что бы ты ни услышала, Алиса, просто знай, что они хорошие люди. Всегда такими были.

— Я знаю. Ничто из сказанного кем-то не изменит моего мнения о них.

— Хорошо, потому что связь между мальчиками больше, чем кто-либо знает. Больше, чем кто-либо мог бы понять.

Не в первый раз я задаюсь вопросом: как много она знает об этом.

Вопрос, должно быть, отразился на моем лице, потому что на ее губах внезапно появляется грустная улыбка.

— Наши с Джастисом отношения изменили связь, и у меня такое чувство, что с твоим появлением она снова меняется.

Я вспоминаю недавнюю стычку между Брэкстеном и Ноксом в гостиной и до сих пор не могу избавиться от чувства вины за все это.

— Знаешь, ты ему очень нравишься, — добавляет она. — Я вижу.

— Он мне тоже нравится, — тихо признаюсь я.

Возможно, больше, чем следовало бы, но я решаю оставить эту деталь при себе.

— Сейчас в моей жизни так много неопределенного, но мои чувства к нему — это единственное, в чем я уверена. Даже если на самом деле чувствую себя совершенно не в его лиге.

Она фыркает.

— Я замужем за Джастисом и все еще чувствую себя так.

Мы смеемся, прежде чем звук стихает до улыбок.

— Еще раз спасибо, Райан. Приятно, когда есть с кем поговорить.

— Я, правда, рада, что ты здесь, Алиса. — Она обнимает меня, и это только добавляет уюта, проникающего в мое сердце. — Постарайся не беспокоиться о сегодняшнем дне. Нам будет весело, вот увидишь.

Надеюсь, она права, потому что знать, что кто-то, ответственный за всю эту ситуацию, может быть там, наблюдая за каждым нашим движением, абсолютно ужасно.

— И, кто знает, может, ты вернешься домой чемпионом, выиграв гонку с моей дочерью, — говорит она, хлопая меня по плечу.

— О, боже, я даже об этом не думаю. — Я смеюсь. — Просто надеюсь, что не поставлю ее в неловкое положение и не подведу нас с самого начала.

— Поверь мне, чтобы поставить Ханну в неловкое положение, нужно постараться. Ты справишься.

Звук открывающейся и закрывающейся входной двери прерывает наш разговор.

— Райан! — зовет Брэкстен, от его баритона мое сердце подпрыгивает.

— Наверху!

Звук топота ботинок, поднимающихся по лестнице, заставляет нас встать с кровати. Я нервно провожу руками по переднему сарафану, разглаживая любые возможные складки, прежде чем он появляется в дверном проеме.

— Твой муж... — фраза Брэкстена обрывается на полуслове, когда он впервые видит меня. — Ого.

От такой яркой реакции мои щеки покрываются румянцем.

— Что ты говорил насчет моего мужа? — спрашивает Райан, едва сдерживая смех.

— Он ждет тебя на улице. — Его обжигающий взгляд не отрывается от меня.

— Думаю, это намек мне. — Райан поворачивается ко мне. — Увидимся на пикнике?

По моему кивку она выходит из комнаты, при этом хлопая Брэкстена по плечу, выглядя довольно гордой собой. Он не достаивает ее взглядом, его потемневшие глаза все еще прикованы ко мне, удерживая на месте. Исходящий от них жар — тот же, что я наблюдала прошлым вечером. Он с гулом проносится по моим чувствам, захватывая каждую частичку бьющегося сердца.

— Скажи что-нибудь, — шепчу я. — Ты заставляешь меня нервничать.

— Если бы ты знала, о чем я сейчас думаю, то нервничала бы еще больше.

Его бесстыдное признание вызывает у меня застенчивую улыбку.

Всего несколькими шагами он сокращает расстояние между нами, притягивая меня в свои объятия для душераздирающего поцелуя. Который освещает саму душу, вдыхая в нее новую жизнь. Без которого я не уверена, что когда-либо смогла бы жить, теперь, когда знаю, насколько мощное влияние он оказывает.

Его губы замедляют неугомонную атаку, прежде чем Брэкстен отстраняется и прижимается лбом к моему лбу.

Я не открываю глаза, пока еще немного наслаждаюсь интимностью момента, впитываю покой, который он приносит. Когда я, наконец, снова открываю их, меня встречают все прекрасные эмоции, которые отражают мои собственные, но одной удается затмить все, омрачая момент.

— Уверена, что готова к этому? — спрашивает он. — Потому что, если нет, скажи только слово, и мы останемся здесь, только вдвоем.

Я качаю головой, отказываясь принять любезно предложенный им выход.

— Наше присутствие важно. Возможно, это единственный шанс поймать того, кто стоит за всем этим. Кроме того, я готовилась здесь несколько часов, и не могу позволить, чтобы все усилия пропали даром.

Шутка неуместная, в его глазах отражаются муки борьбы.

— Я хочу сделать это, Брэкстен, — уверяю я. — Мне нужно это сделать. Не только для того, чтобы помочь обнаружить угрозу, но я хочу испытать себя. Хочу знать, каково это — пойти на пикник. Хочу знать, каково это — участвовать в гонке на трех ногах.

Сделав паузу, судорожно сглатываю.

— Я хочу знать, каково это — чувствовать себя нормальной, даже если это всего на несколько часов.

Что бы он ни увидел на моем лице, это заставляет его смягчиться.

— Хорошо, но я хочу, чтобы ты всегда находилась на расстоянии вытянутой руки от одного из нас, ты поняла? Никуда не ходи одна. Даже в туалет.

Я киваю.

— Я поняла.

Большим пальцем он ласкает мою щеку, изучая меня.

— Я рядом, Алиса. Ты ведь знаешь это, да?

Я льну к его прикосновению.

— Да, всем сердцем и душой.

Похоже, ответ ему нравится.

— Пойдем, давай покончим с этим.

Взяв его за руку, следуя за ним из комнаты.

Надеюсь, тот, кто это делает, появится сегодня, и полиция сможет его поймать, чтобы

МЫ, НАКОНЕЦ, СМОГЛИ РАЗ И НАВСЕГДА ОСТАВИТЬ ВСЕ ПОЗАДИ.

Брэкстен

Когда мы прибываем на пикник, устраиваемый ежегодно в Оук-парке, там полно жителей Винчестера и близлежащих округов. Парк, с пешеходными тропами, мраморными фонтанами и памятниками гражданской войны, располагается в центре города и является основной исторической достопримечательностью города.

Пока все заняты своим делом, — едят, смеются и общаются, — мы с братьями наблюдаем в надежде обнаружить врага. Несколько людей Крейга делают то же самое, прогуливаясь по парку и высматривая что-нибудь подозрительное.

Этот убудок здесь. Я чувствую это каждой клеточкой своего тела. Вне зависимости от того, скрывается ли он в тени или среди незнакомых лиц, я не сомневаюсь, что он наблюдает.

Я чертовски нервничаю, когда Алиса вот так стоит на открытом месте. Если бы не ее лучезарная улыбка, я бы отвез ее обратно на ферму, но, несмотря на обстоятельства, она, похоже, действительно наслаждается жизнью.

С того момента, как я привез ее к нам, ей удалось вписаться не только во все аспекты моей жизни, но и в жизнь остальных. Наблюдая, как она помогает моему отцу и Гвен раздавать еду у их палатки, и как смеется с Райан и играет с Ханной, я лишь убеждаюсь в том, что уже и так знал. Знал с того самого дня, как нашел ее. Ей суждено быть здесь, со мной и моей семьей.

Она предназначена мне.

— Нам нужно поговорить, — привлекает мое внимание Крейг, сидя за столом для пикника напротив меня и братьев. — Я немного покопался в деле того приюта и наткнулся на кое-какую интересную информацию.

Упоминание о той дыре выводит меня из себя, но я сохраняю спокойствие и расслабленность.

— Да, и какую же?

— Для начала, нет никаких записей о присутствии там кого-то из вас.

Шок удерживает меня на месте, вынуждая молчать.

— Что ты сказал? — спрашивает Джастис, будто неправильно его расслышал.

— Я просмотрел каждого, кто когда-либо попадал в то место, и не нашел ни одного упоминания ваших имен.

Мы с братьями переглядываемся, на моем лице отражается непонимание.

— Я также нахожу невероятным совпадением то, что как раз в то время, когда вы трое сбежали оттуда, случился пожар, а среди пепла обнаружили главного надзирателя, забитого до смерти.

Его подозрение направлено прямо на нас.

— К чему, черт возьми, ты клонишь, Клемсон? — раздраженно спрашивает Нокс.

— Ты знаешь, к чему я клоню, — парирует Крейг. — Я устал от того, что вы, парни, ходите вокруг да около. Пришло время начать говорить и сказать мне гребаную правду!

Джастис застывает рядом со мной, готовый нанести ответный удар, но я поднимаю руку, останавливая его.

Это касается меня.

— Хочешь правды, Крейг? Вот она. — Наклонившись через стол, говорю тихо, но серьезность того, что я собираюсь раскрыть, невозможно сдержать. — Хоббс был большим сукиным сыном, который любил мучить маленьких мальчиков, прежде чем оттрахать их в задницу. Он привязывал их к столбам и бил плетьюми до тех пор, пока мясо не сходило с костей.

От воспоминания о той давней ночи в животе возникает резь.

— Не важно, сколько из нас молило о помощи, государство не слушало, и они продолжали бы приводить мальчиков к извращенному ублюдку. Так что, да, он мертв, и без него мир стал чертовски лучше.

Мой ответ заставляет его отшатнуться, его плечи сникают.

— Слушайте, мне не нужно знать подробности или даже ваше участие в этом. На самом деле, я бы предпочел не знать, — говорит он. — Мне только нужна информация, может ли это иметь какое-то отношение к тому, что происходит сейчас.

— Ты сам сказал, что он мертв, — напоминает Джастис. — Не понимаю, как это может быть связано.

Он дело говорит, но чем больше проходит времени, тем больше мои мысли возвращаются к приюту. Это единственное место, которое объединяет нас троих, кроме жизни на улице, и теперь, узнав, что никаких записей о нашем пребывании там нет, очевидно, именно здесь и нужно сосредоточить усилия. Однако, после смерти Хоббса, кто еще мог бы устроить нам вендетту и как во все это, черт возьми, вписывается Алиса?

Разговор прерывает подбежавшая Ханна и следующая за ней Райан. Я смотрю на отцовскую палатку, которая находится неподалеку, и вижу, что Алиса все еще с ним, помогает раздавать еду длинной очереди.

Отец говорит что-то, от чего и она, и Гвен смеются. Этот звук смывает все терзающие меня волнения, оставляя после себя светлый след.

— Всем привет! — Ханна запрыгивает Джастису на колени. Райан встает позади них, наклоняется и обнимает мужа за шею.

— И тебе, привет, мисс Ханна Джей, — радостно отвечает Крейг, скрывая остатки напряженности. — Хорошо проводишь время?

— Да, сэр, мистер шериф, но очень скучаю по Амелии. — Она имеет в виду свою лучшую подругу и дочь Крейга.

— Она тоже по тебе скучает. Вы сможете встретиться на следующей неделе, когда она вернется от своей бабушки.

— Жду не дождусь! — Она ерзает на коленях Джастиса, поворачиваясь к нему лицом. — Гонка скоро начнется. Вы придете поболеть за меня и мисс Алису?

— Мы придем, детка, — обещает Джастис. — Будем в первых рядах.

Чертовски верно, я буду болеть за то, чтобы все повалились ничком, позволив этим двоим, забрать домой главный приз.

— Ты тоже, дядя Нокс? — спрашивает Ханна, с надеждой глядя на моего брата.

Его лицо ничего не выражает, когда он смотрит на нее из-за темных солнцезащитных очков.

— Да, малышка. Я приду.

— Ура!

Я знал, что он ее не подведет. Несмотря на его чувства в данный момент, он ни за что не повернулся бы спиной к семье. Вот почему сейчас он здесь. Не имеет значения, что

появление Алисы в нашей жизни образовало пустоту между нами. Он бы никогда не бросил меня, наша связь слишком сильна. Точно так же, как я не брошу его, не тогда, когда это важнее всего.

— Сначала мы должны посетить туалет, — предлагает Райан Ханне.

— Хорошая идея. Я сегодня выпила много газировки.

Джастис поднимается вместе с Ханной, отказываясь отпустить своих девочек одних.

— Я заберу Алису и встретимся с вами на месте, — говорю я им.

— Хорошо, но поторопитесь, — приказывает племянница. — Никаких разговорчиков или поцелуйчиков.

— Никаких разговорчиков, — соглашаюсь я, — но насчет поцелуйчиков обещать не могу.

— Ладно, но не слишком много. — Она грозит пальчиком. — У нас всего несколько минут.

В шутку отдаю ей честь.

— Есть, мэм.

Райан посмеивается над нашим подшучиванием.

— Хорошо, Маленькая Мисс Властные Штанишки. Идем, или это ты опоздаешь.

Как только они уходят, я говорю Крейгу и Ноксу, что встречу с ними на месте гонки, а затем направляюсь к палатке отца.

Гвен в сторонке болтает с подругой, в то время как папа знакомит Алису с Питом Бейкером, давним коллегой-фермером. Отец обнимает ее за плечи, на лице сияет гордая улыбка, будто он представляет одного из своих детей.

— Эй, а вот и он, — восклицает отец, объявляя о моем прибытии. — Я только что представил Питу новое пополнение в нашей семье.

Алиса краснеет, явно взволнованная любовью моего отца.

— Я понял. — Поворачиваюсь к фермеру и протягиваю руку для приветствия. — Рад встрече, Пит.

— Я тоже, Брэкстен. — Он отвечает крепким рукопожатием. — Что ж, позволю вам всем вернуться к своим делам. Спасибо за гамбо, Тэтчер.

— В любое время, Пит.

Приподняв шляпу в знак прощания с Алисой, он уходит, прихватив с собой миску гамбо.

— Ты голоден, сынок? — спрашивает отец. — У нас осталось немного кукурузного хлеба.

— Я в порядке, но спасибо. Наверное, нам стоит отправиться на гонку. У меня строгий приказ не опаздывать.

Папа усмехается, уже зная, от кого исходит приказ.

— Видимо, хорошо, что я только что подал последнюю миску гамбо. — Он снимает фартук, вешая его на свое рабочее место. — Я за Гвен и встретимся с вами на месте.

По моему кивку он уходит, оставляя нас с Алисой наедине. Она обращает в мою сторону свою милую улыбку, вышибая из меня дух. Не в силах больше сдерживаться, притягиваю ее к себе и целовываю улыбку с ее прекрасного личика.

К тому времени, как отстраняюсь, у нее сбивается дыхание.

— Привет, — тихо бормочет она.

— И тебе привет, Страна Чудес. Хорошо проводишь время?

— Вообще-то, да, — говорит она удивленно. — Настолько, что легко забыла, зачем мы

сегодня здесь.

Я рад, что одному из нас это удалось.

— Все были так милы, и мне понравилось больше узнавать Гвен.

Обнимаю ее крепче.

— Рад слышать, что все добры к тебе. В противном случае мне пришлось бы надрать им задницы.

Она смеется, как я и надеялся.

— Об этом не беспокойся. Здешние люди очень милы. — Выражение ее лица смягчается со следующими словами. — Странно, но временами я чувствовала себя так комфортно, что это казалось нормальным. Почти походило на...

— На что? — спрашиваю я, когда она замолкает.

В ее глазах мелькает уязвимость.

— На то, что мое место, возможно, здесь.

Признание обрушивается, как удар кувалды, сотрясая меня.

— Потому что так и есть. Твое место там, где я.

Она прикусывает нижнюю губу, пытаясь скрыть улыбку, которая хочет вырваться на свободу.

— Значит, ты не против того, как твой отец представил меня Питу?

Я хмурюсь от этого вопроса.

— С чего бы мне быть против?

Она пожимает плечами, но ее беспокойство очевидно.

— Думаю, нам пора кое-что прояснить, Страна Чудес.

— Хорошо, — говорит она медленно, явно нервничая.

— На случай, если ты еще не поняла, ты принадлежишь мне, и то, что ты принадлежишь мне, делает тебя частью этой семьи, вот почему мой отец представил тебя таким образом, — говорю я прямо. — Мы не относимся к этому легкомысленно. Как только ты попадаешь в эту семью, ты остаешься в ней навсегда. Этого уже не изменить. Ты понимаешь, о чем я говорю?

На этот раз она не борется с улыбкой, позволяя ей расплыться по лицу, излучая красоту и изящество.

— Да, понимаю.

— Хорошо, а теперь потащили свои задницы на забег, пока минисержант по строевой подготовке, она же моя племянница, не отправилась на мои поиски.

Ее смех разносится в воздухе, когда я обнимаю ее за плечи и веду в направлении, где проводится забег.

Несмотря на более легкий момент, не могу не оставаться настороже, продвигаясь сквозь толпу. Рассматриваю каждого, задаваясь вопросом, смотрю ли я в лицо нашему врагу.

— Алиса!

Звук ее имени останавливает нас на полпути. Обернувшись, мы видим медсестру из больницы, проталкивающуюся к нам сквозь толпу.

— Линда? — Алиса ахает от удивления. Отпустив мою руку, бежит навстречу женщине, и они сталкиваются в объятиях. — Я понятия не имела, что ты будешь здесь.

— Могу то же самое сказать о тебе, — говорит Линда, разрывая объятия, чтобы посмотреть на Алису. — Выглядишь чудесно, милая. Такой счастливой и здоровой.

— Так и есть. Благодаря Брэкстену. — От взгляда, который она бросает в мою сторону, моя грудь раздувается от гордости.

Медсестра смотрит на меня, ее обычного свирепого взгляда не видно.

— Возможно, я все-таки ошибалась насчет тебя, Брэкстен Крид.

Мне хочется подтвердить, что она ошибалась, как и многие другие в этом городе, но молчу, потому что мне не нужно ее одобрение или чье-либо еще.

— Ты здесь одна? — спрашивает Алиса. — Мы приглашаем тебя присоединиться к нам.

— О, как мило с вашей стороны, но я здесь помогаю подруге. Сейчас я направлялась к ее палатке. Но как насчет встретиться как-нибудь за чашечкой кофе и наверстать упущенное?

— Я бы с удовольствием.

— Тогда, это свидание. — Улыбаясь, она притягивает Алису для последнего объятия. —

Я так рада тебя видеть, милая.

— Я тоже.

— Мой номер у тебя есть. Позвони мне, и мы обо всем договоримся.

— Я так и сделаю.

Помахав на прощание, Линда продолжает путь к палатке своей подруги, в то время как я хватаю Алису за руку и спешу на гонку, зная, что, вероятно, в полной заднице перед своей племянницей.

В конечном итоге, мы успеваем в самый последний момент. Ведущий, Пегги Диксон, уже представляет каждого участника. Ханна стоит в дальнем конце очереди, нервно оглядывая толпу в поисках нас.

В тот момент, когда она замечает нас, на ее лице появляется облегчение.

— Быстрее! — кричит она, отчаянно подзывая Алису.

Алиса отпускает мою руку, уже делает шаг в сторону, но прежде чем успевает уйти слишком далеко, я хватаю ее за запястье, дергая назад для быстрого, жесткого поцелуя.

— Ты справишься, Страна Чудес.

Ее лицо приобретает милое выражение.

— Спасибо.

Не теряя ни секунды, она бросается прочь, занимая свое место рядом с Ханной.

Подойдя с боку к многолюдной линии забега, вижу все свое семейство в первом ряду и протискиваюсь между отцом и Джастисом.

— Ты в порядке, сынок? — спрашивает отец, сжимая мое плечо.

— Да, папа. Я в порядке.

Учитывая, что день почти закончился, предполагаю, что ублюдок не сделает свой ход, по крайней мере, не сегодня. Не уверен, благодарить мне за это или злиться.

Пегги Диксон начинает излагать правила, в то время как один из организаторов связывает лодыжки каждой пары вместе. Когда он подходит к Алисе и Ханне, обе хватаются за руки, выглядя одинаково взбудораженными и взволнованными.

Джастис, похоже, не далеко от них ушел. Он так чертовски нервничает рядом со мной, что, кажется, готов вылезти из кожи.

— Если эти придурки понимают, что для них лучше, то отступят и позволят моей девочке победить.

— Прекрати, — смеется Райан, игриво толкая мужа локтем. — Это просто ради веселья.

Может, и так, но я знаю, как сильно племянница хочет получить ленту за первое место, поэтому в этом вопросе я согласен с братом. Кроме того, для моей женщины это первая гонка, и я отказываюсь соглашаться на меньшее для нее.

— Первая пара, пришедшая к финишу, выигрывает не только ленту, но и подарочную карту на сто долларов в лучший ресторан города.

— Да, ура! — Ханна вскидывает кулак в воздух, будто уже выиграла.

Это вызывает смех в толпе.

Пегги поднимает над головой пневматический пистолет, подавая сигнал к обратному отсчету.

— На старт... внимание... марш!

Ханна и Алиса вздрагивают от выстрела, а затем начинают прыгать. Всю дистанцию они истерически смеются, раскачиваясь из стороны в сторону, стараясь не отставать от остальных. Им требуется минута, но, в конце концов, они находят опору, синхронизируя движения, когда обнимают друг друга, чтобы не упасть.

— Вперед, девочки! — кричит Райан. — Продолжайте в том же духе!

Все участники идут очень близко, Алиса и Ханна нос к носу с другой парой борются за первое место. На полпути другая пара падает, выводя Алису и Ханну вперед.

— Да! — ликуем мы в унисон с братьями.

Отец и Гвен радостно хлопают в ладоши, а Райан затмевает всех нас, подбадривая бегунов на финишной прямой.

Они прорываются через ленту, претендуя на первое место. По парку разносятся радостные возгласы и аплодисменты, моя семья — самая громкая. Алиса и Ханна обнимаются в знак победы, пока остальные участники минуют их.

Как только они поднимаются на сцену за призом, у меня в кармане вибрирует сотовый. Вытаскиваю его и, уставившись на экран, смотрю на высветившийся звонок со скрытого номера, который не должен был поступить по этой линии.

Подозрение всплывает мгновенно.

— Крид, — отвечаю я, прикрывая ухо, чтобы заглушить окружающий шум.

— Так-так-так, неужели это печально известный Брэкстен Крид. — Искаженный голос заполняет линию, насмехаясь над яростью, которую я запрятал глубоко в своей душе. — Сколько лет, сколько зим.

— Как, черт возьми, ты раздобыл этот номер?

Братья и отец вытягиваются по стойке смирно, суровые нотки в моем голосе заставляют их насторожиться.

— Давай просто скажем, что я находчивый парень. — В его тоне сквозит высокомерие. — Это была отличная гонка, не так ли? Такая напряженная и насыщенная, что я все время не находил себе места.

Несмотря на подтверждение моих подозрений, мне неприятно осознавать, насколько угроза сейчас близка.

Мой взгляд останавливается на Алисе и Ханне, а затем на Джастисе. Он понимает сигнал и направляется к сцене, в то время как отец держит Гвен и Райан рядом с собой.

Нокс достает свой телефон, набирает Крейга как раз в тот момент, когда я отправляюсь на поиски.

Проталкиваясь сквозь толпу, мой взгляд мечется туда-сюда, выискивая кого-нибудь, кто разговаривает по телефону.

— Должен сказать, у тебя симпатичная племянница, Крид, просто конфетка. Она мне нравится.

Этот комментарий доводит мою ярость до опасного предела.

— Упомяни ее еще хоть раз, и я отрежу твой гребаный язык, а потом выпущу из тебя всю кровь.

— О-о-о, задел за живое, — смеется он, механический звук кудачет у меня в ухе. — Тогда давай поговорим об Алисе? Она выглядит такой красивой и полной жизни. Скажи, она все еще так же невинна, как тогда, когда я отдал ее тебе, или вы с братьями развратили ее, как и всех других шлюх в этом городе?

Моя челюсть сжимается, зубы скрипят так сильно, что я боюсь, они вот-вот треснут.

— О ней мы тоже не говорим. Это между нами. Давай оставим все как есть.

— О, а вот тут ты ошибаешься. Она такая же часть плана, как и все вы.

— И что это за план? — спрашиваю я, продолжая рыскать взглядом по толпе и замечая одного мужчину с телефоном. Схватив его за плечо, разворачиваю к себе.

— Какого хрена, чувак?

Поняв, что это не он, отступаю и иду в другом направлении.

— Мсть, конечно, — констатирует он, как ни в чем не бывало. — Ее я ждал очень долго.

— Да? Что ж, у меня есть свой план мести, так почему бы нам не завязать с этим дерьмом и не сэкономить себе немного времени? Ты скажешь, где прячешься, а я приду и убью тебя, потому что мы оба знаем, что этим все и закончится.

Еще один смешок раздается у меня в ухе.

— Ты всегда был самоуверенным. Эта черта и раньше восхищала меня в тебе.

— Неужели?

Он мычит в знак согласия.

— Я бы с удовольствием присоединился к тебе в этой прогулке по переулкам памяти, но поскольку ты слишком боишься назвать себя, придется мне остаться в стороне.

— Боюсь, — повторяет он, забавляясь. — Так ты думаешь?

— Да, черт возьми, и ты должен бояться. Ты понятия не имеешь, с кем связываешься. Иначе никогда бы не развязал эту войну.

— О, поверь мне, я точно знаю, кто ты и твои братья, — уверяет он. — Я долго вас искал. Если бы не скандал в маленьком городке вокруг твоей семейки несколько месяцев назад, я, возможно, никогда бы вас не нашел.

— Зачем ждать дольше? — Я останавливаюсь, предлагая себя. — Можем закончить это здесь и сейчас.

— Нет, это было бы не так весело, но, должен признать, я удивлен, что ты еще не понял связь.

Я рычу.

— Да, твоя ничтожная загадка — отстой.

— Считаешь? А как насчет этой:

«Провалилась в кроличью нору, королева кровоточащих сердец.

Страна Чудес в опасности, жизнь обречена на самоуничтожение.

Горящие сараи и поруганные души, смерть стучится в дверь, как в старые добрые времена».

Отсылка к «Алисе в Стране Чудес» доказывает, насколько внимательно он следил, но именно упоминание о горящих сараях и поруганных душах заставляет орган в моей груди погрузиться в море ужаса, потому что это может быть связано только с одним.

С одним событием.

С одной ночью.

Когда приходит осознание, ноги наливаются свинцом.

— Уловил связь, да? — спрашивает он на мое молчание.

— Возможно, — стискиваю зубы, ненавидя, как хрипло звучит мой голос.

— А я думаю, уловил.

— Почему Алиса? — спрашиваю я. — Она не имеет никакого отношения ни к тому проклятому месту, ни к той ночи.

— Разве это не вопрос на миллион долларов?

Загадочный ответ доводит меня до предела.

— Хватит игр, ублюдок. Покажись, и давай закончим с этим.

В трубке слышится тяжелое дыхание.

— Узнай, кто она, и ты узнаешь, кто я.

Оглушительный щелчок завершившегося звонка не оставляет ничего, кроме мертвой тишины.

Навязчивые воспоминания из прошлого врываются в разум, как разъяренный бык. Прошлое, к которому, как я надеялся, мне никогда не придется возвращаться. Прошлое, с которым нам всем теперь придется столкнуться.

Алиса

Страх заявил о себе, стискивая меня в железный кулак, когда я сижу за кухонным столом в главном доме и слушаю, как Брэкстен рассказывает Крейгу, братьям и отцу о леденящем душу телефонном звонке.

Как и ожидалось, наш мучитель сделал еще один ход, на этот раз, преподнеся деталь садистской головоломки, которую тщательно собирал. Эта деталь — приют, где три мальчика встретились много лет назад. Тот период явно хранит очень мрачные воспоминания.

— Давайте исходить из вероятности того, что этот мудака говорит правду, — подает голос Джастис. — Это явно имеет отношение к Хоббсу и к тому, что произошло той ночью. Что нам нужно выяснить, так это кому настолько важен этот кусок дерьма, что он захотел отомстить спустя столько лет.

— И как в это вписывается она, — добавляет Нокс, резко кивая в мою сторону. — Учитывая, что тот приют был для мальчиков, не понимаю, как она могла иметь к нему какое-то отношение.

Измученный взгляд Брэкстена перемещается ко мне, опустошение в его глазах разрывает меня на части. Что бы ни случилось много лет назад, в глубине души это все еще преследует его.

Из того немногого, что я поняла из разговора, кажется, в деле замешан некий Хоббс, главный надзиратель.

— Я не знаю, — бормочет Брэкстен. — Но он сказал, что если мы выясним, кто она, то пойдем, кто он.

У меня сердце обливается кровью, мне ненавистна мысль, что, возможно, я — часть их болезненного прошлого.

Крейг достает коричневую папку, которую принес с собой.

— Это все, что я на данный момент смог накопать на приют, — говорит он, открывая папку. — Здесь имена всех, кто пребывал там в то же время, что и вы трое, включая сотрудников. Я все еще жду отчета о прошлом Хоббса, его мне должны прислать в любое время, но я смог собрать биографии всех с фотографиями и обновленной информацией, за исключением одного...

— Кого? — спрашивает Джастис.

Крейг смотрит в свои записи.

— Некий Кит Джонс.

— Такой же кусок дерьма, — выплевывает Нокс с явным отвращением.

Крейг приподнимает бровь.

— Я так понимаю, вы его знаете?

— Он был вторым в команде, — объясняет Брэкстен. — Был близок к Хоббсу и тоже относился к нам как засранец.

— Как думаете, он способен на такое?

Брэкстен пожимает плечами.

— Возможно, но Джонс, которого я помню, был ведомым, а не лидером. Не уверен, что он достаточно умен, чтобы осуществить то, что делает этот парень.

— Согласен, — говорит Джастис.

— Или он просто умнее, чем вы думаете. — Крейг вытаскивает один из отчетов из стопки, которая лежит перед ним. — Мне удалось получить его полную биографию вплоть до ночи пожара. После нее ничего нет. Ни места работы. Ни текущего адреса или номера телефона. Даже гребаной покупки по кредитной карте. Он полностью исчез.

— Может, умер? — спрашивает Тэтчер.

— Сомнительно, поскольку я не могу найти свидетельство о смерти, но я еще покопаюсь. Тем временем, нам всем нужно просмотреть эти папки и надеяться, что найдется что-то еще, над чем можно поработать.

Он раздает каждому по стопке, останавливаясь на мне.

— Думаю, тебе тоже было бы полезно посмотреть, если ты готова к этому? — осторожно спрашивает он. — Может, что-то бросится в глаза, покажется знакомым...

— Нет, — отвечает за меня Брэкстен. — Она и так через многое прошла.

— Брэкстен, все в порядке, — заверяю я, кладя руку ему на плечо. — Я хочу помочь. Это меньшее, что я могу сделать.

— Ты нам ничего не должна, — твердо возражает он.

Он неправ, я стольким им обязан, особенно ему, но не использую это в качестве аргумента.

— Я в долгу перед собой, — говорю я ему вместо этого. — Перед той девушкой, которой была до того, как очнулась в больнице.

Желваки на его челюсти пульсируют, очевидно, ему все также не нравится эта идея, но он не спорит со мной. Он кивает Крейгу, давая ему добро передать мне папки.

— Спасибо, — шепчу я, принимая отчеты. — Что именно я должна искать?

— Все, — говорит он. — Откуда они взялись, куда отправились после пожара и где находятся сейчас. Если есть неучтенный период времени, мне нужно знать об этом.

Поняв цель, мы все открываем папки и приступаем к чтению.

Первый человек, о котором я читаю, — это Тодд Уилкинс, ребенком он жил в приюте в то же время, что и мальчики. В папке есть все о его прошлом, начиная со смерти матери от передозировки, когда ему было всего пять лет и, заканчивая жестокими приемными семьями, где он страдал, прежде чем оказаться в приюте.

История очень душераздирающая, но, к счастью, она заканчивается на радостной ноте. После пожара он попал в хорошую приемную семью, и, в итоге, пара его усыновила. Потом он получил докторскую степень и сейчас счастливо женат и у него трое маленьких детей.

Просмотрев все фотографии, беру другую папку. Когда в ней мне ничего не бросается в глаза, принимаюсь за другую, моя надежда тает с каждой прочитанной историей.

— Я даже не узнаю половину этих гребаных парней, — ворчит Джастис в явном разочаровании.

— И я, — добавляет Нокс.

— Этого я помню, — воодушевленно заявляет Брэкстен, пододвигая папку братьям. — Это тот парень, которого я нашел в подвале той ночью.

— Нашел? — спрашивает Крейг, ожидая разъяснений.

Брэкстен кивает.

— В ту ночь я узнал, на что на самом деле способен Хоббс. — Он не вдается в подробности, но ему и не нужно, травмирующий опыт от увиденного, отражен в мрачном выражении его лица.

Нокс берет фотографию из папки, читая на обороте:

— Андон Дентон.

— Где он сейчас? — спрашивает Джастис.

— Здесь говорится, что он женат и живет в Сент-Джордже, штат Юта, тренирует школьную футбольную команду.

— Похоже, у него все получилось, — говорит Тэтчер. — Совсем как у моих мальчиков.

Гордость в его голосе не спутаешь ни с чем.

Когда я беру другую папку, из нее выпадает фотография. Взяв ее в руки, вижу, что это общее фото четырех взрослых мужчин и нескольких маленьких мальчиков. Все они улыбаются, все выглядят как одна большая счастливая семья.

Внимательно вглядываюсь в каждого человека, изучая незнакомые лица, пока одно из них не возвращает меня во времени, его улыбка меняется с дружелюбной на холодную и зловещую.

Узнавание наносит сильный удар, поражая в самое сердце. Я вскакиваю со стула, в спешке опрокидывая его, и чувствую, как учащается дыхание.

— Алиса? — Брэкстен тоже вскакивает со своего места и бросается ко мне. — Что случилось?

Его голос звучит отдаленно, приглушенный моим громоподобным сердцебиением. Я пытаюсь заговорить, но не могу, охватившая паника, слишком сильна.

Воспоминания начинают нападать на меня все сразу, заставляя чувствовать, что голова вот-вот взорвется. Каждое из них проносится с гиперскоростью, отправляя меня в прошлое.

Первым приходит воспоминание о том, как я маленькой девочкой бегала по большому двору, смеясь, когда за мной гнался мужчина с фотографии.

Папочка поймает тебя.

В тот момент, когда он меня ловит и поднимает на руки, говорит, как сильно он меня любит.

Это воспоминание быстро сменяет другое. Автокатастрофа, вокруг меня сыплются осколки. Женщина на водительском сиденье смотрит на меня, пока мы плывем по воздуху, взгляд любви и сожаления тонет в слезах, наполняющих ее глаза.

Затем приходит самое худшее воспоминание из всех, когда меня снова и снова привязывают к столбу. Хотя я не могу видеть лица мучителя, в моем сознании мелькает образ мужчины, поймавшего меня в объятия, а затем я чувствую ожог от удара плетью по спине, он сдирает кожу и пускает кровь.

Ты снова была плохой девочкой, Алиса. Пришло время для твоего наказания.

Меня охватывает непостижимая боль, погружая в черную бездну.

— Алиса, прекрати к чертовой матери!

Жесткий голос Брэкстена проникает в хаос моего разума. Резкий вдох пронзает легкие, когда я катапультируюсь обратно в настоящее. Я лежу в объятиях Брэкстена на кухонном полу, звук моих душераздирающих рыданий разносится по комнате.

— Дыши, детка, — бормочет он, покачивая меня взад-вперед. — Ты в безопасности. Я рядом.

— Это он, — выдыхаю я, едва ворочая языком. — Это он делал мне больно.

— Кто? — спрашивает Брэкстен.

— На фото, — выдыхаю я, все еще пытаюсь отдышаться.

Крейг быстро хватает со стола фотографию и опускается передо мной на колени.

— Кто из них, Алиса? Покажи мне.

Дрожащим пальцем указываю на невысокого, коренастого мужчину слева.

Брэкстен напрягается, его руки сжимаются вокруг меня.

— Нет, это невозможно. Алиса, ты что-то путаешь.

Я качаю головой.

— Нет.

— Да. — Он поворачивает меня к себе, заставляя посмотреть ему в глаза. — Это не может быть он, потому что он мертв. И уже долгое время. Я знаю это, потому что мы его убили.

Я качаю головой.

— Да!

— Послушай меня, — кричу я в ответ, сжимая его рубашку в отчаянной попытке заставить понять. — Он связывал меня, Брэкстен, — признаюсь я сквозь поток рыданий. — Бил до тех пор, пока я не теряла сознание. Вот о чем был мой кошмар прошлой ночью. Я не могла видеть его лица, но это был он, я знаю это.

Эмоция, которую можно описать только как крайний шок, скользит по его лицу, прежде чем превратиться в чистую муку. Эта эмоция заставляет мое и без того опустошенное сердце разбиться на части.

Крейг достает телефон, делая звонок.

— Симс, сделай одолжение и проверь мой офис, не пришел ли факс, которого я жду. Да, спасибо.

Тишина наполняет комнату всего на секунду.

— Мне нужно, чтобы ты сделал скан и немедленно отправили мне по электронной почте.

— У меня в кабинете есть факс, — говорит Тэтчер.

— Забудь о скане. Вместо этого отправь по факсу, — приказывает Крейг, диктуя номер своему заместителю, прежде чем последовать за Тэтчером из комнаты.

Джастис и Нокс стоят вокруг нас, скрестив руки на груди, и у них такой же затравленный недоверчивый взгляд, как и у брата.

— Кто он? — задаю вопрос едва слышным шепотом, потому что у меня такое чувство, что я уже знаю, но молюсь, чтобы ошибиться.

Брэкстен не может говорить, его челюсть сжата, он борется с эмоциями, доминирующими над теми, что отражаются на его лице.

В конечном итоге, за него отвечает Джастис.

— Мужчина, на которого ты только что указала, — Хоббс.

Мои глаза закрываются, меня поглощает отчаяние.

Папочка тебя поймает.

— О, боже. — Я прижимаю колени к груди, чувствуя, что меня может вырвать.

Объятия Брэкстена становятся крепче, но в них нет ни тепла, ни эмоций. Это автоматическая реакция — действие робота — холодная пустая оболочка.

В этот момент на кухню возвращаются Крейг и Тэтчер, и их мрачные лица выражают то, что в глубине души я уже знаю.

— Ну? — с тревогой спрашивает Нокс. — Что, черт возьми, там написано?

Крейг начинает читать новый документ, который держит в руках.

— У Фредрика Харлена Хоббса остались жена Бонни и дочь-подросток Алиса, обе

погибли в автокатастрофе через год после его смерти.

Разоблачение, как атомная бомба, обрушивается в тишину, разносясь по комнате взрывной волной, когда выясняется, что в моих венах течет кровь их мучителя.

— Хотя в обугленных обломках были обнаружены лишь несколько фрагментов останков, которые могли быть идентифицированы как останки Бонни Хоббс, Алиса Хоббс также была объявлена погибшей, ее останки предположительно затерялись среди пепла.

Джастис издает мучительный вздох, он звучит так же повержено, как и мое сердце.

Нокс молча стоит рядом с ним, руки сжаты в кулаки, его ненависть ко мне становится обоснованной.

Я решаю не смотреть на Брэкстена, зная, что не смогу вынести того, что увижу в его взгляде.

— Бессмыслица какая-то, — нарушает тишину Джастис. — Авария произошла более десяти гребанных лет назад. Как могло пройти столько времени, и никто не знал, что она жива?

— Потому что он ее прятал, — наконец, говорит Брэкстен, звук его голоса такой же несчастный, как и напряжение, окутывающее комнату.

Если то небольшое, что я помню, верно, меня не просто прятали, меня держали взаперти, пытали, и это будет преследовать меня вечно.

— Как бы то ни было, теперь мы знаем, кто она, — говорит Нокс. — И если то, что она помнит, — правда, то она не единственный ходячий мертвец. Хоббс все еще жив, и этот ублюдок жаждет крови.

Прозвучавшая правда заставляет меня страстно желать прижаться еще ближе к Брэкстену, но независимо от того, как сильно я хочу навсегда остаться в его объятиях, этого никогда не произойдет, потому что то, что стало известно, без сомнения, навсегда изменило наши отношения.

Брэкстен

Я сижу на задней веранде отцовского дома, ночь окутывает меня тьмой, отбрасывая на душу неумолимые тени. Демоны прошлого атакуют с удвоенной силой.

— Ну и как тебе, парень? Теперь уже нет желания важничать, да?

Хлыст свистит в воздухе, прежде чем обрушиться еще одним ударом на мой голый зад, срывая плоть с костей. Но при звуке расстегивающегося ремня страх перекрывает боль.

— Сейчас я тебе покажу, что бывает с самоуверенными маленькими говнюками вроде тебя.

Стиснув зубы, стараюсь похоронить навязчивое воспоминание, но это бесполезно. Беспомощность, которую я испытал в тот момент, шрамы, что я до сих пор ношу в себе, обжигают кислотой, никогда не позволяя мне забыть. Те же гребаные шрамы носит на своей невинной плоти девушка, которую я обещал защищать, и все потому, что мы сбежали. Потому что считали, что монстр мертв, горит в аду и уже никогда не сможет причинить вред другому человеку. Но оказалось, что мы ошибались, чертовски ошибались, и мне придется жить с этим всю оставшуюся жизнь.

Скрип сетчатой двери нарушает мое смятение, на веранду выходят братья, каждый занимает место по обеим сторонам от меня.

— Поговори с нами, брат, — просит Джастис, нарушая мрачное молчание.

— А что тут скажешь? — Каждое слово режет горло крошечными лезвиями, я не отрываю взгляда от темноты впереди меня.

— Думаю, здесь есть что сказать.

Да, есть, о том, как девушка, за которую я отдал бы жизнь, годами страдала от жестокого обращения по нашей вине.

Одна лишь мысль об этом сжигает все внутри.

Не в силах больше сидеть ни секунды, вскакиваю с места, стуча ботинками по твердой земле, когда расхаживаю взад-вперед, борясь с бушующим внутренним монстром.

— Не делай этого, Брэкс, — говорит Джастис, точно угадывая мои мысли.

Я резко останавливаюсь, поравнявшись с братьями.

— Не делать чего, Джастис? Не признавать, что мы облажались? Что убежали без оглядки и из-за этого другие страдали от его рук? Это наша гребаная вина, и ты, черт возьми, прекрасно это знаешь!

Джастис тоже вскакивает, оказываясь передо мной в мгновение ока.

— Да, бл*ть. Но никто не знал, что так все будет. Мы оставили его подыхать. Даже проверили, чтобы убедиться!

— Этого оказалось недостаточно, — рычу я. — Мы должны были сделать больше! Мы обрекли ее на страдания.

Мои плечи безвольно сникают, последние слова пропитаны горем.

— Он причинял ей боль из-за нас. Каждая отметина на ее теле и душе — это наша вина. — Жидкий огонь обжигает глаза, стекая из уголков, прежде чем я совсем теряю самообладание.

Брат обхватывает меня сзади за шею, притягивая ближе, позволяя тонуть в удушающей

вине. Подходит Нокс и сжимает мое плечо в безмолвном утешении.

Совсем как в ту давнюю ночь. Когда все казалось таким безнадежным, и все, что у нас было, — это мы.

— Мы были всего лишь детьми, Брэкс, — хрипит Джастис, его голос наполнен тем же сожалением, которое разрывает на части и меня. — Мы сделали все, что могли, но были просто гребаными детьми. Нам удалось только это.

— Он прав. — Сдержанный голос отца проникает в наш момент.

Мы отрываемся друг от друга и смотрим на человека, спасшего нам жизни. Он спускается по ступенькам заднего хода, приближаясь в окутывающей нас темноте, и встает перед нами.

— Не вините себя в том, что случилось много лет назад. — Знание в его глазах, обращенных на нас, не спутаешь ни с чем.

— Ты знал, да? — выдыхаю я. — Все это время ты знал.

Он кивает.

— На это у меня ушло несколько месяцев, но, в конце концов, я собрал воедино то, что произошло, и откуда вы, мальчики, взялись.

— Почему ничего не сказал нам? — спрашивает Нокс, опережая меня.

— А почему никто из вас мне этого не сказал?

Мы не пытаемся объяснить, никто из нас не уверен, как выразить наш самый глубинный и вечный страх.

— Вы мне не доверяете?

— Дело не в этом, — спешно возражаю я.

— Тогда почему считали, что должны скрывать такое от меня?

Наконец, Джастис говорит за всех нас.

— Мы боялись, что правда изменит твое отношение к нам.

Лицо отца ничего не выражает, из-за чего трудно прочесть его мысли.

— И какой бы была эта правда? Что вы защищались от монстра?

— Откуда ты знаешь, что именно произошло? — спрашивает Нокс. — Откуда знаешь, что монстрами были не мы? Тогда ты нас не знал.

— Вот тут ты ошибаешься, сынок. Я всегда знал, кто вы. — Его слова падают камнем, и мы замираем. — Много лет назад я видел в ваших глазах страх. Боль, борьбу за выживание... Я знал, что вы, мальчики, страдали. Точно так же, как и я. Вот почему сделал все, что мог, чтобы вас защитить.

Мрак ночи наполняет любовь, которую он всегда проявлял к нам.

— Это ты подделал записи, — бормочет Джастис, вскидывая голову от осознания. — Ты стер все наши следы из того приюта, не так ли?

Я оглядываюсь на отца и вижу на его лице ответ еще до того, как он его произносит.

— Да.

— Зачем? — спрашиваю я. — Зачем тебе это?

— Затем, что в ту ночь, когда я нашел вас в своем сарае — замерзших, промокших и напуганных — я понял, что нашел трех мальчиков, которые нуждались во мне так же сильно, как я нуждался в них, и я не собирался никому позволять отнять вас у меня.

Понимание того, скольким отец пожертвовал ради нас, вновь вызывает бурю эмоций.

Он подходит ближе, обнимает Джастиса и Нокса за плечи, образуя между нами небольшой круг.

— Я хочу, чтобы вы услышали меня сейчас. Ничто — и я говорю это серьезно — в вашем прошлом, настоящем или будущем не заставит меня разлюбить вас. Вы меня поняли?

Нокс опускает голову, скрывая сокрушенное выражение, в то время как Джастис, плотно сжав челюсти, отвечает кивком.

Я проглатываю комок эмоций и ухитряюсь обрести дар речи.

— Да, папа. Мы тебя поняли.

Отец притягивает нас ближе, образуя нерушимые объятия.

— Мы поймаем этого сукиного сына, парни. Он заплатит за все, что сделал, и на этот раз мы отправим его в ад навсегда. Обещаю вам.

Пусть обещание дает отец, но сдержать его намерен я.

Монстр умрет от моих рук.

Алиса

По моим щекам льется непрерывный поток слез, мое безнадежное сердце каким-то образом все еще бьется, когда я сижу рядом со стойлом Лилы, поглаживая шею спящей лошади.

Я пришла сюда, нуждаясь в родственной душе, в поисках некоего подобия утешения среди мрака реальности, с которой мне приходится сталкиваться в данный момент.

Я — дочь монстра.

Мерзкого нелюдя, причинившего боль не только мне, но и другим, включая единственного человека, который важен мне больше всего в этом мире. Кто спас меня и обещал защищать. Только для того, чтобы узнать, что он защищал врага.

От этой мысли еще одно рыдание вырывается на свободу. Прижав колени к груди, я плачу из-за потери чего-то, что едва успело начаться. Брэкстен никогда больше не посмотрит на меня, и не мне его винить. Не тогда, когда он пострадал, в этом я не сомневаюсь, от рук человека, чья кровь течет в моих венах. Я видела муку в его глазах, в глазах всех парней. Демоны... страдание и... ненависть.

Такая сильная ненависть.

Позади раздаются шаги, проникающие в мое запутанное сознание. Мне не нужно смотреть, чтобы узнать, кто это. Осознание наполняет каждую клеточку моего тела, вплоть до потерянной, одинокой души. Я испытываю то же самое, как и всегда, когда он рядом. Его присутствие постоянно успокаивало меня, заставляло чувствовать себя в безопасности, но не в этот раз, потому что я знаю, что будет дальше, и хотя не могу винить его за это, но все же не уверена, что мое разбитое сердце способно сейчас расколоться еще сильнее.

Брэкстен встает передо мной на колени, но я опускаю голову на руки. Неспособная смириться с тем, что увижу — жалость и неизбежное прощание.

— Алиса, взгляни на меня.

Несмотря на мягкий тон его приказа, я не делаю ни малейшего движения.

Он не оставляет мне выбора. Разжав мои руки, заставляет посмотреть на него, но то, что я вижу в ответ, совсем не то, чего я ожидала, и все равно это разбивает мое сердце. Его сокрушенное выражение наполнено непостижимой болью, открывающей каждую частичку изломанной души.

— Прости меня, — выдавливаю я сквозь новую волну слез. — Прости меня, пожалуйста. Замешательство скрывает часть его горя.

— За что ты извиняешься?

— За все, что он сделал, — плачу я. — Это все из-за меня.

— Нет, Алиса. Ты ни в чем не виновата. Это не ты. — Его челюсть напрягается, дыхание становится прерывистым, пока он борется, чтобы сдержать эмоции. — Мы оставили его умирать. Думали, он больше никому не причинит вреда, но ошиблись. Это я — единственный, кто должен простить прощения.

Стыд клонит его голову к полу сарая, в котором мы сидим, а воздух вокруг нас наполняется удушающим отчаянием.

Впервые я вижу его тем потерянным, испуганным мальчиком, которым он когда-то был, его прошлое открывается мне сильнее, чем когда-либо.

— Что он с тобой сделал? — спрашиваю я, несмотря на то, что мне страшно услышать ответ.

Брэкстен поднимает голову, и наши взгляды снова встречаются. За его демонами скрывается ярость, настолько сильная, что дрожь пробирает меня до костей.

— Ничего такого, чего я не смог пережить. И ничего такого, чего не пережила ты. — Сила и решительность окружают его, как силовое поле, заглушая мучительную агонию. Его вера в меня сильнее, чем моя собственная.

— Я всегда полагала, что как только узнаю, кто я и откуда, почувствую себя такой уверенной, — тихо признаюсь я. — Но правда в том, что я никогда не чувствовала себя более потерянной, чем сейчас.

В его глазах вспыхивает сочувствие, затем его рука поднимается к моему лицу, пальцы скользят по мокрой от слез щеке.

— Ты не потерялась, Страна Чудес. Ты именно там, где и должна быть. Здесь, со мной. Я качаю головой, не понимая, как он все еще может быть так добр ко мне.

— Как ты можешь так говорить, зная, кто я?

— Потому что это правда, черт возьми! — Обхватив мое лицо ладонями, он прижимается лбом к моему лбу, пронизывая меня взглядом. — Мне плевать, что написано в том гребаном отчете. Ты принадлежишь не ему. Ты принадлежишь мне, и это не изменится. Ни сейчас. Никогда.

Прекрасная клятва — это все, что я жаждала услышать, и даже больше. Сдавленный всхлип поднимается по горлу, но прежде чем успевает вырваться на свободу, губы Брэкстена захватывают мои в останавливающем время поцелуе.

Я отдаюсь моменту и ему, позволяя им изменить ужасную судьбу, которая нас ожидает. Это пробуждает что-то внутри меня — отчаяние, которого я никогда раньше не испытывала.

Схватив его за футболку, задираю ее на мускулистую спину, нуждаясь в большем.

Брэкстен быстро подчиняется, отстраняясь достаточно, чтобы помочь мне стянуть футболку через голову.

Его руки перемещаются к крошечным пуговицам моего сарафана, быстро их расстегивая, пока не теряет терпение и не разрывает материал одним резким движением, разбрасывая изящные детали по сараю.

От такой дикости у меня перехватывает дыхание, но воздух полностью покидает легкие, когда он притягивает меня к себе, кожа к коже, и не делает ничего другого, кроме как обнимает.

Мои руки обвиваются вокруг него, и я наслаждаюсь стуком наших сердец, бьющихся в унисон. Бесповоротность момента делает его еще более знаменательным.

Секундой позже его губы прижимаются к моей шее, ставя на коже клеймо, прежде чем спуститься к выпуклости груди, затем ниже, накрывая чувствительный сосок.

Во мне взрывается фейерверк ощущений. Со стоном я откидываю голову назад, впиваюсь ногтями в его широкие плечи и наслаждаюсь всеми чувствами, которые Брэкстен вызывает во мне. Его внимание переключается на другую грудь, язык щелкает, а губы посасывают, пока я не превращаюсь в извивающееся месиво.

— Брэкстен, — хнычу я, двигаясь вперед в попытке облегчить боль между ног, отчего наши бедра сталкиваются.

Он без колебаний дает мне желаемое. Меня позу, укладывает меня на спину.

Я, полуобнаженная, опускаюсь на разбросанную солому, а Брэкстен встает на колени

передо мной, его мощная грудь выставлена напоказ, и полностью снимает с меня сарафан, а затем трусики.

Одержимость в его взгляде, когда он смотрит на меня сверху вниз, лижет мою кожу, как живое пламя, поджигая каждый ее дюйм. Я уверена, что никогда не видела его таким неистовым, как в этот момент. Таким же неистовым и темным, как зверь, обвивающий его ребра.

Когда он тянется к ремню, у меня перехватывает дыхание, лязг пряжки совпадает с биением моего пульса.

— Скажи, что ты уверена, Алиса, потому что, как только мы это сделаем, пути назад не будет.

Возможно, я не в состоянии вспомнить прошлое, но точно никогда не была ни в чем так уверена, как сейчас. Чтобы доказать это, я протягиваю ему руку.

Он принимает ее, позволяя мне опустить его на себя, и столкновение наших обнаженных тел меняет жизнь.

Из горла Брэкстена вырывается рычание, когда он зарывается лицом в чувствительную кожу моей шеи.

— Вот ради чего мы прошли через многое, Алиса. Боль, потери... все это вело к настоящему моменту.

Его слова проникают мне в душу неоспоримой правдой. Если бы все, что у меня было, — это настоящий момент, касание наших обнаженных тел, сердца, бьющиеся в едином ритме, я бы покинула эту землю, зная, что большего мне и не надо.

Долгие секунды никто из нас не двигается. Мы лежим неподвижно, обнимая друг друга, кусочки наших разорванных сердец срастаются, преодолевая боль прошлого, которая привела нас сюда, к этому моменту.

Наконец, он переплетает свои пальцы с моими и поднимает наши руки над моей головой.

— Детка, ты готова ко мне?

Я киваю, не в силах говорить из-за спазма в горле.

Приподнявшись, Брэкстен на мгновение замирает, его темные глаза настолько завораживают, что невозможно отвести взгляд.

— Будет больно, но лишь на секунду. — Предупредив, он нежно целует меня в лоб, затем одним внезапным толчком продвигается вперед, проникая через преграду, которая никем и никогда не была нарушена.

Прекрасная боль сотрясает мое тело от вторжения, и я приоткрываю рот в резком вдохе.

Брэкстен стонет, мрачно и насыщенно, проникая глубже.

— Ты чувствуешь это, Страна Чудес? — Его горячее дыхание теплым шелком скользит по моей щеке. — Я только что сделал тебя своей навсегда.

Эти несколько слов, меняющих жизнь, уменьшают боль, пока она не становится не более чем воспоминанием.

Когда наши взгляды встречаются, Брэкстен начинает двигаться внутри меня, с каждым толчком проникая все глубже. Я теряюсь в темноте его глаз и вижу гораздо больше, чем обладание. Сердце, бьющееся в унисон моему, наши разбитые души излечиваются, чтобы стать единым целым. Всем этим я буду дорожить вечно.

— Детка, ты со мной? — спрашивает он сквозь стиснутые зубы, явно сдерживаясь.

Я скольжу ладонью по его груди, останавливаясь там, где сильно бьется его сердце.

— Я с тобой. Навсегда.

— Хорошо. Сегодня я не буду торопиться, но после пойду ва-банк.

Я приму его любым способом, каким смогу заполучить, независимо от того, как это будет, потому что не сомневаюсь, что каждый раз с ним будет более совершенен, чем предыдущий.

Вцепившись в его широкие плечи, чувствую под кончиками пальцев, как напрягается каждый мускул, и исследую каждый изгиб и впадинку наших тел, когда мы свободно отдаемся друг другу.

В конце концов, я нахожу собственный ритм, мои бедра поднимаются ему навстречу. Смелое движение заставляет его зарычать и толкаться глубже, задевая незнакомое мне до селе местечко, которое посылает ударные волны в нервные окончания по всему телу.

С моих губ срывается стон, спина выгибается, когда я пытаюсь сдержаться.

Брэкстен чувствует это.

— Отдайся ощущениям, Алиса. Позволь им забрать тебя, позволь им овладеть тобой.

Я мотаю головой.

— Я не готова к тому, чтобы это закончилось.

Эмоциональное признание заставляет Брэкстена замереть глубоко внутри меня. Он упирается лбом в мой лоб, темный взгляд берет надо мной власть.

— Не закончится, — обещает он. — Это невозможно, Страна Чудес, потому что мы предначертаны друг для друга гребаными звездами. В сказках и мечтах. Ничто и никогда этого не изменит.

Если раньше я не была окончательно уверена, что влюблена в него, то теперь знаю точно. Улыбка приподнимает уголки моих губ, прежде чем я притягиваю Брэкстена на себя и стираю улыбку поцелуем.

Это вновь приводит его бедра в движение, каждый искусный толчок поражает то запретное местечко глубоко во мне. Мои губы отрываются от его губ на выдохе, когда я чувствую, что проигрываю битву, которой была так одержима, но как же прекрасно ее проиграть.

Удовольствие пронзает каждую клеточку моего тела и, закрыв глаза, я плыву туда, где есть одно лишь божественное забвение.

Брэкстен не замедляется ни на миг, его бедра двигаются в почти маниакальном темпе. Как только он достигает оргазма, стиснув зубы, стремительно выходит, чтобы не кончить в меня.

Я мгновенно лишаюсь нашей связи.

После Брэкстен заключает меня в объятия и прижимает к себе, разворошенная в пылу страсти солома прилипает к нам обоим. Тепло наших обнаженных тел согревает нас и приносит удовлетворение, пока мы переживаем невероятный момент, только что произошедший между нами, между двумя людьми, которые еще несколько недель назад были просто незнакомцами, но в итоге оказались связаны так, как никогда не могли себе представить.

— О чем так сильно задумалась? — шепотом спрашивает он, нарушая уютную тишину.

— О нас, — признаюсь я, поворачиваясь к нему лицом. — О том, какой невероятно изменчивой может быть судьба.

— Ты все правильно поняла, — хрипло говорит он.

— Хотелось бы мне, чтобы каким-то образом мы встретились в прошлом, — шепчу я. —

Потому что уверена, что никогда бы тебя не забыла.

По его лицу скользит сожаление.

— Если бы мы встретились много лет назад, тебе не пришлось бы запоминать меня, потому что я бы никогда тебя не отпустил.

Эффект от его слов еще сильнее привязывает меня к нему на ментальном уровне.

— Возможно, все произошедшее было не напрасно. Может, все, через что мы прошли, действительно случилось ради чего-то. — Тяжесть моих мыслей легким дуновением разносится по воздуху.

— Все случилось не ради чего-то, Алиса. А ради *всего*. — Его слова повисают между нами, их громогласность подобна сирене, пронзающей тишину.

После всего, что он испытал от рук человека, чья кровь течет в моих венах, мне ни за что не понять, как он может так смотреть на меня, говорить такие слова от всего своего сильного, жизнелюбивого сердца.

Одно я знаю точно: несмотря на всю боль и потрясения, которые мы оба пережили, я не сомневаюсь, что мы теперь именно там, где нам суждено быть. Здесь, друг с другом.

Брэкстен

Лучи утреннего солнца льются через окно моей спальни, отбрасывая золотой отблеск на красавицу, спящую рядом со мной.

Лицо Алисы во сне излучает нежность, в каждой черточке отражается умиротворение, что полностью противоречит тому, какой я нашел ее прошлой ночью в сарае. Одинокой, напуганной и... сломленной.

Я с трудом сглатываю от воспоминаний.

Узнать, что девушка, которая стала значить для меня все, — дочь того самого человека, который был ответственен за наши разрушенные души много лет назад, нанесло сильный удар в сердце. Не потому, что в ее венах течет частичка его, а потому, что она страдала от его рук еще долго после нас.

Потому что мы по ошибке считали его мертвым.

Правда вновь потрясает меня. Я никогда не прощу себя за это, но все исправлю. Я отомщу не только за себя и братьев, но и за ангела, спящего рядом со мной. Этот ублюдок заплатит за каждую оставленную на ней рану, даже если это будет последнее, что я сделаю.

Мои мысли прерывает грохот, вскоре за ним следуют приглушенные голоса.

Нахмурившись, соскальзываю с кровати и надеваю вчерашние джинсы и футболку, затем беру с тумбочки телефон. Бросив последний взгляд на Алису, выхожу из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

Как только оказываюсь в коридоре, меня встречает аппетитный аромат. С каждым шагом приглушенные голоса становятся более различимы, пока я не оказываюсь лицом к лицу со всей моей семьей. Они перемещаются по моей кухне, готовя завтрак и накрывая на стол, которым редко пользуются.

Отец стоит у плиты, справа от него Гвен нарезает фрукты. Она первой замечает меня, на ее лице появляется ласковая улыбка.

— Что ж, доброе утро.

— Доброе утро, — хриплю я, сон все еще комом стоит в горле.

Папа отрывает взгляд от плиты, на его лице появляется фирменная ухмылка.

— Эй, смотрите-ка, кто проснулся. — Приблизившись, он притягивает меня для крепких объятий. — Мы подумали этим утром приготовить вам завтрак. Надеюсь, ты не против?

Завтраки и ужины — это главная трапеза всей семьи, их никогда нельзя пропускать без уважительной причины. То, что произошло прошлым вечером, можно было бы считать достаточно веской причиной, но я знаю, что их присутствие здесь связано не столько с традициями, сколько с верностью, потому что так устроена эта семья. Когда один из нас ранен, кровью истекают все.

— Да, пап, — наконец говорю я, и причина хрипотцы в моем голосе теперь совсем иная. — Еще как не против.

Следующей подходит Райан, приветствуя меня поцелуем в щеку.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

Далее очередь Джастиса, он притягивает меня к себе и хлопает по плечу.

— У тебя все хорошо, брат?

— Да, я в порядке. Спасибо.

Нокс кивает мне с того места, где накрывает на стол. Боли и предательства, с которыми я столкнулся за последние несколько недель, не видно. Это дает мне надежду, что наши отношения, в итоге, поправимы.

Ханна бульдозером врзается в меня, почти сбивая с ног, и обхватывает худенькими ручонками за талию.

— Доброе утро, дядя Брэкс!

— Доброе утро, постреленок.

— Сегодня мы приготовили твое любимое блюдо — печенье с соусом. Как думаешь, мисс Алисе понравится?

Я ухмыляюсь ее волнению.

— Уверен в этом.

— Не терпится попробовать, — раздается позади меня тихий голос.

Обернувшись, вижу у входа на кухню Алису. На ней облегающие джинсы и светло-розовый свитер, свисающий с одного худенького плеча. Волосы растрепаны со сна, а глаза усталые, но она по-прежнему самое прекрасное зрелище из семи мною виденных.

— Вы проснулись! — восклицает Ханна, подбегая, чтобы обнять ее так же, как и меня.

Алиса отвечает на объятия, но ее улыбка сникает, когда она смотрит на остальных членов моей семьи, столпившихся на кухне. Очевидно, беспокоится о приеме, который ей окажут после вчерашнего открытия.

Райан — первая, кто избавляет ее от страха, приветствуя так же, как и в любой другой день.

— Доброе утро, Алиса.

— Доброе утро.

Следующий — мой отец.

— Ты как раз вовремя, дорогая, — говорит он ей, целуя ее в щеку. — Завтрак будет готов через несколько минут.

Алиса улыбается ему в ответ.

— Пахнет чудесно.

— Будем надеяться, что на вкус будет не хуже, — посмеивается он, возвращаясь к плите.

Пока каждый возобновляет свое занятие, я приступаю к собственному утреннему приветствию. Взяв ее за руку, притягиваю к себе для долгого, томного поцелуя, впитывая всем сердцем ее сладость.

У меня возникает желание подхватить ее на руки и отнести обратно в постель, и будь проклят этот завтрак, но мне удается сдержаться.

Глаза Алисы несколько секунд остаются закрытыми, затем на лице появляется нежность, прежде чем они, наконец, снова открываются, и потрясение от вида этих светло-голубых озер по-прежнему сбивает меня с ног.

— Привет, Страна Чудес. — Мой голос срывается на хрип, показывая все чувства, что она во мне вызывает.

— Привет, — сонно отвечает она.

— Тебе не нужно было вставать. Ты могла бы остаться в постели.

— Знаю, но я бы предпочла остаться в ней с тобой.

Такие простые слова, но они пронзают меня до глубины души также, как и девушка в

моих объятиях.

— Идите, присаживайтесь, — зовет папа. — Завтрак готов.

Взяв Алису за руку, веду ее к столу, отмечая, что нам будет тесновато. Я собираюсь занять свободный стул рядом с Джастисом, пока не понимаю, что так Алиса окажется рядом с Ноксом. Решаю поменяться с ним местами, не желая, чтобы она чувствовала себя неловко, но прежде чем успеваю это сделать, Нокс выдвигает для нее стул.

В комнате воцаряется тишина, этот жест шокирует нас всех до чертиков, особенно Алису. Она смотрит на стул, затем снова на Нокса, слова ускользают от нее так же, как и от всех нас. В конце концов, она садится, тихо произнося при этом «спасибо».

Брат не отвечает, но ему и не нужно, его жест говорил громче любых слов.

После того, как папа произносит молитву, все принимаются за работу. Разговоры за столом стихают по мере того, как передаются блюда, расставленные перед нами.

Этим утром нам много о чем следовало бы поговорить, но мы решаем не торопиться и насладиться завтраком: моментом нормальной жизни для моей семьи. Того, чего Алиса недостаточно испытала с тех пор, как появилась в нашей жизни.

— Может, сходим куда-нибудь поужинать сегодня? — спрашивает Ханна с набитым ртом. — Мы могли бы воспользоваться подарочной картой, которую мы с мисс Алисой вчера выиграли.

Она улыбается Алисе, все еще пребывая в восторге от их победы.

Несмотря на бурю дерьма, последовавшую за их победой, Ханна совершенно не догадывается о причине нашего поспешного бегства с праздника, или о таящейся угрозе, от которой мы защищали ее так долго, как только могли.

— Извини, малышка, но не сегодня, — отвечает Джастис, пытаясь ласково ее усмирить. — В ближайшее время мы будем держаться поближе к ферме.

— Почему? — спрашивает она, искренне недоумевая.

— Просто сейчас так лучше, хорошо? — его тон не допускает дальнейших возражений.

Головка Ханны опускается.

— Хорошо.

Разочарование в ее голосе берedit душу моего брата так же сильно, как и мою.

— Джастис, — тихо зовет Райан, ее ладонь накрывает его руку. — Может, пришло время рассказать ей. Если Алиса не против? — добавляет она, глядя в нашу сторону.

Алиса одобрительно кивает, в то время как на лице брата отражается нерешительность.

— Пора, сынок, — побуждает отец. — Ей необходимо знать, чтобы понимать, как важно сейчас держаться рядом с домом.

— Знать — что? — спрашивает Ханна, ее пристальный взгляд скользит по всем. — О чем вы говорите?

Мой брат резко выдыхает.

— Иди сюда, малышка. — Он отодвигается на стуле, освобождая место, чтобы Ханна могла забраться к нему на колени. — Ты помнишь, почему Алиса осталась с нами?

— Да, потому что она попала в аварию, получила травму и ничего не помнит, поэтому ей нужна наша помощь.

Джастис кивает.

— Точно. Вот только то, что с ней случилось, не было аварией.

Ханна в замешательстве смотрит на моего брата.

— Что ты имеешь в виду? Если она не попала в аварию, тогда откуда у нее столько

синяков?

Джастис колеблется, пытаясь подобрать подходящие слова. Я не могу его винить, как, черт возьми, объяснить такое насилие шестилетнему ребенку? Особенно когда вы всегда пытались ее от него оградить.

— Из-за одного человека, — мягко вмешивается Алиса, избавляя моего брата от необходимости отвечать. — Он причинил мне боль, Ханна. Вот, откуда эти синяки.

Ее голос остается сильным, но невозможно отрицать боли на ее лице. И эта боль питает месть, разъедающую мою душу.

У моей племянницы вырывается тихий вздох, ее потрясение быстро сменяется опустошением.

— Но, почему? — Ее губки дрожат, когда она пытается понять. — Зачем кому-то поступать так с вами?

— Потому что этот человек — очень плохой, — прямо говорит Райан. — А плохие люди совершают плохие поступки.

— Но тебе не нужно волноваться, — уверяет ее Джастис. — Мы обо всем позаботимся.

Он чертовски прав. Кроме того, что это будем не «мы», а «я», потому что никто, кроме меня, не получит привилегии украсть последний вздох этого ублюдка.

— Вот почему какое-то время нам нужно держаться поближе к ферме, — продолжает он. — Я не хочу, чтобы ты бродила за пределами нашей земли ни по какой причине, поняла?

Она кивает.

— Поняла. — Соскользнув с колен Джастиса, она подходит к Алисе. — Мне жаль, что кто-то причинил вам боль, мисс Алиса.

С губ Ханны срывается всхлип, когда она обнимает Алису за шею.

Всех сидящих за столом охватывают эмоции, воздействуя на каждого по-разному. Мужчины делают все возможное, чтобы скрыть ярость, кипящую на поверхности, в то время как женщины сдерживают слезы.

— Спасибо, Ханна, — шепчет Алиса, обнимая ее в ответ. — Хочу, чтобы ты знала, что твоя дружба много значила для меня. Она помогла мне исцелиться.

— Хорошо. — Ханна делает шаг назад, в ней говорит сила семейства Крид. — Ни о чем не волнуйтесь, мы вас прикроем. Никто не может лезть к нам и не получить сдачу, верно, ребята? — добавляет она, оглядывая нас.

— Чертовски верно. — Я стучаюсь с ней кулаками.

— Знаете, что нужно этой семье? — вмешивается отец. — Немного старых добрых развлечений. Мы можем все устроить прямо здесь, на ферме. Разведем костер, поджарим зефир, споем блюз и оторвемся под звездами. Что скажете?

— Рассчитывайте на меня, — выпаливает Ханна, явно взволнованная таким предложением.

— И на меня, — добавляет Алиса.

Гвен в волнении хлопает в ладоши.

— Звучит замечательно. Я соберу в саду клубнику и приготовлю джем для сморов (*прим.: Сморо — традиционный американский десерт, изготавливаемый на костре, который состоит из поджаренного зефира и шоколада, вложенных между двумя крекерами*).

— Могу я вам помочь? — спрашивает Ханна.

— Безусловно.

— Тогда, решено. — Папа кивает. — Начнем приготовления после завтрака.

Это заставляет Ханну плюхнуться обратно на свое место и съесть все, что осталось у нее на тарелке. Я как раз собираюсь вернуться к своей еде, когда у меня в кармане звонит телефон.

Вытаскивая его, вижу на экране имя Крейга.

— Скажи, что у тебя что-то есть, — отвечаю я, отказываясь от любого вида приветствия.

— Мне только что позвонили из полицейского управления Брэмптона по поводу фотографии Алисы, которую я им отправлял, — объясняет он, имея в виду соседний с нами город. — Судя по всему, к ним обратилась сотрудница одной из местных заправок с сообщением о том, что видела молодую женщину, которая соответствует описанию Алисы, и эта встреча ее сильно обеспокоила. Это произошло всего за несколько дней до того, как Алису оставили на вашей земле. Свидетельницу привезут ко мне для дачи показаний. Я подумал, вы захотите приехать.

Я вскакиваю со стула еще до того, как успеваю ответить.

— Мы уже выдвигаемся.

— До скорого.

Отключившись, убираю телефон обратно в карман и поднимаю Алису на ноги.

— Пойдем, нам нужно в участок.

— Есть зацепка? — спрашивает Джастис.

— Возможно.

— Мы тебе нужны? — предлагает Нокс.

Я качаю головой.

— Лучше позаботьтесь обо всем здесь. Я введу вас в курс дела, как только мы вернемся.

— Будь осторожен, сынок, — предупреждает отец.

— Да, будьте осторожны, ребята, — повторяет Ханна тихим, охрипшим от беспокойства голосом.

— Не волнуйся, постреленок, я справлюсь. А ты помогай удерживать здесь оборону, хорошо?

— Так точно, — обещает она.

Не говоря больше ни слова, мы с Алисой берем все необходимое и выходим через парадную дверь.

С силой вдавливая педаль газа, мчусь по направлению к городу и пересказываю Алисе слова Крейга, опуская ту часть, где свидетельница говорила, что «встреча ее сильно обеспокоила», не желая волновать Алису еще больше.

— Надеюсь, любая информация, которой она располагает, поможет нам найти его, — голос Алисы звучит тихо, она смотрит в окно, а ее колени не перестают нервно подпрыгивать.

Протянув руку, накрываю их ладонью, чувствуя, как они мгновенно успокаиваются.

Она смотрит вниз на мою руку, затем на меня.

— Мы поймаем его, Алиса, обещаю.

Ее обеспокоенное выражение смягчается.

— Я знаю, прости, что я такая размазня.

— Ты не размазня.

— Нет, размазня.

— Ладно, пусть так, — соглашаюсь я, заставляя ее смеяться. — Но ты прекрасная

размазня.

Смех превращается в искреннюю улыбку, которая заставляет Алису откинуться на спинку сиденья и оставаться там до конца поездки.

Двадцать минут спустя мы входим в участок. В помещении в основном тихо, сегодня здесь только секретарь, которая разговаривает по телефону, и несколько помощников шерифа, один из которых — Пирс.

Не то, что мне, бл*ть, нужно.

Наши ледяные взгляды встречаются на долю секунды, и от их столкновения температура в помещении падает. Я первым разрываю контакт, не желая тратить время, особенно на него, затем направляюсь к коридору, который ведет к кабинету Крейга.

Пирс все же опережает нас. Он встает у входа, преграждая нам путь.

— Могу ли я вам чем-то помочь? — с самодовольным выражением он скрещивает руки на груди.

— Да, можешь свалить на х*й с нашей дороги.

Алиса рядом со мной напрягается, застигнутая врасплох враждебной реакцией.

— Боюсь, этого я сделать не могу. Вам нужно предварительно записаться. — Он ухмыляется. — Но я уверен, что наш секретарь Дарла будет рада помочь вам с этим.

Парочка его приятелей хихикают, как маленькие девочки, подпитывая его мудацкое поведение.

Я двигаюсь вперед, отесняя его на шаг назад.

— Брэкстен... — нервничая, Алиса замолкает, в страхе цепляясь за мою руку.

— У меня нет сегодня времени на твоё дерьмо, Пирс. Предупреждаю тебя в последний раз, если не уберешься на х*й с моей дороги, я разделаюсь с тобой на глазах твоей маленькой девчачьей банды.

Его глаза-бусинки сужаются.

— Осторожнее, Крид. Угрожая представителю закона, ты заработаешь себе место за решеткой.

— Я не угрожаю, и мы оба это знаем. — Подавшись вперед, я понижаю голос. — Продолжай в том же духе, и ты окажешься в земле рядом со своим приятелем Тодером. И ты знаешь, что мне это сойдет с рук, как и раньше.

При упоминании предыдущего шерифа на его лице застывает маска гнева.

— Пирс, нужна помощь? — спрашивает один из помощников шерифа.

Он смотрит на своего приятеля и качает головой.

— Умное решение. — Не тратя больше времени, прохожу мимо него, таща за собой Алису.

— Что, черт побери, это было? — шепчет она, нервно оглядываясь через плечо.

— Тебе не о чем беспокоиться.

Я знаю, что это для нее не оправдание, но сейчас нас ждут более важные дела, о которых нужно беспокоиться. Настанет день, когда я разберусь с Пирсом, но не сегодня.

Добравшись до кабинета Крейга, легонько стучу в дверь и вхожу.

На одном из стульев сидит женщина средних лет, рядом с ней стоит офицер. Она смотрит в нашу сторону, ее рот приоткрывается в едва уловимом вздохе, когда ее взгляд падает на Алису.

— Вы как раз вовремя, — говорит Крейг, подходя, чтобы закрыть за нами дверь. — Брэкстен и Алиса, это Ленора Дэвенпорт, сотрудница, о которой я вам рассказывал. А этс

помощник шерифа Хоган, офицер, которому она подала заявление.

Алиса тихо шепчет «привет» обоим, в то время как я киваю в знак приветствия. Помощник шерифа отвечает кивком, но Ленора продолжает молчать, широко распахнутыми глазами глядя на Алису.

В конце концов, она обретает дар речи.

— Признаю, я не была на сто процентов уверена, что это вы на фотографии, но теперь знаю точно. Рада видеть, что с вами все в порядке.

Алиса нервно переминается с ноги на ногу, не зная, как реагировать.

Крейг прочищает горло.

— Как я упоминал ранее, Алиса сейчас ничего не помнит о прошлом.

Ленора качает головой.

— Конечно. Простите.

— Все в порядке, — тихо уверяет ее Алиса.

— Почему бы вам не начать с самого начала, мисс Дэвенпорт, — предлагает Крейг, садясь за стол.

Кивнув, она начинает рассказывать о событиях, произошедших несколько недель назад.

— Было около полуночи, когда подъехала машина. Помню, мне показалось странным, что он припарковался сзади, а не спереди, тем более что стоянка была пуста.

— Вы помните марку? — спрашивает Крейг.

— Коричневый «Олдсмобиль».

— По данному описанию, — вмешивается помощник шерифа, — я бы сказал, модель примерно конца девяностых.

Крейг записывает информацию, а затем жестом просит продолжать.

— Прошло несколько минут, прежде чем они вошли. Мужчина надвинул кепку низко на лицо и старался не подходить слишком близко. Очевидно, он не хотел, чтобы я видела его лицо, — говорит она. — Он также скрывал девушку от моего взгляда, когда вел ее в туалет и ждал у двери. Тогда я поняла, что здесь что-то не так.

— Он вообще видел вас? — спрашивает Крейг.

— Сначала нет, но, в конечном итоге, я поздоровалась с ним и поинтересовалась, все ли в порядке. Удивительно, но он ответил, даже вполне любезно, так что я засомневалась, что неправильно истолковала ситуацию.

Меня удивляет, что он вообще появился в общественном месте, особенно учитывая, как тщательно скрывался все эти годы.

— Мы завели светскую беседу, и я спросила, не из здешних ли они мест, и он ответил, что нет, просто проездом, — продолжает она, пожимая плечами. — Поскольку он казался достаточно милым, я копнула немного глубже и спросила, где их дом, и вот тогда он посмотрел на меня с другого конца зала... — она заметно сглатывает, явно в потрясении.

— Не торопитесь, мисс Дэвенпорт, — мягко напутствует Крейг.

Ей требуется секунда, чтобы взять себя в руки, прежде чем продолжить.

— Я не могла видеть его лица под козырьком кепки, но почувствовала пристальный взгляд, и пробежавший по спине холодок, — этого я никогда не забуду.

Страх в ее голосе, тот же, что я слышал в голосе Алисы.

— Затем из туалета вышла девушка, и он, не теряя ни секунды, торопливо направил ее к выходу. Несмотря на его усилия скрыть ее от моего взгляда, ей удалось взглянуть на меня из-под своих длинных светлых волос, и тогда я увидела синяки, — она делает паузу, ее голос

дрожит. — Они были ужасны, но не сравнимы со страхом, написанным на ее лице. К тому моменту, как я опомнилась от этого зрелища, он вывел ее за дверь, и тут я заметила, что она что-то обронила.

Она достает из сумочки сложенный листок туалетной бумаги и протягивает его Крейгу, чтобы все мы могли увидеть. Черным маркером было написано два слова: «Помогите мне».

— Мне было страшно, но я все равно выбежала за ними на улицу, зная, что если сначала позвонить в полицию, то упущу их. К сожалению, это не имело значения, потому что к тому моменту их машина находилась уже далеко. — Ленора поворачивается к Алисе, в ее глазах горит раскаяние. — Простите, что я не начала действовать раньше. Мне следовало прислушаться к своему чутью, когда вы впервые вошли с ним. Надо было уже тогда вызвать полицию.

Алиса качает головой.

— Это не ваша вина.

— Я был тем, кто выехал на вызов той ночью, — говорит помощник шерифа Хоган. — Видеонаблюдение на заправке не работало последний год, но я связался по рации с каждым помощником шерифа, бывшем в то время на дежурстве, чтобы отследить автомобиль. К сожалению, больше его никто не видел, по крайней мере, в нашей юрисдикции.

Крейг кивает в ответ на информацию, прежде чем вернуть свое внимание к Леноре.

— Я знаю, что вы не разглядели подозреваемого как следует, но как думаете, этот человек мог бы соответствовать описанию из того, что вы смогли увидеть? — спрашивает он, протягивая ей фотографию Хоббса.

Она внимательно изучает снимок.

Каждая проходящая секунда молчания мучительна.

— Возможно, — говорит она, но звучит не очень убедительно. — Точно не уверена. Простите.

— Все в порядке, — уверяет ее Крейг. — Я ценю, что вы нашли время приехать и поговорить с нами.

— Да, спасибо вам, — добавляет Алиса.

Ленора одаривает ее печальной улыбкой.

— Надеюсь, полиция найдет его, и он получит по заслугам.

Я воздерживаюсь от того, чтобы уверить ее, что так и будет, потому что он понесет наказание от моих рук.

Ленора и помощник шерифа выходят, закрыв за собой дверь.

— Что же, было не так полезно, как я надеялся, — ворчит Крейг, откидываясь на спинку стула.

Чертовски мягко сказано.

— Итак, что теперь? — спрашивает Алиса.

— Подождем новой информации, — говорит ей Крейг. — Я связался с отделом, который отвечал за расследование пожара в приюте. Теперь жду ответа. Надеюсь, они смогут пролить больше света на то, что произошло той ночью, особенно учитывая, что Хоббс объявлен умершим.

— Но он не мертв, — возражает Алиса. — Не может быть мертв. Нет, если то, что я помню, правда.

— Вот почему мне нужно поговорить с ними. Я хочу знать, какие доказательства они нашли, чтобы сделать такой вывод.

— А как насчет Джонса? — спрашиваю я. — Есть какие-нибудь подвижки в обнаружении его местонахождения?

У меня такое чувство, что если кто-то и знает, где Хоббс, то это он.

— Нет, и я исчерпал все свои ресурсы, поэтому собираюсь связаться с агентом Джеймсоном. Твой отец дал мне его номер. Его возможности простираются дальше моих.

Вероятно, но даже он до сих пор не сообщил ничего конкретного, что для меня полный бред, потому что Хоббс, которого я помню, не был таким чертовски умным.

— Тем не менее, я выяснил больше информации о твоей матери, — обращается Крейг к Алисе.

— О моей матери?

Кивнув, он берет папку, лежащую рядом с ним, и подталкивает ее к ней.

— Можешь взглянуть, если хочешь.

Алиса движется вперед, но я хватаю ее за запястье, прежде чем она успевает дотянуться до папки.

— Может, не стоит.

Она озадаченно смотрит на меня.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи лучше не видеть. Вспомни, что произошло вчера. Что, если это вызовет еще одно подобное воспоминание?

— Тогда, пусть так и будет. — Она с печалью во взгляде пожимает плечами. — Я больше не могу убегать от этого, Брэкстен. Хорошо это или плохо, мне нужно знать.

Если бы это зависело от меня, ей бы никогда больше не пришлось сталкиваться ни с одним болезненным воспоминанием, она не имела бы даже гребаного понятия о существовании боли, но я знаю, что это решать не мне. Вот почему я неохотно отпускаю ее запястье.

Взяв папку у Крейга, она садится на стул и открывает ее, просматривая каждую страницу, будто они стеклянные.

— Она работала медсестрой-травматологом в отделении неотложной помощи окружной больницы Теннесси, — начинает рассказывать Крейг. — Так познакомилась с твоим отцом... э-э, Хоббсом, — поправляется он. — Он доставил из тюрьмы, где работал, заключенного, который пострадал от нанесенных самому себе травм.

Сам нанес себе травмы — моя задница. Без сомнения, причиной был Хоббс.

— Встречались они недолго, потом поженились и у них родилась ты. Два года спустя Хоббсу предложили должность надзирателя в приюте, поэтому вы переехали. Твоя мать так и не вернулась на работу. Она хотела остаться дома и растить тебя, но работала волонтером в местном приюте для бездомных.

— Правда? — шепчет Алиса, продолжая просматривать каждую страницу.

Крейг кивает.

— Судя по тому, что мне удалось найти, она была очень доброй женщиной. Нравилась всем, кто ее знал.

Это заставляет меня задуматься, как она связалась с таким куском дерьма, как Хоббс.

Алиса продолжает листать страницы, пока не доходит до фото 8x10. Женщина на снимке — точная копия девушки, держащей его. Волосы такого же светлого оттенка, но короче, длиной до подбородка; глаза голубые, но не такие светлые; а улыбка... такая же чистая, как у ее дочери.

Алиса проводит пальцем по щеке женщины, прежде чем разразиться рыданиями.

Болезненный звук разрывает меня изнутри на части. Опустившись перед ней на колени, касаюсь поцелуюем ее бедра, желая, чтобы этого было достаточно, чтобы унять боль.

— Хотела бы я помнить ее, — говорит Алиса сквозь всхлипы. — Почему я помню только плохое? Почему не могу вспомнить прекрасные моменты, связанные с ней?

— Ты вспомнишь, Страна Чудес. Просто дай этому время.

Взяв себя в руки, она вытирает слезы и смотрит на Крейга.

— Могу я оставить эту фотографию себе?

— Безусловно.

— Спасибо.

Забрав фото, Алиса возвращает папку Крейгу.

— Я понимаю, Алиса, что ты, должно быть, расстроена, но сейчас мы знаем больше, чем несколько дней назад, — утешает Крейг. — Не теряй надежды. Справедливость восторжествует, я искренне в это верю.

Так и будет, потому что я уничтожу этого ублюдка, даже если это последнее, что я сделаю.

Алиса

Горячая вода бьет по моему обнаженному телу, когда я стою под пульсирующими струями душа. Пар окутывает замкнутое пространство, успокаивая каждый дюйм ноющих мышц, включая сердце.

Вернувшись домой из полицейского участка, Брэкстен ушел помогать отцу и Джастису колоть дрова для вечернего костра. Поэтому я воспользовалась возможностью принять душ, нуждаясь в одиночестве, чтобы собраться с мыслями.

Сказать, что я эмоционально истощена, было бы преуменьшением. Я чувствую себя так, словно меня подхватил торнадо бесконечной суматохи. Добавьте к этому нескончаемые тупики, в которые мы продолжаем упираться, и они так же приносят досаду, как и поражение.

Если бы только нам удалось прерваться от всего этого и найти Хоббса — я отказываюсь называть его отцом, — тогда мы все смогли бы продолжить жить дальше, вот чего я хочу больше всего на свете. Жить без страха и боли. Свободно дарить и принимать любовь. Хочу последовать совету Тэтчера и выяснить, кто я такая. Заново открыть для себя свои симпатии и антипатии, выяснить, есть ли у меня какие-то таланты, увлечься чем-то новым. Все это мне хочется делать без необходимости оглядываться каждую секунду, и с Брэкстеном, потому что теперь я не представляю себе жизни без него.

С этой последней мыслью заканчиваю мыться и выключаю воду. Открыв дверцу душевой, надеваю халат и выхожу из ванной.

Оставляя на кафеле мокрые следы, направляюсь в спальню и роюсь в шкафу в поисках чего-нибудь из одежды, не уверенная, какой наряд подойдет для костра.

В итоге останавливаю свой выбор на черных леггинсах и длинном тонком свитере оливково-зеленого цвета. Из комода у противоположной стены комнаты достаю нижнее белье, с улыбкой выбирая что-нибудь для Брэкстена.

Мысленно покачав головой, закрываю ящик и поднимаю взгляд, задерживаясь на своем отражении в зеркале, чего я обычно стараюсь избегать.

Смотрю на почти исчезнувшие синяки на лице и замечаю в себе некие изменения. Несколько недель назад, очнувшись в больнице, я выглядела по-другому. Та девушка была избитой незнакомкой, она чувствовала себя одинокой и опустошенной.

В девушке, что смотрит на меня сейчас, хоть все еще и заметен страх неизвестности, но в ее глазах появилась искорка надежды, которой раньше там не было. Теперь у нее есть воспоминания о том, какой прекрасной может быть жизнь, и все благодаря одному мужчине.

Это заставляет меня понять, что синяки на моем лице — не единственные раны, которые начинают заживать.

Расстегнув верх халата, продолжаю осмотр своего тела и обнаруживаю, что там синяки тоже в основном исчезли, со временем они превратятся не более чем в болезненное воспоминание.

Этот момент триумфа длится недолго, когда я думаю об отметинах на спине. Шрамы, которые мне еще предстоит увидеть, потому что тогда я не была достаточно сильна, чтобы встретиться с правдой своего прошлого, но я была такой девушкой несколько недель назад. Сейчас я изменилась.

Эта мысль заставляет меня храбро повернуться спиной к зеркалу и еще ниже опустить халат, позволяя шелку упасть до ягодич, окутывая мои руки.

Несмотря на смелый шаг, понимаю, что мои глаза закрыты от страха. Собрав все свое мужество, открываю их, и от увиденного у меня перехватывает дыхание.

Длинные, белые, зловещие шрамы пересекают кожу крест-накрест, они начинаются ниже лопаток, спускаются к пояснице и даже дальше к ягодичам.

«Ты была плохой девочкой, Алиса. Пришло время для твоего наказания».

Воспоминание о моем кошмаре всплывает на поверхность, погружая в омут эмоций. Печаль, сожаление и, самое главное, ненависть. Я ненавижу его за то, что он сделал. Не только со мной, но и с Брэкстеном и его братьями.

Я так погрузилась в свои мысли, что не слышу, как кто-то входит в дом, пока не становится слишком поздно. Дверь спальни, которая, как я думала, была заперта, распаивается.

— Брэкс, что случилось с... — Нокс резко останавливается, переступив порог комнаты, его холодный, мрачный взгляд прикован к изуродованной коже моей спины, выставленной напоказ.

Ужас охватывает каждую клеточку моего существа, заставляя двигаться. Спешно вернув халат на место, туго завязываю пояс вокруг талии.

— Я думал, что здесь мой брат. — Ни один мускул на его лице даже не дрогнул, несмотря на уродливую мешанину шрамов, свидетелем которой он только что стал.

— Он ушел рубить дрова с Джастисом и твоим отцом, — слова едва произносятся из-за унижения, перехватившего горло.

Единственный ответ, который я получаю, — это кивок, и Нокс поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди! — выпаливаю я, прежде чем успеваю подумать.

Нокс останавливается, но не оборачивается, стоя ко мне спиной.

Понимая, что отступить теперь некуда, я совершаю прыжок, которого так боялась.

— Я только хочу извиниться, — говорю я тихо, пытаюсь не ежиться. — Прости за неприятности, которые доставила тебе и твоей семье, прости, что родилась от ужасного человека, который причинил боль вам с братьями, но больше всего... — я судорожно сглатываю, прежде чем выдавить из себя самые важные слова. — Прости, что я влюбилась в твоего брата и что это причиняет тебе боль.

При последних словах Нокс поворачивается ко мне лицом, полоснув по мне взглядом. Я начинаю беспокоиться, что последнюю часть своего извинения мне следовало оставить при себе, но не могу взять слова обратно, потому что это правда.

— Я не хочу забирать его у тебя, — продолжаю я мягко. — Просто тоже хочу любить его.

Воцаряется тишина, пока я жду, что Нокс скажет что-нибудь... что угодно, но все, что я получаю, — тот же самый бесстрастный взгляд, каким он всегда награждал меня. Я опускаю голову, мое сердце замирает, когда я понимаю, что все идет не так, как я надеялась.

— Да, что же, возможно, у нас с тобой больше общего, чем я думал.

Моя голова скидывается при его ответе, и в выражении его лица я замечаю нечто необычное. Твердая линия челюсти все та же, холодность никуда не делась, но во мраке его глаз мелькает что-то еще, некая... уязвимость. Она соперничает с болью, которую я ношу в своей душе.

Не говоря больше ни слова, он поворачивается и уходит.

Его ответ, возможно, и не одобрение, которого я так жажду, но небольшой шаг навстречу — и это самое большое, что я пока от него получила, и на данный момент мне этого достаточно.

Брэкстен

Ночь освещает ярко-оранжевое пламя, бушующий костер согревает нас, а в воздухе разносится мелодия отцовской губной гармошки. Его нога отстукивает ритм, плечи подстраиваются в такт, в то время как моя племянница устраивает шоу, распевая от всего сердца.

— И это тяжело. — Она раскачивается взад-вперед, держа палку вместо микрофона, остатки ранее съеденного смора размазаны по всему ее лицу. — Тяжело быть шестилетней.

— Поведай нам, как это тяжело. — Отец отрывает губы от гармошки, но следует мелодии. — Поведай от своей души.

— Это очень тяжело, — нараспев голосит Ханна, вкладывая в эти слова всю душу. — Но это делает меня сильнее.

— Да, так и есть, — подбадривает ее отец. — Спой об этом, девочка.

Алиса, Райан и Гвен хлопают в такт мелодии, а мы с братьями с удовольствием слушаем.

Я говорил это раньше и повторю еще раз: чертовски хорошо, что она такая милая, потому что у ребенка напрочь отсутствует слух, но зато самая широкая душа из всех людей, кого я когда-либо встречал, и, по словам отца, это все, что тебе нужно, когда ты поешь блюз. Она заставила каждого из нас улыбнуться сегодня вечером, что само по себе подвиг, особенно для меня, потому что улыбаться — это последнее, что мне хотелось делать с тех пор, как я покинул полицейский участок.

Меня преследовала только одна мысль, одна цель, — найти врага и уничтожить его самым бесчеловечным, невообразимым способом.

Когда песня подходит к концу, вокруг костра раздаются аплодисменты.

— Спасибо, спасибо. — Ханна кланяется с выражением гордости на испачканном личике. — Мы с партнером вернемся завтра вечером. В то же время, в то же место.

Я ухмыляюсь, обожая ее остроумие.

— Если только зрители не захотят позвать нас на бис? — добавляет она, устанавливая зрительный контакт со всеми нами.

— Я так не думаю, — перебивает Райан, поднимаясь со стула. — Маленькой блюзовой певице пора спать.

Плечики моей племянницы разочарованно сникают.

— Ну, ма-а-ам.

— Не мамкай мне, тебе давно пора спать.

— Можно я останусь на ночь с папой Тэтчером и мисс Гвен?

— Милая, ты не можешь навязываться на ночевку к кому-то домой, — мягко упрекает Райан.

— Но это не просто кто-то, это папа Тэтчер, — возражает малышка, делая правильный вывод.

— Вот именно, — вмешивается отец. — Мой дом — это ее дом, и мы с Гвен были бы рады, если бы она осталась, не так ли, дорогая?

Он смотрит на Гвен, побуждая ее согласиться.

Она кивает.

— Безусловно.

Ханна улыбается Райан.

— Значит, я могу остаться?

— Да, малышка, ты можешь остаться, — отвечает Джастис.

Полученное одобрение заставляет мою племянницу прыгать от радости.

— Да-а-а!

Райан качает головой при таком повороте событий, но ее улыбка затмевает все.

— Иди и обними мамочку и папочку, — напутствует Ханну мой отец. — Я отведу тебя умыться, а потом мы с мисс Гвен почитаем тебе перед сном сказку.

Обняв Джастиса и Райан, она желает нам всем спокойной ночи и направляется в дом моим отцом. Гвен остается прибираться, в то время как Джастис спешно уводит Райан, явно стремясь с пользой провести время наедине.

Встав со стула, я собираюсь сделать то же самое с Алисой, но меня останавливает Нокс, опустив руку мне на плечо.

— Есть минутка? — спрашивает он, указывая на оружейный сарай.

Беспокойная энергия, которую я ощущаю в брате, заставляет меня быстро согласиться.

— Да, конечно. — Мой взгляд перемещается к Алисе. — Я ненадолго.

— Все в порядке, — уверяет она. — Я помогу Гвен прибраться. Встретимся в доме.

Ее понимание только подтверждает то, что я всегда знал: она идеальна не только для меня, но и для моей семьи.

Обхватив рукой ее талию, притягиваю ее ближе, одаривая долгим, глубоким поцелуем с обещанием большего в будущем.

От ласки она нетвердо стоит на ногах и краснеет даже в тех местах, добраться до которых я чертовски жажду.

После этого я бегу догонять Нокса, который уже направляется к сараю.

Поравнявшись с ним, иду в воцарившейся тишине, напряжение, возникшее между нами за последние несколько недель, растет с каждым шагом. Нокс лезет в карман за сигаретой и закуривает.

Он делает долгую, глубокую затяжку, огненный кончик освещает его лицо, усиливая страдания, терзающие его ежедневно.

Страдания, которые я хотел бы взвалить на себя, как собственные.

— Когда ты бросишь это дерьмо? — спрашиваю я, нарушая тишину.

По поводу этого я часто устраиваю ему и Джастису ад, но, по правде говоря, не возражаю против так сильно, как заставляю их верить. Запах сигарет у меня ассоциируется с братьями. И всегда напоминает дом.

— Никогда, — отвечает он, как обычно, прежде чем бросить на меня взгляд, за которым вскоре следует ухмылка.

На что я сам ухмыляюсь. Хватаю его за голову, и мы оба, смеясь, входим в сарай. Включив свет, я вижу еще один начатый проект, его части разбросаны по всему столу, за которым работает Нокс.

С удивленным видом поворачиваюсь к нему.

— Что-то новенькое?

Он глубоко затягивается и кивает.

Прислонившись к шкафу в другом конце комнаты, скрещиваю руки на груди.

— Последнее время ты проводишь здесь много времени.

Он выдыхает облако дыма и говорит:

— Да, так я убиваю время, раз вы, парни, все время заняты.

Удар не проходит незаметно.

— Для тебя мы никогда не будем слишком заняты, брат.

Нокс отводит от меня страдальческий взгляд, отказываясь признавать мои слова.

Я не позволю ему этого. Больше нет.

— Я серьезно, Нокс. Я знаю, что с появлением Алисы многое изменилось, но...

— Это охренеть как мягко сказано, — ворчит он.

Появляющееся раздражение вытесняет чувство вины, которое постоянно мучило меня.

— Что ты ожидаешь от меня услышать? Не то чтобы я ожидал, что такое произойдет, но я об этом не жалею, иначе она до сих пор была бы с этим куском дерьма.

И не со мной.

Я решаю оставить последнюю часть при себе, зная, что для Нокса это достаточно тяжело.

— Ничего, — бормочет он, продолжая избегать моего взгляда. — Я ничего не ожидаю от тебя услышать.

— Тогда зачем привел меня сюда? Чтобы сказать, какой я дерьмовый брат?

Нокс совершенно безразлично тушит сигарету.

— Такое не входило в план, нет.

— Тогда в чем твой гребаный план? — я теряю терпение.

— В том, чтобы извиниться, ясно? — рывкает он, в его черных глазах бушует адское пламя, когда наши взгляды снова встречаются.

— Ну, это жалкое извинение!

— Не то чтобы для меня это было легко, — огрызается он в ответ. — Я знаю, что нужно сделать, знаю, что нужно сказать, и что я должен принять, но не могу двигаться дальше так быстро, как вы!

— Думаешь, это легко для меня? Для Джастиса? Нет, нам тоже хреново.

— Ну, по вам не скажешь. — Его голос срывается, показывая, насколько ему больно.

Удар сильный, и он ослабляет назревающее во мне раздражение, но не Нокса. Уязвимый момент только смущает его, что, в свою очередь, выводит из себя еще больше.

— Знаешь что, забудь об этом. Просто уходи.

— Нет. — Я остаюсь на месте, отказываясь дать ему оттолкнуть меня. — Нам нужно разобраться с этим, хочешь ты того или нет.

— Я сказал: уходи! — разносится рев по сараю, прежде чем Нокс хватает со стола искривленный кусок металла и запускает им через все помещение, проделывая дыру в стене.

Это начало абсолютного разрушения. Предмет за предметом исчезает со стола и с невероятной силой летит через всю комнату.

— Нах*й ее, нах*й его, нах*й вас всех! — Гнев из его настоящего переходит в боль из его прошлого, когда он подвергает себя самоуничтожению на моих глазах.

Нокс берет новый проект, который только что закончил, на создание которого ушел почти год, и я бросаюсь вперед, пригвождая его к стене.

— Прекрати! — рывкаю я, крепко его удерживая. — Я не уйду. Я никогда тебя не брошу, потому что ты мой брат, и ничто и никто никогда этого не изменит, даже Алиса. Ты меня слышишь?

Его грудь болезненно вздымается от эмоций, которые он пытается сдержать, пока

плотина не прорвется окончательно.

Я притягиваю его к себе, обхватывая руками его напряженное тело.

Он сжимает в кулаке ткань моей футболки на спине, его отчаяние более заметно, чем когда-либо.

— Прости, что я такой е*анутый. — Его приглушенные слова разрывают мое горло, принося с собой чертовски сильную боль.

Скрипя зубами, я отстраняюсь, сводя нас лбом ко лбу, заставляя его увидеть, что горит глубоко внутри меня.

— Я бы сделал для тебя все, Нокс. Я бы прошел ради тебя сквозь огонь, истек бы кровью, подвергся бы самым мучительным пыткам ради тебя... я бы умер за тебя.

Его налитые кровью глаза цепляются за каждое слово, которое я выдыхаю.

— Но я больше не могу поддерживать связь. — Эти слова, сказанные вслух, убивают часть моей души. — Я не могу ей делиться, и, думаю, в глубине души ты тоже этого не хочешь. Думаю, ты покончил с этим так же, как и мы.

Правдивость этого утверждения отражается во мне.

— Ты прав, но как я должен сказать «прощай», когда вы, парни, — все, что у меня есть? — Он опускает голову, пытаясь скрыть боль, но она сквозит в каждом слове.

— Мы никогда не распрощаемся, — уверяю я. — Я никуда не собираюсь, и Джастис тоже. Мы по-прежнему вместе с тобой будем убивать каждого гребаного демона. Я все также есть у тебя, точно как и ты всегда нужен мне.

Его мерцающий надеждой взгляд возвращается ко мне.

— Я не могу вести эту битву без тебя, Нокс. Мне нужно, чтобы ты помог мне защитить ее. Ты мне поможешь?

Проходят мучительные секунды, прежде чем он кивает, давая мне ответ, которого я так жду.

— Да, я помогу.

Воздух, который я удерживал, с силой вырывается из легких. Я снова притягиваю его к себе, чувствуя, как связь между нами восстанавливается.

Нам потребуется время, чтобы приспособиться к новой реальности, но я не сомневаюсь, что мы это сделаем, потому что одно никогда не изменится, — это наша любовь и верность друг другу. Они останутся нерушимыми навечно.

Алиса

Я вношу в освещенную мягким светом кухню последнее оставшееся блюдо с улицы и передаю его Гвен, которая стоит у раковины.

— Кажется, это последнее.

Добрая улыбка украшает ее лицо, когда она принимает блюдо.

— Спасибо за помощь, дорогая.

— Конечно, мне это только в удовольствие. — Взяв кухонное полотенце, начинаю вытирать то, что она уже вымыла.

— Веселый был вечерок, не так ли? — задумчиво комментирует она.

— Да, — соглашаюсь я, думая о том, как здорово мы все отвлеклись. — Особенно мне понравилось выступление Тэтчера и Ханны Джей.

У нее вырывается тихий смешок.

— Они та еще парочка. Я бы слушала их каждый день и никогда бы не устала.

Я тоже, в этом было что-то такое прекрасное и проникновенное.

— Мне нравится проводить время со всей этой семьей, — добавляет она, и в ее голосе звучит любовь. — Все они стали очень дороги мне.

— Понимаю о чем вы, потому что сама чувствую то же самое.

— И они тоже, дорогая. Мой Тэтчер сказал, что ты прекрасно вписываешься в их семью, особенно к его сыну.

При этих словах мое сердце разрывается.

— Он также сказал, что у тебя очень тесные отношения с Лилой, и что ты очень помогла утром.

— Я рада, что он так думает. Это самое меньшее, что я могу сделать, пока не найду работу и должным образом не отплачу ему и Брэкстену.

Это то, на чем я хотела бы сосредоточиться, особенно сейчас, когда чувствую себя намного лучше, но я знаю, что пока это невозможно. Не при такой степени угрозы.

— Зная Тэтчера и его сыновей, твоей помощи им достаточно, — уверяет она. — Но если ты когда-нибудь решишь поискать работу, дай мне знать. У меня много связей в городе, и я была бы рада помочь тебе найти занятие по душе.

— Правда? — От этого предложения у меня перехватывает дыхание.

— Конечно, дорогая, в любое время.

— Ох, Гвен, было бы замечательно. Большое вам спасибо. — Я притягиваю ее к себе и обнимаю, ценя ее великодушие.

Она отвечает тем же, заключая меня в любящие и нежные объятия.

— Я всегда рядом, готова помочь тебе во всем, что тебе когда-либо понадобится.

Теперь я знаю, почему они с Тэтчером такая прекрасная пара, их великодушие по отношению к другим не знает границ.

Отступая назад, она продолжает держать меня за плечи.

— Я знаю, какой несправедливой может быть жизнь, но также знаю, как она прекрасна, особенно, когда ты с нужными людьми. Я хочу, чтобы ты знала, что они рядом. В этом мире нет людей лучше, чем мой Тэтчер и его мальчики.

Я поняла это с самого начала, но, познакомившись с ними поближе, теперь еще больше

в этом убедилась.

— Не помешаю?

Мы с Гвен оборачиваемся на низкий голос и видим у входа на кухню Тэтчера. Судя по выражению смирения, отразившемуся на его лице, он подслушал наш разговор.

— Вовсе нет, — говорит Гвен, обнимая меня за плечи. — Мы просто вели девичью беседу, вот и все.

— Что ж, как только вы закончите, наша милая Ханна готова к своей сказке на ночь.

Она кивает.

— Дай мне завершить с посудой, и я приду.

— Идите, — говорю я ей. — Я все сделаю.

— Уверена, дорогая?

— Абсолютно.

Она благодарно улыбается мне.

— Спасибо.

Тэтчер подходит и целует меня в щеку.

— Увидимся утром, дорогая.

— Да, увидимся.

Я смотрю, как он берет Гвен за руку, чтобы вывести из кухни. Наклоняется, что-то шепчет ей на ухо, и что бы он ни сказал, она хихикает и шлепает его по руке.

Улыбаясь, я заканчиваю вытирать оставшуюся посуду, затем убираю ее и выхожу через парадную дверь.

Окутанная витающим в воздухе запахом костра, начинаю свой обратный путь к дому. Я восхищаюсь тихой красотой вокруг, люблюсь ночным небом, усеянным тысячами мерцающих звезд, и почему-то еще больше влюбляюсь в это место.

Звук хрустнувшей ветки вдалеке заставляет меня быстро остановиться. Во мне мгновенно пульсирует страх. Я оглядываюсь по сторонам, но никого не вижу.

— Эй? — зову я. — Здесь есть кто-нибудь?

Ничего, кроме тишины, не наполняет ночь.

Качаю головой, чувствуя себя глупо.

— Наверное, это была просто дурацкая белка, Алиса.

Я продолжаю свой путь до дома, когда слышу что-то еще, похожее на приглушенные голоса. Тщательно прислушиваясь, иду на звук и обнаруживаю, что приближаюсь к лесистой местности, которая граничит с домом Джастиса и Райан. Быстро понимаю, что это, должно быть, они.

— Вы там заблудились что ли? — дразню я.

Как только добираюсь до опушки, останавливаюсь как вкопанная, потрясенная тем, что происходит в лесу. Райан, согнутая в талии, упирается руками в массивный дуб перед собой, ее платье собрано вокруг раздвинутых ног. Это оставляет ее полностью обнаженной, когда Джастис берет ее сзади, жестоко вколачиваясь в нее.

— Тебе нравится, когда я трахаю эту горячую маленькую киску, не так ли, Райан?

— Да, — хнычет она. — Очень.

— Кому она принадлежит? — его голос хриплый от сдерживаемой похоти.

— Тебе.

— Верно, детка. И когда я закончу трахать ее, то перейду к твоей тугой заднице. — В продолжение этого он легко шлепает ее по голому задку.

Меня захлестывает стыд, когда я осознаю, во что вторглась. Развернувшись, собираюсь быстро сбежать, но в итоге натываюсь на твердую кирпичную стену. Мои глаза расширяются от ужаса, когда я поднимаю взгляд и вижу, что стена — это Брэкстен.

Выражение его лица неразборчиво, когда он смотрит на меня, но я могу только представить, о чем он, должно быть, думает.

— Сильнее, Джастис, — умоляет Райан, высокий звук проникает ив без того неловкий момент. — Трахни меня сильнее!

О, боже.

Я протискиваюсь мимо Брэкстена и бегу к дому, добираясь туда в рекордно короткие сроки. Взлетев по ступенькам крыльца, врываюсь внутрь и сразу же направляюсь в спальню в конце коридора.

Стою посреди комнаты, обхватив ладонями пылающие щеки, пока пытаюсь успокоить дикое сердцебиение.

Как я могла так сглупить? Почему просто не пошла домой?

В дверном проеме появляется Брэкстен, прекращая мои терзания.

— Мне так жаль, — торопливо извиняюсь я. — Я не знала, что увижу, и...

Объяснение застрекает у меня в горле, когда Брэкстен медленно приближается ко мне, каждый уверенный шаг отдается по комнате эхом барабанной дроби.

От властного выражения на его лице я начинаю отступать, пока не упираюсь спиной в стену, и мне больше некуда идти.

Это не останавливает Брэкстена.

Он приближается ко мне, его руки прижимаются по обе стороны от моей головы. Напряженность, танцующая в его темных глазах, иссушает меня до глубины души.

— Скажи мне кое-что, Алиса. — Его голос спокоен, слишком спокоен. — Ты сожалеешь, потому что застала моего брата трахающего свою жену, или потому что это тебя возбудило?

Я застываю на месте, шокированная обвинением.

Он одаривает меня понимающей ухмылкой.

— Я видел это в твоих глазах, Страна Чудес. Понял по румянцу на твоих щеках. — Его рука поднимается к моему лицу, нежно касаясь пальцами. — По тому, каким прерывистым было твое дыхание, почти таким же, как сейчас.

Я качаю головой, отрицая все им сказанное.

— Нет? — Он недоверчиво приподнимает бровь. — Значит, если я сейчас просуну руку тебе в трусики, то не найду твою киску мокрой?

Порочные слова вырывают стон из моего горла, который я пытаюсь подавить, но он слетает с моих губ, с головой выдавая меня.

Эта реакция заставляет его усмехнуться.

— Так я и думал. — Его рука скользит под мой тонкий свитер, теплая ладонь касается обнаженной кожи живота. — Скажи, что тебе там понравилось?

— Брэкстен, — шепчу я, его вопрос смущает меня еще больше.

— Не стесняйся, детка. Нет ничего плохого в том, что ты чувствуешь. Сейчас я чертовски возбужден.

Смелое признание не удивляет меня, он никогда не боялся признаваться в своих чувствах.

— Тебе понравилось, что они были на открытом месте? — спрашивает он, пытаюсь

втянуть меня в разговор. — Трахались, где их кто-нибудь мог увидеть?

Тишина длится несколько секунд, пока он ждет ответа.

Я, наконец, киваю, признавая это не только перед ним, но и перед собой. Как бы я ни испугалась, нельзя отрицать, что зрелище меня очаровало. Это было отчаянно, неукротимо, откровенно и грубо.

— Как насчет того, что ты слышала? — голос звучит глубже, чем раньше. — Тебе понравилось, как мой брат непристойно разговаривал с ней?

«Тебе нравится, когда я трахаю эту горячую маленькую киску, не так ли, Райан?»

Слова Джастиса эхом возвращаются ко мне, пробегая по телу электрическим током.

Зная, что сейчас уже не остановиться, я снова киваю.

Признание заставляет Брэкстена сжать мой свитер и потянуть его вверх. Это не оставляет мне выбора, кроме как поднять руки, и он снимает его с меня, открывая сиреневый кружевной бюстгальтер, который я решила надеть этим вечером именно для него.

— А как насчет позы Райан? — Он движется к застежке между грудей. — Тебе понравилось, как он ее нагнул? Как ее большие сиськи подпрыгивали, когда мой брат трахал ее сзади.

Он продолжает откровенный разговор, расстегивая лифчик и обхватывая отяжелевшие холмики обнаженной плоти.

Моя голова откидывается к стене, его прикосновение вместе с эротической картиной, которую он рисует, воспаляет тело, как опасный катализатор.

— Ответь на вопрос, Алиса. — Он теребит соски, доставляя изысканную порцию удовольствия. — Тебе это понравилось?

— Да, — выкрикиваю я пылко.

Он приближается губами к моему уху.

— Хочешь, чтобы я сделал то же с тобой? Нагнул и трахнул так сильно, что ты потеряешь контроль над собственным телом?

— Боже, да, — стону я в отчаянии.

Его губы касаются раковины моего уха.

— Я тоже, детка, и я так и сделаю. Обещаю, что у нас все это будет, но сначала мне нужно кое-что сделать. — Он падает передо мной на колени, приводя слова в действие.

Меня наполняет предвкушение, когда Брэкстен начинает стягивать леггинсы вниз по моим ногам. Я выхожу из ткани и стою перед ним в одних сиреневых кружевных трусиках.

Его руки скользят вверх по чувствительной коже моих бедер, оставляя за собой жаркий след. Он наклоняется ближе, утыкаясь носом в середину влажных трусиков, и глубоко вдыхает, и за непристойным действием следует гортанный стон.

— Брэкстен, — вырывается у меня шепотом, одновременно с нуждой и удивлением.

Его пальцы запутываются в кружевах на моих бедрах.

— Стой смирно, Алиса. Сейчас я сброшу тебя в темную кроличью нору, и ты кувырком полетишь в Страну Чудес. — Сорвав с меня кружево, он прижимается горячим, влажным ртом к моему пульсирующему центру.

В темноте комнаты из меня вырывается пронзительный крик. Колени угрожают подогнуться, но Брэкстен рядом, чтобы подхватить меня. Он удерживает меня на месте, пожирая, как изголодавшийся зверь, самую интимную часть моего тела.

Я беспомощна против этого и того удовольствия, которое это приносит. Это полностью захватывает меня, освобождая все внутренние запреты.

Мои пальцы погружаются в мягкие пряди его волос, бедра бесстыдно покачиваются в том же ритме, что и его рот, когда я беру то, что он так умело дает.

— Вот так, детка, — стонет он. — Трахни мое лицо.

Вибрация порочных слов прокатывается по мне, создавая волновой эффект, заставляющий мчаться навстречу эйфории.

Я хнычу, давая знать, что близко.

Брэкстен не знает пощады, продолжает усердно ласкать, лизать и сосать, пока я не могу больше терпеть и не разваливаюсь на части.

Комнату наполняет звук моего освобождения, когда я катапультируюсь в другое королевство, где существуют только самые невероятные ощущения. Брэкстен продлевает мое удовольствие так долго, что мой голос хрипит от крика.

Когда брат больше нечего, он поднимается на ноги и приближается к моему лицу. С бушующим страстью взглядом собственнически сжимает мою челюсть и захватывает мой рот в лихорадочном поцелуе, погружая нас во вкус, который только что поглотил.

— Ты ощущаешь это, Страна Чудес? — шепчет он мне в губы. — Вот каков рай на вкус.

Его слова проникают глубоко внутрь меня, оставаясь там навсегда.

Приподнявшись на цыпочки, обвиваю руками его шею, желая, чтобы этот момент никогда не заканчивался.

Так и не разомкнув наши сражающиеся рты, Брэкстен подхватывает меня на руки и несет к кровати. Укладывает на прохладный матрас, и тот прогибается под моим весом.

Разорвав нашу связь, Брэкстен встает в полный рост. Тянется за спину и одним плавным движением снимает футболку, обнажая мощное тело, скрывающееся под ней.

Когда его руки движутся к поясу джинсов, я тянусь к нему и хватаю за запястье.

— Позволь мне?

В его темных глазах искрится жар, и он опускает руки.

Встав на колени, расстегиваю пряжку и прижимаюсь губами к его обнаженной груди, прямо над местом ровного сердцебиения.

Это вызывает у него глухой стон, лишь еще больше возбуждая меня.

Как только ремень расстегнут, я освобождаю пуговицу джинсов и тяну молнию вниз, прежде чем спустить ткань вместе с нижним бельем.

Его длинный, твердый ствол высвобождается, — зрелище невероятное, такое же прекрасное и ошеломляющее, как и все остальное в нем.

Облизываю губы, вспоминая его фантазию тем утром в душе. Я отчаянно хочу ее осуществить, чтобы ему было так же хорошо, как и мне.

— Сделай это, детка, — уговаривает он, чувствуя, о чем я думаю. — Возьми мой член в рот и пососи его.

Грубая потребность, омрачающая его голос, заставляет меня смело наклониться и лизнуть покрасневшую головку, ощутив на языке солоноватый привкус.

В его груди вибрирует первобытный рык, побуждающий взять его всего в рот.

Обхватив рукой основание, вбираю так глубоко, как только могу, но останавливаюсь на полпути, а затем снова посасываю головку.

— Хорошая девочка, — стонет он. — Продолжай.

Я повторяю движение, пытаюсь на этот раз вобрать его глубже, но не успеваю далеко продвинуться, чувствуя его в задней части горла.

Его руки скользят мне в волосы, сжимаясь по обе стороны головы, чтобы помочь

направлять меня. Когда я вбираю его в третий раз, он удерживает меня на месте и толкается бедрами, скользя кончиком по моему горлу.

Я стону от такого властного движения, чувствуя, как между моих бедер формируется боль иного рода.

— Тебе нравится, детка? — его голос звучит гортанно.

Я поднимаю глаза на него, показывая, насколько сильно.

Он снова толкается вперед, на этот раз ударяя еще глубже. Мышцы горла рефлекторно схватывают его, удерживая кончик, когда я инстинктивно сглатываю.

Это разрушает всю сдержанность, которая у него еще оставалась. Из его груди вырывается рычание, и он задает устойчивый темп, входя и выходя из моего рта быстрыми, глубокими движениями.

Я позволяю ему взять верх, полностью отдавшись.

Он отводит мою голову назад, заставляя посмотреть на него.

— Да, тебе это нравится. Нравится, когда мой член трахает твой голодный ротик.

Да. Мне нравится все в этом моменте. Интенсивность, его удовольствие и осознание того, что именно я доставляю его ему. Знание того, что я способна вызвать в нем такие ощущения, невероятно воодушевляет.

К сожалению, это заканчивается слишком скоро. Он вырывается из моего рта со стоном сожаления.

Я смотрю на него снизу вверх, удивляясь, почему он остановился.

Брэкстен обхватывает мое лицо ладонями, водя большим пальцем по моим припухшим губам.

— Однажды я кончу тебе в рот, но не сегодня. Сегодня я покажу тебе, насколько лучше действовать, чем смотреть. — Без предупреждения он разворачивает меня, ставя перед собой на четвереньки.

По животу разливается возбуждение, и в предвкушении я вцепляюсь в простыни. Жду рывка, который соединит наши тела в единое целое, но ничего не происходит.

В тишине большая, теплая ладонь Брэкстена движется по моей спине, скользя по неровностям моих шрамов.

При мысли о том, что он видит, меня опалает унижение, но оно сникает в тот же миг, когда ладонь заменяется губами.

Сердце колотится от каждого поцелуя, настолько бережного, будто я стеклянная, эта внезапная нежность превращает и без того напряженный момент в нечто еще более прекрасное.

После того, как Брэкстен лелеет каждый дюйм моей изуродованной кожи, он встает во весь рост, располагаясь между моих ног.

Я со стоном опускаю голову, когда он проводит твердой плотью между влажных складок, покрывая себя моим возбуждением.

— Ты готова для меня, Страна Чудес?

— Да, — стону я.

Он входит в меня одним толчком. Я вскрикиваю от нашей связи, от того, как она невероятно прекрасна.

— Мое любимое место, — стонет он, замирая глубоко внутри меня.

Он — мое любимое место. Будь то в безопасности его объятий или его тела, обернутого вокруг меня. Он всегда будет моим любимым местом.

— Держись, детка. — Его пальцы сжимают мягкую плоть моих бедер, когда он задает темп, полностью доминируя над всем моим существом. Я беспомощна перед ним и перед натиском удовольствия, которое он мне дарит.

— Ты так чертовски идеально меня принимаешь, — рычит он.

Я всхлипываю с каждым диким толчком, вцепляясь пальцами в простыни.

— Посмотри вперед, Алиса!

По его приказу поднимаю голову и упираюсь взглядом в зеркало комода. Я ахаю от вида нас в отражении, наслаждаясь эротической картиной, которую мы представляем.

Сильное тело Брэкстена выгибается, когда он без колебаний берет то, что хочет, четко очерченные мышцы напрягаются от рук до пресса, зверь, украшающий его ребра, добавляет чувственности моменту.

— Посмотри на себя, — хрипит он. — Посмотри, как подпрыгивают твои прекрасные сиськи, когда я тебя трахаю. Даже лучше, чем у Райан.

От возникшего в голове образа ее и Джастиса я сжимаюсь вокруг члена Брэкстена. Я в ужасе от этого, но, кажется, ничего не могу с собой поделать.

— А знаешь, что еще лучше?

Он не ждет, пока я отвечу.

— Эта задница. — Его тяжелая ладонь опускается на мой зад, разнося вокруг нас громкий шлепок.

Я вскрикиваю от восхитительного жжения, наслаждаясь тем, как оно опустошает мое тело.

— Приятно, не так ли, Алиса?

— Очень приятно, — соглашаюсь я, каким-то образом обретая дар речи.

— Лучше, чем наблюдать за моим братом и Райан?

— Да, — выдыхаю я.

— Знаешь, почему?

Я не отвечаю, волнуясь о том, что слетит с его губ дальше. Не потому, что мне бы это не понравилось, а потому, что беспокоюсь, что мне это понравится слишком сильно, а я не знаю, как с этим справиться.

— Потому что это ты и я, и нет ничего лучше, чем мы вдвоем.

Мой страх мгновенно тает, его слова оставляют после себя самое удивительное чувство.

— Особенно, когда я вот так нахожусь внутри тебя и слышу, как охрененно сильно тебе это нравится.

Его толчки набирают обороты, он ускоряется. Шлепки обнаженных тел разносятся по всей комнате, создавая симфонию с хрипами нашего дыхания. Мелодия полностью захватывает меня, лишая комнату всякой тишины, когда я приближаюсь к этому драгоценному краю.

Брэкстен чувствует во мне перемену.

— Падай, Страна Чудес. Обещаю, я поймаю тебя.

Слова будто нажимают на пусковую кнопку, и я разваливаюсь на части. Удовольствие взрывается во мне, как смертоносная граната, уничтожая каждую клеточку моего существа.

Прежде чем успеваю спуститься с высоты, Брэкстен вырывается из меня и переворачивает на спину, вновь наваливаясь сверху.

В темноте его взгляд находит мой, и он убирает влажные волосы с моего лица.

— Так-то лучше, — бормочет он, дикость в его глазах смягчается, превращаясь в нечто

большее. — Мне нужны эти прекрасные голубые глаза.

Прежде чем я успеваю насладиться красотой этих слов, он снова входит в меня сильным толчком.

У меня перехватывает дыхание от единения, я вновь наслаждаюсь тем, как идеально мы подходим друг другу. Как потерянные кусочки пазла, наконец-то нашедшие свое место.

На этот раз Брэкстен двигается в другом темпе. Не так быстро, но так же глубоко. Так глубоко, что я не знаю, где заканчивается он и начинаюсь я.

Я обнимаю его, прижимая к себе.

Каждый мускул в его теле напрягается, когда он борется с освобождением.

— Господи, я не хочу выходить, — стонет он с болью в голосе.

— Тогда не надо.

Он замирает от моего тихого ответа. Тяжелая тишина окутывает момент, когда он отстраняется, чтобы посмотреть на меня, интенсивность его взгляда берет надо мной власть.

— Ты понимаешь, что мне разрешаешь? Что может произойти, если я сделаю это?

— Да, и я не против, — уверяю я абсолютно серьезно. — Я хочу всего тебя, Брэкстен, и все, что с тобой связано.

Он опускает голову и соединяет наши лбы.

— У тебя есть я, больше, чем у кого-либо, даже у моих братьев.

Последние несколько слов захватывают меня штурмом, проникая в сердце.

— Но ты хочешь большего, я дам тебе больше. — За этим следует мощное движение бедер, вышибая из легких весь воздух.

Я цепляюсь за его широкие плечи, когда он задает почти дикий темп. Будто мое разрешение запустило что-то неукротимое внутри него.

Мой рот приоткрывается от интенсивности ощущений, ногти впиваются в его кожу, когда я принимаю каждый неистовый толчок. Это необузданно, дико и самое настоящее, что я когда-либо чувствовала.

Каменное выражение лица Брэкстен ожесточается, пока он продолжает бороться с освобождением. Я поднимаю руку к его лицу.

— Я тоже обещаю поймать тебя.

В темноте его взгляда что-то мерцает, нечто прекрасное и разрушительное, после чего он поддается удовольствию.

С протяжным и громким стоном Брэкстен утыкается лицом мне в шею, обдавая кожу каскадом хриплого дыхания. На протяжении всего этого я не отпускаю его, наслаждаясь его уязвимостью.

Вскоре он поднимает голову, и в темноте комнаты наши взгляды встречаются.

— Какого черта я делал в этой жизни до тебя?

Этот вопрос вызывает улыбку, танцующую на моих губах.

— Жил без преследователей и угрозы смерти?

Он смеется, и этот глубокий звук наполняет мое сердце.

— Без преследователей? Да. Без угрозы смерти? Нет. В конце концов, я — Крид.

В ответ у него вырывается смешок.

Запечатлевая поцелуй на моих улыбающихся губах, он подтягивает меня к подушкам и заключает в объятия, устраивая так, чтобы мое обнаженное тело обвилось вокруг его теплого тела.

— Нужно принять душ, прежде чем я слишком погружусь в комфорт, — бормочу я.

— Не сегодня.

Я хмурюсь из-за мгновенного отказа.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы какая-то часть меня была смыта с твоей кожи.

Ерунда, нет столько воды, чтобы смыть его с меня.

Несмотря ни на что, я даю ему то, что он хочет, и остаюсь на месте.

Мои пальцы пробегают по твердым линиям его живота и ребер, натываясь на татуировку, отметившую его кожу.

— Почему дракон? — спрашиваю я.

Кажется, проходит вечность, прежде чем он отвечает:

— Потому что он — часть моей культуры.

Я смотрю на него в ожидании уточнения.

— Моя биологическая мать наполовину японка, — туманно объясняет он, и в его тоне происходит перемена. — Несмотря на то, что я не хочу иметь с ней ничего общего, отец говорит, что важно принять свое наследие. И так, когда мы с братьями вместе решили набить нашу первую татуировку, я выбрал дракона.

Я киваю в знак понимания.

— В этом есть смысл.

— Не знаю насчет смысла, но мне действительно нравится то, что он олицетворяет.

— И что же?

— Власть, могущество и удачу.

Я обдумываю эти слова и понимаю, насколько они невероятно подходят ему. Перевернувшись на живот, упираюсь кулаком ему в грудь и опускаю на него подбородок.

— Знаешь, что я думаю?

— Что? — Он отводит прядь волос с моего лица.

— Я думаю, что ты олицетворяешь эту татуировку больше, чем она тебя.

Прекрасная ухмылка смягчает его лицо.

— Мне нравится ход твоих мыслей, Страна Чудес.

— А твои братья? — любопытно спрашиваю я. — Что набили они?

— Джастис выбрал племенной рисунок, который отражает его бразильские корни, а Нокс... ну, Нокс все не останавливается, как ты, наверное, заметила.

— Заметила, — говорю я, забавляясь.

Он пожимает плечами.

— Ему идет.

Я вынуждена согласиться. Трудно представить Нокса без всех этих татуировок.

Когда речь заходит о его брате, я перевожу разговор в другое русло.

— Ваш разговор вечером удался?

— Да, — коротко отвечает Брэкстен.

— Он случайно не рассказал тебе о нашей встрече сегодня днем?

Он напрягается подо мной.

— Какой встрече?

— Пустяки, — уверяю я его. — Он, просто, эм... ну, он зашел в комнату, пока я переодевалась и...

— Он — что? — Брэкстен садится, практически сбрасывая меня с себя.

— Это была случайность, — спешу я уверить. — Он думал, что я — это ты.

Он смотрит на меня, его жесткое выражение невозможно прочитывать.

— Рассказывай, Алиса.

— Он ничего не видел. Ну... кроме шрамов, — признание вырывается шепотом, и я опускаю взгляд.

— Почему ты мне не сказала?

Я пожимаю плечами.

— Не думала, что это важно.

Это ложь. Это очень важно, я просто не знала, как об этом заговорить.

— Он тебе нагрубил? — спрашивает он.

— Нет, он мало что сказал, но заметил, что у нас с ним больше общего, чем он думал.

Брэкстен заметно сглатывает, выражение его лица становится серьезным.

— Ему тоже причиняли боль, не так ли? — осторожно спрашиваю я.

Он кивает.

— Как тебе?

— Нет, не так, как мне, — говорит он хрипло. — Не так, как Джастису или кому-либо другому, кого я знаю.

Включая меня.

Ему не обязательно это говорить. Я вижу это по страданию на его лице.

— Так вот почему вы это делали? — шепчу я, наконец-то задавая единственный вопрос, который съедает меня с тех пор, как Линда рассказала в больнице обо всем, что знала.

— В основном, — признается он. — Но не всегда. Иногда это значило так же много для Джастиса и для меня.

Удар сильнее, чем я хочу признать. Это также заставляет меня задуматься о том, на что я наткнулась ранее в лесу.

— Что насчет Райан? — спрашиваю я, ненавидя тошнотворное чувство, которое возникает в глубине живота.

Выражение его лица не меняется.

— Что насчет нее?

Он точно знает, о чем я спрашиваю, но вынуждает меня сказать это. Я не сдерживаюсь. Не в этот раз.

— Ты был с ней?

— Разве это имеет значение?

Меня наполняет раздражение, когда он продолжает отвечать вопросом на вопрос.

— Да, имеет, поэтому, пожалуйста, просто ответь.

Нерешительность в его взгляде, устремленном на меня, — это удар в самое сердце, особенно когда я думаю о том, что только что произошло между нами.

Боже. Какая же я глупая.

Схватив простыню, прикрываюсь ей, внезапно чувствуя себя выставленной напоказ самым худшим образом.

— Не надо! — предупреждает он.

— Что не надо? — Слова едва прорываются сквозь стиснутое эмоциями горло.

— Это! — рывкает он, сдергивая с меня простыню.

Свирепо глядя на него, я натягиваю ее обратно.

Его челюсть напрягается.

— Послушай, это не то, что ты думаешь.

Из меня вырывается горький смешок.

— Может, я и не самая опытная, но я не полная идиотка.

— Я же сказал, произошедшее с Райан, — другое. Я, бл*ть, не прикасался к ней.

— Как такое вообще возможно? — мой голос срывается от разочарования.

— Я наблюдал, как мой брат трахал ее, и получил от этого удовольствие, ничего больше!

— Как то, что произошло между нами этим вечером, — говорю я, пытаюсь скрыть боль в голосе.

— Нет, не так, как вечером.

Я качаю головой, не веря ему. Это трудно, когда я думаю обо всем, что он совсем недавно говорил во время нашей близости.

Брэкстен хватается меня за плечи, заставляя посмотреть на него.

— Это было один раз, Алиса. Наше прощание друг с другом, вот и все. Это полный пи*дец? Да. То, что мы делали все эти годы, — полный пи*дец? Возможно, но именно так мы и справились. Это то, как мы помогли брату пережить его травму, одновременно справляясь со своей. Ты можешь этого не понимать, и тебе это может не нравиться, но ты должна принять это, потому что я не могу изменить прошлое. Однако это не будущее. Эта часть моей жизни закончилась... навсегда.

— Ты уверен? — Мое беспокойство пробивается на поверхность. — Уверен, что сможешь жить без такой связи с братьями? Особенно с Ноксом? Потому что я не хочу нести ответственность за разрушение чего-то, что так много для тебя значит.

— Значит, но не больше, чем ты, — убежденность в этих словах соответствует тому, что отражается в его глазах, унимая мою внутреннюю боль. — Мы знали, что однажды это закончится. Просто не знали, когда. По крайней мере, я не знал... до того дня, как не нашел тебя.

Его ладонь касается моей щеки, ее тепло успокаивает всю мою неуверенность.

Это полностью меняет момент и придает мне смелости.

— Сегодня я кое в чем призналась Ноксу, — говорю я шепотом. — В этом я, вероятно, должна была признаться тебе первым.

Выражение его лица остается бесстрастным, но нельзя отрицать его озабоченность.

— Да? И в чем же?

— В том, что люблю тебя, и что мне жаль, если это причинило ему боль.

С колотящимся сердцем жду его ответа, а он просто смотрит на меня с абсолютно отсутствующим выражением.

— Ты сказала ему, что любишь меня?

Я киваю, начиная сожалеть о своем признании. Пока легчайшая ухмылка не кривит его губы.

— Иди сюда, Страна Чудес.

Прежде чем успеваю предугадать его движение, Брэкстен поднимает меня, усаживая на себя верхом.

Резкий вдох пронзает мои легкие от ощущения его твердеющей длины между моих бедер.

— Чувствуешь это? — Он подчеркивает это толчком бедер. — Это то, что ты делаешь со мной каждую секунду каждого дня.

Схватив мою руку, он проводит ею по своей груди, останавливая поверх бьющегося

сердца.

— А это? Оно было твоим с того дня, как я нашел тебя.

Милая исповедь вызывает улыбку на моем лице, которая исчезает, когда Брэкстен двигается подо мной, скользя внутрь меня.

— О, — выдыхаю я со стоном, моя набухшая плоть сжимает его еще крепче.

Он ложится на спину, проникая членом еще глубже.

— Скажи это, — требовательно хрипит он. — Скажи это со мной внутри тебя.

— Я люблю тебя. — Три слова срываются с моих губ задыхающимся шепотом.

— Покажи мне.

Я начинаю хаотично двигаться, пытаюсь найти ритм. Брэкстен обхватывает мою талию, направляя, чтобы помочь, но ненадолго. Мои бедра, в конце концов, начинают жить собственной жизнью, двигаясь синхронно с каждым его движением.

— Вот так, детка, — хрипит он. — Трахай меня вот так.

Мои руки сжимаются на его каменном прессе, боль и удовольствие сливаются воедино, когда мои бедра вращаются и кружат.

Брэкстен обхватывает мое лицо ладонями, и то, как он смотрит на меня в этот момент, навсегда останется одним из моих самых любимых воспоминаний.

Его пальцы прокладывают путь по моей коже, прежде чем один останавливается на моих губах.

— Соси.

Следуя приказу, беру его в рот, глубоко всасывая. Это невероятно эротично, когда другая его часть заполняет мое тело.

Его темные глаза ярко сверкают в полумраке комнаты, прежде чем он вытаскивает палец и опускает руку между нашими соединенными телами. Тем же пальцем он скользит по моим влажным складкам, дразня комочек нервов, который пульсирует от облегчения.

Я выгибаю спину, и с моих губ срывается сладострастный крик. Я скачу быстрее, гонясь за кайфом, и вскоре снова падаю в темную кроличью нору, место, где чувствую себя какой угодно, только не потерянной.

Брэкстен следует прямо за мной, мы вместе обретаем ошеломляющее удовольствие.

После я падаю на него сверху, полностью и бесповоротно истощенная.

Он обнимает меня, прижимая к себе.

— Я тоже люблю тебя, Алиса. — Эффект от этих слов волной прокатывается по коже, возвращая в единственное место, которое я искала с момента пробуждения.

Домой.

Брэкстен

Пронзительный вой сирены вырывает меня из сна. Я распахиваю глаза, прожекторы снаружи освещают темноту спальни. Сон быстро рассеивается из темных уголков моего сознания, побуждая к действию.

Алиса с резким вздохом просыпается и закрывает уши. Со смесью паники и замешательства она смотрит, как я натягиваю джинсы.

— Что это? Что происходит?

— Система безопасности отреагировала на вторжение.

— Что? — пытается она перекричать вой сирен.

Я бросаю ей свою футболку.

— Надень это.

Она следует приказу, но при этом задает тысячу вопросов. Вопросов, на которые я не отвечаю, потому что нет времени. Вместо этого хватаю винтовку рядом с кроватью, перепроверяя, что она на предохранителе и заряжена.

— Брэкстен, пожалуйста, ответь мне.

Я поворачиваюсь к ней.

— Нет времени. Сейчас мне нужно, чтобы ты делала в точности то, что я тебе говорю, понимаешь?

Она кивает, от страха ее лицо бледнеет.

— Пойдем. — Схватив ее за запястье, стаскиваю с кровати. — Держись позади меня!

Дрожащими пальцами она хватается сзади за пояс моих джинсов и следует за мной из комнаты. Я целюсь из винтовки перед собой, осматриваясь по сторонам, пока направляюсь к главному входу.

Несмотря на пульсирующий в венах адреналин, я спокоен. Тело и разум уравновешены и готовы ко всему, что меня ждет.

В тот момент, когда я открываю дверь, меня ослепляют прожекторы. Мое зрение быстро привыкает к свету, и я вижу на крыльце Джастиса, его пистолет направлен на меня, а Райан прячется позади него.

Джастис показывает, чтобы мы продолжали двигаться.

— Я вас прикрою.

Я направляюсь к сараю, но не успеваю уйти далеко, как оттуда выбегает Нокс с дробовиком.

— Он убегает! — ревет он, стремительно несясь вперед. — Восточный сектор.

Я отправляю Алису к Джастису.

— Присматривай за ней! — Мои босые ноги стучат по твердой земле, когда я бросаюсь в погоню, стараясь держаться подальше от Нокса, в надежде самому прикончить ублюдка.

Влетев в лес, уворачиваюсь от деревьев и пригибаюсь под ветками, адреналин толкает меня вперед все сильнее и быстрее.

В конце концов, я замечаю ублюдка, его высокую темную фигуру, едва различимую на расстоянии. Зная, что он слишком далеко, чтобы его поймать, я скидываю винтовку и прикладываю ее к плечу. Оптический прицел фокусируется на мужчине, когда тот бежит к автомобилю, припаркованному выше по дороге. Замечаю, что это коричневый

«Олдсмобиль», именно его описала Ленора.

Поскольку у меня лишь один шанс, я выравниваю дыхание, успокаивая бешеный ритм сердцебиения, затем стреляю, целясь в точку на его спине, которая проделает гребаную дыру прямо в его сердце.

В ту секунду, когда я нажимаю на курок, он сворачивает влево.

Схватившись за руку, он едва замедляется.

— Сукин сын! — Я готовлюсь для следующего выстрела, но мужчина уже в машине, отъезжает.

Справа от меня появляется Нокс, делая собственный выстрел. Он попадает в колесо, но этого недостаточно, чтобы остановить мчащуюся машину, и она исчезает вдаль.

— Бл*ть! — гневное слово вырывается из глубин моей души.

— Возьмем грузовик? — Грудь Нокса вздымается, он готов к битве.

Я качаю головой, зная, что к тому времени он уже будет далеко.

Развернувшись, мы в молчании направляемся обратно к дому. Бурлящая во мне ярость усиливается с каждым поверженным шагом, разум работает на пределе, осмысливая то, что я видел в оптический прицел.

Мы выходим из леса на открытую местность, и я вижу отца рядом с Джастисом. Гвен стоит позади них у двери с остальными, перепуганная Ханна цепляется за Райан.

Алиса протискивается мимо моего брата, и с облегчением сбегает по лестнице, бросаясь ко мне.

— Ты цел?

Я прижимаю ее к себе, предлагая ей то небольшое утешение, на которое сейчас способен.

— Да, я цел, Страна Чудес.

Нокс встречается взглядом с Джастисом и отцом и качает головой, сообщая новость о нашем поражении.

— Твою мать! — рычит Джастис, ударяя кулаком по столбу крыльца, его ярость отражает мою собственную.

В этой ярости кроется серьезное сомнение, потому что злоумышленник, которого я видел в оптический прицел, не был Хоббсом. Я уверен в этом. Он был слишком высок, слишком быстр и слишком подтянут. А значит, либо мы имеем дело не с тем, о ком думали, либо угроз более чем одна.

Брэкстен

Мы сидим на крыльце главного дома с братьями и отцом, все погружены в мучительные мысли, обсуждая события этой ночи.

Алиса, Гвен и Райан запускают с Ханной воздушного змея, чтобы отвлечь ее. Сработавшая сигнализация сильно ее потрясла, как и остальных женщин, что неудивительно.

Этот ублюдок наглеет все больше. Заявившись на нашу землю, он переступил опасную черту. Чего я не могу понять, так это причины. Он знает, что здесь есть система безопасности, и место парковки его машины доказывает это. Он также должен был знать, что ему никогда не пройти мимо нас. Так с какой же целью он явился сюда? И зачем наносит удар сейчас? В этом нет никакого смысла.

Все это я неустанно обсуждал со всеми, включая Крейга. Он и его люди, включая прикурка Пирса, пробыли здесь до раннего утра, прочесывая каждый дюйм в округе. Пирс был последним человеком, которого я хотел видеть, но Крейг сказал, что ему нужны все ресурсы. Мне это не нравилось, но Пирс держался подальше от меня, а я — от него.

В конце концов, подключать все ресурсы не было необходимости, потому что, как обычно, улики были мало или они, вообще, отсутствовали. Однако им удалось взять образец крови с дороги, с того места, где я подстрелил ублюдка. Проблема в том, что нам нужно дождаться результатов ДНК, а это, скорее всего, займет недели. А времени у нас нет.

Я также знаю, что это не вернувшийся с того света Хоббс, с чем Нокс также согласен. Мы поделились этим с отцом и Джастисом, но от Алисы я это скрыл, не желая вызывать у нее еще больший страх и неуверенность.

— Я по-прежнему считаю, что мы не должны полностью списывать Хоббса со счетов, — говорит Джастис. — Все ранее обнаруженные зацепки ведут к той ночи в сарае, к чему-то, что касалось только его.

— Возможно, это касалось его, но повлияло на всех в приюте, — напоминаю я.

— Возможно, но я чувствую, что мотив слишком личный, чтобы касаться кого-то другого, — возражает он. — К тому же, кому настолько важен этот говнюк, чтобы после стольких лет пойти на все ради мести за его смерть?

— Насколько я помню, все ненавидели его так же сильно, как и мы, — добавляет Нокс собственные мысли.

— Именно. Я не думаю, что даже Джонс решился бы навлечь на себя такие крупные неприятности, несмотря на то, что братался с Хоббсом.

Из-за всех этих сомнений мое разочарование лишь усиливается.

— Не знаю, что на это сказать. Но тот парень, за которым мы гнались прошлой ночью, точно был не Хоббс. И на Джонса он тоже не казался похожим, по крайней мере, из того, что я о нем помню.

— Прошло много времени с вашего пребывания там, мальчики, — осторожно говорит отец, присоединяясь к разговору. — Тогда вы были юны. Возможно, ваши воспоминания о нем не так ясны, как выдумаете.

— Возможно, — соглашается Джастис. — Особенно, судя по половине тех незнакомых людей, дела которых я просматривал.

— Да, но некоторые вещи мне никогда не забыть. — После моего заявления воцаряется тяжелое молчание.

Нокс опускает руку на мое плечо и сжимает.

Прежде чем кто-то из нас успевае́т сказа́ть что-то еще, к нам вприпрыжку подбегает Ханна, волоча за собой воздушного змея, остальные женщины следуют за ней.

— Папочка, ты видел, как высоко мы его запустили? — спрашивает она, запрыгивая на колени Джастиса и ожидая ответа.

— Видел. Ты молодец, детка.

— Спасибо. Сейчас мы покажем мисс Алисе, как играть в крокет.

Алиса улыбается этой новости, но нерешительная улыбка не скрывает беспокойства на ее лице.

Пронзительный звон телефона отца обрывает все дальнейшие разговоры.

— Это агент Джеймсон, — сообщает папа, нажимая на кнопку ответа. — Мистер Джеймсон, как у вас дела?

Наступает долгая пауза, прежде чем отец переводит взгляд на меня.

— Правда? — Выражение, появляющееся на лице отца, вызывает прилив надежды. — Если не возражаете, я передам трубку сыну.

Он протягивает мне телефон.

— Ты захочешь это услышать.

Надежда переходит в предвкушение.

Джастис целует Ханну в щеку, а затем просит Райан отвести ее обратно играть. Гвен следует за мной, но Алиса остается, наши взгляды прикованы друг к другу, когда я подношу телефон к уху.

— Это Брэкстен.

— Брэкстен, это Райдер Джеймсон, — представляется голос. — Приятно наконец-то познакомиться, даже если по телефону. Жаль, что это происходит при таких обстоятельствах.

— Спасибо, мне тоже.

— Послушайте, у меня есть для вас кое-какая информация. Я собирался сообщить ее шерифу, но решил, что будет лучше сначала ввести вас в курс дела.

— Благодарю. Что вы выяснили?

— Покопавшись в информации о приюте, я наткнулся на дело, которое было у нас в разработке. Оказывается, мы сами начинали расследование о том месте, и оно касалось главного подозреваемого, Фредрика Харлена Хоббса.

Я удивлен этим откровением. Не только потому, что этот приют всегда пользовался очень большим уважением, но и Хоббс тоже.

— Полагаю, расследование было связано с обвинениями в жестоком обращении? — спрашиваю я.

— Оно было связано с гораздо большим, чем это. Чертовски большим.

Перемена в его голосе нервирует.

— Например?

— Торговля на черном рынке.

Страх сковывает каждую косточку в моем теле.

— Торговля чем? — спрашиваю я, несмотря на то, что у меня уже есть довольно хорошая идея.

Тишина длится несколько секунд, прежде чем он есенарушает.

— Несовершеннолетними мальчиками.

Новость сваливается на меня, как стальной якорь, пригвождая к месту.

— О чем, черт возьми, вы говорите, Джеймсон?

Братья и Алиса внимательно наблюдают за мной, моя реакция усиливает их волнение.

— Я говорю о темной сети. Фильмах с детской порнографией, в которой показаны пытки и изнасилования, особенно маленьких мальчиков.

Кислота, скапливающаяся в животе, прокладывает огненную дорожку вверх по горлу. Мой взгляд скользит к Ноксу, когда я понимаю, что мы, неосознанно, избежали некоторых из тех самых вещей, от которых мы с Джастисом обещали его защитить.

— Есть еще кое-какое действительно болезненное дерьмо, в подробности которого я не буду вдаваться, но поверьте мне, это плохо.

— И за всем этим стоял Хоббс?

Я изо всех сил пытаюсь осознать услышанное. Не потому, что считаю его неспособным на это, но я никогда не думал, что он достаточно умен или влиятелен, чтобы быть частью чего-то подобного.

— Не за всем. Из того, что я читал, он был просто исполнителем. Всего лишь поставщиком, но агенты надеялись, что он приведет их к главарям. План состоял в том, чтобы внедрить в приют агента под прикрытием, но до пожара такой возможности не представилось. После того как Хоббса объявили мертвым, а Кит Джонс исчез из поля зрения, расследование прекратилось. Предполагаю, именно поэтому Джонс пошел на такие серьезные меры, как смена имени.

Я напрягаюсь от этой информации.

— Он сделал это?

— Да, и вот тут у меня наконец-то есть несколько полезных новостей, которыми я могу поделиться с вами, — говорит он, пробуждая вновь обретенную надежду. — Кит Джонс теперь известен под именем Джим Тофер, и вы никогда не догадаетесь, где он живет...

Мое сердце колотится так чертовски громко, что пульсирует все тело.

— Где?

— Округ Далтон. Примерно в сорока пяти минутах езды к северу от вас.

— Сукин сын! — выплевываю я. — Скажите, что у вас есть адрес.

— Есть.

После того, как он называет адрес, я благодарю его за помощь, затем вешаю трубку и смотрю на остальных.

— Джонс нашелся.

— Где? — спрашивает Джастис.

— Округ Далтон.

Челюсти Нокса сжимаются.

— Скажи мне, что мы едем?

Я киваю.

— Мы едем.

— Я с вами, — говорит Алиса.

— Нихрена подобного.

Она вздрагивает от моего хлесткого тона, выглядя так, будто ее только что ударили.

Я притягиваю ее к себе, чувствуя неловкость из-за ее реакции.

— Прости, Страна Чудес, но мне нужно, чтобы ты осталась здесь, где, я уверен в твоей безопасности. Я понятия не имею, во что мы сейчас ввязываемся и...

— Вот именно, — возражает она, отступая назад. — Ты тоже не должен ехать, никто из вас. Позвольте Крейгу разобраться с этим.

Я качаю головой.

— Я не могу. Это наша борьба, Алиса. Мне нужно это закончить, чтобы, наконец, двигаться дальше. Всем нам. — Мои пальцы касаются нежной кожи ее щеки.

На ее лице отражается борьба эмоций, а потом одна из них, в конце концов, берет верх над остальными... принятие.

— Я буду ужасно волноваться о тебе, — бормочет она.

— Не нужно, детка. Я справлюсь.

— Мы все справимся, — говорит Нокс, добавляя уверенности.

Это вызывает у нее нерешительную улыбку.

— Езжайте, мальчики, — говорит отец, спускаясь по ступенькам крыльца. — Я позабочусь обо всем здесь.

Он обнимает одной рукой Алису и притягивает ее к себе.

— Мы отвлечемся игрой в крокет, пока ждем от вас вестей. Но обязательно держите нас в курсе, слышите?

— Обязательно, — заверяет его Джастис.

Мой взгляд не отрывается от Алисы, ненавидя ее выражение беспокойства за меня.

— Я скоро вернусь, обещаю.

Она кивает.

Я целую ее на прощание. Джастис целует Райан и Ханну, затем мы выбираем каждый себе оружие и направляемся к грузовику, готовые раз и навсегда положить этому конец.

Алиса

В ожидании вестей от Брэкстена и его братьев страх пронизывает каждую клеточку моего тела, игра в крокет мало отвлекает. Я делала все возможное, чтобы скрыть свое беспокойство, зная, как это важно для Ханна, но удавалось с трудом.

Райан ушла прилечь, на чем настоял Тэтчер. Стресс из-за ночного происшествия и полуденная жара действовали ей на нервы. Нас осталось только четверо, поэтому мы решили объединиться. Ханна и я против Тэтчера и Гвен. Похоже, из нас получилась хорошая команда, потому что мы снова вышли на первое место.

— Молодец! — подбадривает меня Ханна, давая мне пять. — Давайте сыграем еще раз!

— Может, сначала выпьем сладкого чая? — предлагает Гвен, вытирая со лба пот. — Старушке не помешало бы освежиться.

— Старушке? — Тэтчер оглядывается вокруг в притворном замешательстве. — Я не вижу здесь никакой старушки.

— Ой, прекрати, — хихикает Гвен, игриво отмахиваясь от него.

Его улыбка заразительна, когда он обнимает ее за плечи.

— Стакан холодного сладкого чая, по-моему, чертовски хорошая идея.

— По-моему, тоже! — говорит Ханна.

Я киваю в знак согласия.

— Отлично, пойду и приготовлю нам кувшинчик. Вернусь в мгновение ока.

Пока она направляется в дом, я помогаю Ханне собрать все цветные шары, мы обе смеемся, соревнуясь, кто быстрее их соберет. В итоге, один выскальзывает у меня из пальцев и катится к пастбищу.

— Я принесу, — говорит Ханна, бросаясь за ним.

Обернувшись, обнаруживаю, что Тэтчер наблюдает за нами с выражением неподдельной нежности на лице.

— У тебя все хорошо, милая?

— Стараюсь, чтобы так и было, — честно признаюсь я.

— Это все, что мы можем сделать. По крайней мере, на данный момент.

Я киваю, зная, что он, должно быть, так же обеспокоен.

Его внимание внезапно переключается на что-то за моей спиной, затем следует обеспокоенный взгляд.

— Что, ради всего святого...

Я оглядываюсь и вижу лошадь, бешено скачущую вдаль, бедное животное выглядит невероятно встревоженным, а затем бросается через дорогу в соседний с нами лес.

— Это не наша, — говорит вернувшаяся Ханна.

— Конечно, нет, — соглашается Тэтчер. — Может, Пита с соседней улицы.

Достав мобильный, он звонит соседу, но тот не отвечает.

— Лучше привести ее сюда, раз связаться с ним не получается.

— Нужна помощь? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Не хочу, чтобы вы покидали границу собственности. Ждите здесь. Я ненадолго.

Мы с Ханной наблюдаем, как Тэтчер направляется в ту сторону, куда ускакала лошадь,

и, в конце концов, исчезает из виду.

Ханна смотрит на меня и пожимает плечами.

— Хотите, потренируемся в ударах?

— Конечно.

Она поднимает молоток, направляя его в сторону сарая.

— Держу пари, я смогу отбить шар до самого свинарника.

— Даже не сомневаюсь, — я смеюсь. — Но все равно покажи.

Так она и делает, отправляя шар за сарай.

Я награждаю ее аплодисментами, которые, кажется, доставляют ей удовольствие.

— Смотрите. — На этот раз она размахивается и отправляет крученный. Шар ударяется о кочку, отклоняется влево и отскакивает к деревьям на другой стороне двора.

— Упс. Я не хотела посылать его так далеко, — хихикает она, убегая за ним.

Бросив молоток, я следую за ней, зная, что ей, вероятно, понадобится помощь в поиске.

— Смотри под ноги, — кричу я, вспоминая, что случилось, когда она в последний раз бежала через двор.

Она беззаботно машет мне над головой и в рекордно короткое время добирается до деревьев.

— Я его вижу! — доносится издали ее голосок. — Святые угодники, он так далеко улетел. Жаль, что папы Тэтчера здесь нет, чтобы увидеть это.

При упоминании Тэтчера я оглядываюсь, чтобы проверить, нет ли каких-нибудь признаков его или лошади, но ничего не вижу. К тому времени, как я оборачиваюсь, Ханна уже исчезает из виду.

— Подожди меня, пожалуйста.

Я бегу трусцой к лесу, морщась от острой боли в боку, напоминающей, что мое тело еще не полностью оправилось. Оказавшись на опушке, хмурюсь, не замечая никаких признаков ее присутствия.

— Ханна?

Когда я не получаю ответа, пересекаю линию деревьев, отодвигая со своего пути ветки.

— Как далеко ты запустила его? — мой голос наполняется весельем, но при виде предстоящего ужасающего зрелища тут же стихает.

Помощник шерифа прижимает Ханну к своей груди, зажимая ей рот ладонью, пока она пинается и борется с ним. Тут же вспоминаю, что это тот человек, с которым Брэкстен вчера пререкался в участке, — помощник шерифа Пирс.

Он направляет на меня пистолет.

— Ни единого гребаного звука.

— Что вам нужно? — мой голос дрожит от страха.

— Ты.

Ответ приводит меня в замешательство. До вчерашнего дня я даже не знала этого человека.

— Пойдешь со мной тихо, и я отпущу девчонку.

Мой разум лихорадочно ищет выход из положения. Я смотрю направо, в том же направлении, куда ушел Тэтчер, и задаюсь вопросом, услышит ли он меня, если я закричу достаточно громко.

— Даже не думай, — предупреждает он, точно зная, о чем я думаю. — Устроишь сцену, и это будет иметь ужасные последствия для этой малышки.

— Я не понимаю. Зачем вы это делаете?

— Слушай, к тебе у меня претензий нет, но эта семья должна заплатить, и чтобы это произошло, мне нужно, чтобы ты пошла со мной. Так что мы можем сделать это по-хорошему или по-плохому. — Он приставляет пистолет к голове Ханны.

Это опустошающее зрелище уничтожает меня.

— Пожалуйста, не причиняйте ей вреда.

— Тогда предлагаю тебе делать то, что я говорю, и быстро.

Ханна яростно мотает головой, показывая мне не делать этого, и этот храбрый поступок только еще больше разбивает мне сердце.

Мои глаза закрываются в поражении, а слезы беспомощно текут по щекам.

— Я сделаю все, что вы скажете. Только не причиняйте ей вреда.

— Иди сюда... медленно.

Зная, что другого выбора у меня нет, я следую приказу.

Это приводит Ханну в неистовство. Она брыкается и сопротивляется еще сильнее, отчего ладонь мужчины соскальзывает с ее рта.

— Не делайте этого, мисс Алиса!

Он грубо стискивает ее.

— Угомонись, нахрен, мелкая засранка.

На смену страха ко мне приходит гнев. Я бегом преодолеваю оставшиеся до них несколько футов и замахваюсь кулаком.

— Отпусти ее, сволочь! — Используя всю силу, которой обладаю, мне удается ударить его по лицу.

На секунду это его оглушает, давая мне возможность вырвать Ханну из его рук. Я отталкиваю ее на пару футов, ее маленькое тельце кувыркается по земле к линии деревьев.

— Беги, Ханна! — кричу я, как раз в тот момент, когда меня хватают сзади.

— Ах ты, сука! — Его руки обвиваются вокруг моей талии стальным обручем, боль выбивает воздух из моих легких.

— Алиса! — рыдает Ханна, с трудом поднимаясь на ноги, ее заплаканное личико покрыто грязью. — Оставь ее в покое!

— Беги! — снова кричу я. — Позови на помощь!

На этот раз она слушается. Развернувшись, так быстро, как только может, выбегает на поляну, зовя Тэтчера.

Я продолжаю бороться, пока меня тащат в противоположном направлении, надеясь сопротивлением выиграть время. Я пинаю его по голеним, впиваюсь ногтями в его руки, а зубами в ладонь, когда он пытается заткнуть мне рот.

— Господи Иисусе, — шипит он, изо всех сил пытаюсь удержать меня. Как только мы выходим из леса, он кричит в сторону ожидающей его патрульной машины. — Может, выйдешь и поможешь?

Я не замечаю того, что он обращается к кому-то еще, пока пассажирская дверца не открывается и из нее не выходит проклятие моего существования.

Весь пыл борьбы покидает меня, я замираю, глядя в лицо своему мучителю. Кого мой разум не позволял мне вспомнить до этого самого момента.

— Привет, Алиса. Скучала по мне? — зловещая улыбка, которую не верится, что я могла забыть, скользит по его лицу.

Все это время я ошибалась.

— Ты была очень плохой девочкой. Пришло время тебя наказать.

Эти преследующие меня слова — последнее, что я слышу, прежде чем провалиться во тьму, от которой, как я надеялась, освободилась навсегда.

Брэкстен

Адрес, названный Райдером, приводит нас к захудалому трейлерному парку, расположенному в пределах округа Далтон.

Салон грузовика поглощает тишина, наши головы и сердца смиряются с тем фактом, что мы вот-вот столкнемся лицом к лицу с одним из монстров нашего прошлого.

Мне еще предстоит передать братьям рассказ Райдера, и я не уверен, что сделаю это. Я мог бы держать его при себе вечно, потому что последнее, чего я хочу, — это усугублять травмы прошлого, а эта информация способна на такое, особенно для Нокса.

— А вот и Крейг. — Джастис кивает на патрульную машину впереди.

После долгих раздумий мы решили позвонить Крейгу и ввести его в курс дела, хотя до конца не были в этом уверены. Не потому, что мы ему не доверяем, а потому, что знаем: он придерживается правил. Мы с братьями не следуем правилам — никогда не следовали и никогда не будем, — когда дело касается нашей семьи. Но Крейг всегда прикрывал нас. Если нам требовались его ресурсы, он без колебаний предоставлял их нам, и сейчас они нам снова могут понадобиться...

Когда я подъезжаю к патрульной машине, Нокс опускает стекло.

— Вон тот. — Крейг указывает на желтый, проржавевший трейлер. — Не уверен, есть ли кто дома. Никакого движения я пока не видел.

— Время выяснить это. — Я еду вперед на стоянку и паркуюсь перед опрокинутым стальным мусорным баком, чье содержимое валяется повсюду.

Мы убираем оружие, зная, что Крейга хватит удар, если он его увидит, затем выбираемся наружу.

Крейг встречает нас у входа.

— Позвольте говорить мне. Для начала, — быстро добавляет он. — Ваша очередь настанет, обещаю.

Как бы это ни было тяжело, я соглашаюсь.

— Ладно, Крейг, но помни, это наша битва, и мы готовы сделать все возможное, чтобы положить ей конец.

— Да-да, — ворчит он. — Только оставь эту часть при себе. Я не хочу об этом знать.

Вполне справедливо.

Уладив этот вопрос, мы направляемся к боковой двери.

Крейг стучит костяшками пальцев по ржавой жестяной коробке.

— Мистер Тофер, — зовет он, используя другое имя. — Это департамент шерифа. Я хотел бы перекинуться с вами парой слов.

— Иди на х*й! — рявкает за дверью хриплый голос.

Нокс хмыкает.

— Очень похоже на Джонса.

— Это не займет много времени, — уверяет Крейг.

Никакого ответа.

На этот раз в дверь стучу я, достаточно сильно, чтобы оставить вмятину.

— Открой гребаную дверь, Джонс, или я ее выбью!

Проходят секунды, прежде чем раздается скрип, сломанные планки жалюзи

разлетаются в стороны. Глаза-бусинки окидывают нас взглядом, дверь распаивается, и перед нами предстает не кто иной, как Кит Джонс, заместитель Хоббса, один из наших прошлых мучителей.

Он выглядит совсем не так, как я его помню. Высокая фигура больше не громоздкая и угрожающая, а скорее старая и хрупкая. То, что раньше было густой копной каштановых волос, теперь поредело и поседело. Будто он постарел не на одно, а на несколько десятилетий.

Глядя на него сейчас, я могу без сомнения сказать, что это не тот человек, который проник на нашу территорию прошлой ночью. Никким образом. Мужчина перед нами не пробежит и пяти шагов, не умерев от сердечного приступа.

— Так-так-так, да это же ублюдки Миссисипи, — высокомерно приветствует он, заставляя закипеть кровь. — Какого хрена вам надо?

— Ответы, — говорю я ему. — И мы их получим.

— Так или иначе, — добавляет Джастис.

Стареющее лицо растягивается в ухмылке, демонстрируя желтые зубы в темных пятнах, будто их не чистили месяцами.

— Да, ну?

— Да, — вмешивается Крейг, беря разговор под свой контроль. — Криды получали угрозы в течение последних нескольких недель, и прошлой ночью кто-то вторгся на их землю. Вы случайно ничего об этом не знаете?

— Нет, и не могу сказать, что мне жаль это слышать, — нахально говорит он. — А теперь, если это все, будьте добры, валите на х*й с моей территории.

Он начинает закрывать дверь, но я останавливаю ее ботинком, пинком отправляя ему в лицо.

— Сука! — его вой пронзает воздух, когда он прикрывает разбитый нос.

Ворвавшись внутрь, хватаю его за горло и швыряю в грязное кресло, прижимая к спинке.

— Я устал валять дурака. Хочу знать, кто стоит за этим, и хочу знать немедленно.

— Откуда, мать твою, мне знать? — шипит он, кровь из носа стекает ему в рот.

— Потому что, кто бы это ни был, он из приюта, в котором вы работали, — сообщает ему Крейг.

— А раз уж вышло так, что ты живешь поблизости с нами... — Джастис позволяет Джонсу продолжить мысль самому.

— Я даже не знал, что вы, засранцы, живете неподалеку, пока несколько месяцев назад не увидел вас в новостях.

— Ты лжешь. — Мои пальцы сжимают его трахею, перекрывая доступ кислорода. — Мне не потребуется много усилий, чтобы вот так покончить с твоей жизнью.

— Полегче, Брэкстен, — предупреждает Крейг.

Я не обращаю на него внимания. Смотрю, как лицо Джонса багровеет, вспоминая об всем том ужасном дерьме, которое он и Хоббс сотворили со столькими из нас. Какими беспомощными они заставляли нас чувствовать, и все потому, что были больше и сильнее.

Уже нет...

Я наклоняюсь ближе, наблюдая, как его налитые кровью глаза вылезают из орбит.

— Ситуация изменилась, ублюдок...

— Хватит! — Крейг дергает меня назад, отрывая от горла Джонса.

Сукин сын сгибается пополам, отплеывается и задыхается.

— Какого черта ты творишь? — рявкает Крейг мне в лицо.

Между нами встает Нокс, отталкивая Крейга на шаг назад.

— Отвали, Клемсон. Мы тебе сказали: это наша битва.

— Битва и убийство — две разные вещи. Его смертью мы ничего не добьемся!

— Мы и сейчас ничего не добились, — огрызаюсь я в ответ.

— И не добьетесь, — хрипит Джонс. — Сказал же: я ничего не знаю.

— Ожидаешь, мы поверим, что то, что ты живешь здесь, — это совпадение? — с сомнением спрашивает Джастис.

— Срать мне, чему вы поверите. Говорю вам: вы лаете не на то дерево.

— За этим стоит один из вас, — утверждаю я. — Если не ты, то Хоббс.

Его глаза сужаются при упоминании о друге.

— Хоббс мертв. Вы, трое ублюдков, знаете это лучше, чем кто-либо.

— Подделать свидетельство о смерти не так уж сложно, — говорит Крейг. — Алиса тоже была объявлена мертвой, но она жива и здорова.

Джонс напрягается, его все еще багровое лицо бледнеет.

— О чем, черт возьми, ты толкуешь? Алиса? Что с ней случилось?

Если бы я не знал его лучше, то подумал бы, что она ему безразлична. Хорошо, что я его знаю.

— Ее бросили умирать на земле Кридов несколько недель назад, — объясняет Крейг, к моей огромной досаде. — Кто бы ей ни навредил, тот же человек угрожает Кридам, и девушка считает, что это Хоббс.

Джонс качает головой.

— Это невозможно. Он любил ее больше всех в мире.

— Хоббс не любил никого, кроме себя, — выплевываю я, не в силах скрыть отвращения.

— Ты ошибаешься. Алиса была его гордостью и радостью. Его маленькой принцессой. Он делал для нее все. Он бы никогда... — его слова стихают, в каждой черте лица отражается осознание. — Будь я проклят.

Он издает хриплый смешок.

— Я должен был догадаться, что этот ублюдок однажды вернется.

Его бессвязная речь сбивает меня с толку.

— О ком речь? — спрашивает Крейг.

— О его ребенке.

— Чьем? — спрашиваю я, все еще не понимая.

— Хоббса.

— Да, придурок, — огрызается Джастис. — Мы про нее и говорим.

Взгляд Джонса переходит на моего брата.

— Не его дочь. А его сын.

Шок пронзает мое тело, как электрическая буря, освещая меня изнутри.

— Его — кто? — спрашиваю я, клянясь, что ослышался.

— Его сын. Вообще-то, пасынок.

— Чушь собачья, — выпаливает Крейг, теряя терпение. — В его деле нет упоминания о других детях.

— Потому что никто о нем не знал.

По его глазам видно, что он говорит правду.

— Он был от предыдущей женщины Хоббса. Мать мальчишки умерла, а другой семьи у него не было, поэтому Хоббс оставил его у себя. Не совсем уверен, почему, ведь он так сильно его ненавидел, — ворчит он. — Он пытал бедного ублюдка при каждом удобном случае. Вот почему держал его в приюте. Он был его самым большим секретом.

— Стой, — снова вмешиваюсь я. — Он жил в приюте?

Джонс кивает.

— Как его звали? — спрашивает Нокс.

— Андон Дентон.

Понимание обрушивается на меня лавиной, выбивая весь воздух из легких. Я вспоминаю тот давний случай, произошедший ночью в подвале.

Все это время я считал его таким же, как были мы, но он оказался сыном Хоббса.

— В имеющемся у нас досье на Дентона говорится, что он женат и живет в Юте, — обращается к Джонсу Крейг, все еще не убежденный этой историей.

Джонс ухмыляется.

— Уверен, так и есть.

— Хочешь сказать, ему удалось подделать полицейские отчеты?

— Я хочу сказать, что он ловкий сукин сын, который знает, как замести следы. Поверь мне, если кто-то и причинил боль Алисе, то это он. Он чертовски злился на нее, ненавидел за то, что ей доставалась вся любовь и внимание Хоббса.

«Узнай, кто она, и ты узнаешь, кто я».

Вот на что он намекал с самого начала.

Это знание выжигает меня изнутри, изменяя все, к чему мы себя готовили.

— Куда его поместили после пожара? — спрашивает Крейг.

Джонс пожимает плечами.

— Будь я проклят, если знаю.

Выражение его лица говорит об обратном, но я решаю, что это не важно. Теперь главное выяснить, где он сейчас, и здесь мы его точно не найдем.

Вместо того чтобы озвучить это, я оставляю последнее предупреждение. Вытащив пистолет, шагаю вперед, прижимая дуло ко лбу засранца.

— Господи Иисусе! — бормочет Крейг у меня за спиной.

Проигнорировав его, склоняюсь ближе к Джонсу, чтобы он видел бушующую внутри меня ненависть.

— Если узнаю, что ты все наврал, я вернусь сюда и размажу твои гребаные мозги по всему трейлеру, понял?

Его глаза сужаются, но страх в них неоспорим. Власть больше не в его руках, теперь уже не он самый сильный, и он это знает.

— Пойдем, брат. — Джастис хватает меня за плечо, оттаскивая в сторону. — Если понадобится, мы вернемся.

Отступив назад, я поворачиваюсь и направляюсь к двери, чувствуя, как Нокс и Крейг следуют за мной.

— Увидимся, Джонс, — выходя, Нокс пинает лампу и хлопает за собой дверь.

Снаружи Крейг набрасывается на нас.

— Вы, парни, хотя бы на одну гребаную секунду подумали сохранить хладнокровие?

— Учитывая, что он все еще жив, я бы сказал, что мы очень старались сохранить хладнокровие, — возражает Нокс.

Крейг хмыкает, явно не соглашаясь.

— Забудьте об этом, — прерывает Джастис. — Нам нужно обсудить е*анутый поворот сюжета, который только что раскрылся.

— Если его слова, вообще, правда, — замечает Крейг.

— Правда. — Я видел правду в его глазах, в шоке, отразившемся на его лице, когда он услышал об Алисе. Даже названный им мотив логичен.

Дентон ненавидел Алису за то, что Хоббс делал с ним, и заставил платить ее. То же самое я сделаю и с ним, но на этом порочный круг замкнется. С его смертью от моих рук.

На поясе Крейга звонит его рабочий телефон.

Сняв его, он подносит к уху.

— Шериф. — Его поведение меняется в одно мгновение. — Успокойтесь и расскажите, что случилось.

Женский голос на другом конце линии бьется в истерике, бессвязное бормотание неразличимо.

— Держитесь, мы уже выезжаем. — Он заканчивает разговор, глядя на нас с братьями. — Звонила Гвен, нам нужно срочно возвращаться на ферму.

Имя Гвен — последнее, что я ожидал услышать, и оно приводит нас всех в движение.

— Что случилось? — требует Джастис, когда мы бежим к машинам.

— У меня нет всех подробностей, но дело плохо, — его тон наводит меня на мысль, что он знает больше, чем говорит, но я не трачу время на выяснение.

Запрыгнув в грузовик, включаю зажигание. Рев двигателя разносится по стоянке, но громкий шум никак не заглушает панику, стучащую в моих ушах.

Я следую за мигалками Крейга, мчась с ним по проселочным дорогам бампер к бамперу.

Джастис несколько раз пытается дозвониться до Райан, но каждая попытка остается без ответа.

— Бл*ть! Почему, черт возьми, она не отвечает?

— И отец тоже, — сообщает Нокс, усиливая страх, бегущий по моим венам.

Мой разум перебирает все возможные сценарии, которые могли бы произойти, но я не в состоянии принять ни один из них. Не в присутствии отца и не с нашей охранной системой.

Кто-то пострадал?

От этой мысли мне лучше не становится.

Мы добираемся до фермы в два раза быстрее, чем обычно. Я мчусь по подъездной дорожке к дому и вижу на крыльце отца, держащего истерично рыдающую Ханну, в то время как Гвен утешает Райан.

Страх душит меня, когда я не вижу среди них Алисы.

Ханна вырывается из рук моего отца и бежит к Джастису, когда мы все выбираемся из грузовика.

— Папочка! — кричит она, бросаясь в его распростертые объятия.

— Успокойся, малышка, — увещевает Джастис. — Я с тобой.

Я уворачиваюсь от спешащей обнять мужа и дочь Райан, и быстрым шагом поднимаюсь по ступенькам крыльца к отцу.

— Что происходит? Где Алиса?

Вина наполняет его темно-карие глаза, когда он смотрит на меня в ответ.

— Где она, папа? — кричу я в панике.

— Прости, сынок, — хрипло выдавливают он. — Ее забрали до того, как я успел вернуться.

Слова эхом отдаются в моем опустевшем сознании, мозг изо всех сил пытается их осмыслить.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Это моя вина, — всхлипывает Ханна. — Я потеряла свой мяч в лесу. Я не видела плохого полицейского, пока не стало слишком поздно.

Ее рыдающее признание только усиливает охватившее меня замешательство.

— Какого плохого полицейского? — спрашивает Крейг, опережая меня.

— Это был Пирс, — объясняет отец, разжигая огонь в моей разгневанной душе, как у разъяренного дракона. — Вот почему я попросил Гвен позвонить тебе, а не в участок, не знал, кому можно доверять.

Он начинает рассказ с самого начала, как его отвлекли лошадь, и Пирс использовал Ханну в качестве приманки, чтобы добраться до Алисы.

Каждое его слово, каждая раскрытая деталь наполняет мои вены такой глубокой яростью, что закручивает их в спирали.

— Ублюдок! — Мой кулак врезается в окно дома, осколки стекла пронзают кожу и разлетаются вокруг. — Я, бл*ть, урою его.

Жестокость провоцирует меня войти в конфронтацию с Крейгом. Схватив его за рубашку, пригвождаю к стене дома, не обращая внимания на раскаяние, написанное на его лице.

— Я же тебе говорил! Я, бл*ть, тебе говорил, что ему нельзя доверять! Какого хрена ты меня не послушал?

Требуется сила обоих моих братьев, чтобы оттащить меня от Крейга. Джастис прижимает меня к перилам, вставая со мной лицом к лицу.

— Послушай меня! Я знаю, ты злишься, и я тебя не виню, но тебе нужно мыслить здраво. Это единственный способ вытащить ее из беды.

Мои легкие быстро расширяются, наполняясь огнем ярости и печалью моей вины.

Я не должен был оставлять ее. Я должен был позволить ей поехать с нами.

— Прости меня, сынок, — с горечью умоляет отец. — Я думал, ничего не случится, если отлучиться на несколько минут. Только когда я пересек границу собственности, понял, что наша система безопасности была отключена.

— Как? — спрашивает Нокс.

— Растяжки были перерезаны.

— Как, черт возьми, такое возможно? — вспыхивает Джастис, поворачиваясь к отцу. — Никто, кроме нас, не знает их местоположение.

Осознание наступает быстро.

— Вот для чего они приходили прошлой ночью, — говорю я оцепенело. — Сукин сын отправил своих подручных выяснить, где растяжки.

Отец кивает, явно уже догадавшись об этом.

— Даже камеры наблюдения в сарае были испорчены.

— Черт, — выдыхает Крейг. — Пирс был там сегодня, снимал отпечатки.

Всепоглощающая жажда мести прожигает меня насквозь.

— Как только я понял, что система безопасности отключена, вернулся к дому, и тут услышал крик Ханны Джей, — продолжает отец. — Я схватил винтовку и побежал со всех

ног, но чертова машина была уже на полпути вниз по дороге. Однако с Пирсом кто-то был. Я видел его в оптический прицел.

Дентон.

Понятия не имею, как они с Пирсом сошлись, но мой гнев покарает их обоих.

Крейг отходит, доставая телефон.

Отец смотрит на меня, в его взгляде зияет черная пустота.

— Моя винтовка была взведена, оптический прицел наведен, но я не мог рисковать, делая выстрел, не с ней в машине. — Его голова опускается в раскаянии. — Прости, сынок, я подвел вас обоих.

— И меня прости, — шмыгает носом Ханна, подходя ко мне. — Я пыталась ее спасти, но бежала до дома недостаточно быстро.

Услышав взрыв ее рыданий, я наклоняюсь и подхватываю ее на руки, крепко прижимая к себе.

— Ты не виновата, постреленок. Здесь никто не виноват, — добавляю я, бросая взгляд на отца. — Я верну ее, обещаю.

Поцеловав племянницу в щеку, передаю ее Джастису.

Крейг возвращается, убирая телефон в карман.

— Моя команда на подходе, и я вызвал полицию штата. Патрульная машина Пирса пропала с радаров, но у них есть его номерной знак, и они держатся начеку.

— Он — гребаный труп, — говорю я Крейгу, тыча его в грудь. — Ты слышишь меня?

Он кивает, зная, что лучше не спорить со мной по этому поводу.

Я смотрю на братьев.

— Нам нужно рассредоточиться. Он не мог уйти далеко. Общем заброшенные склады, мотели, любые места, достаточно уединенные, чтобы их не было видно.

— У меня есть карта времен основания Винчестера, — говорит отец. — На ней есть часть близлежащих округов. Мы сможем определить местоположения зданий того времени, что станет хорошим началом.

Я уже собираюсь отправить его за картой, когда в моем кармане вибрирует телефон. Адреналин, скачущий по венам, переходит в овердрайв. Достав мобильный, я даже не смотрю на номер, уже зная, кто это.

— Где она, ты, сукин сын?

— О, ты вернулся, отлично, — ликует искаженный механический голос. — Должен сказать, Крид, это было легче, чем я думал. Хотя присутствие на моей стороне одного из лучших граждан Винчестера, помогло.

— Я вырву твою гребаную глотку, Дентон, клянусь богом.

Долгое мгновение тишины заполняет линию.

— Значит, ты разобрался. А я-то надеялся открыть тайну в грандиозном финале.

— Единственное, что откроется, — это твое сердце, когда я вырежу его из твоей груди.

— Полагаю, это означает, что ты готов постучаться в дверь смерти.

Мной овладевает вызванное яростью спокойствие.

— Готов, паскуда.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно, потому что у меня есть два очень важных правила.

Алиса

Дверь моей спальни с грохотом распахивается, резко пробуждая меня ото сна. Охнув, я сажусь и обнаруживаю рядом с кроватью маму. Она накрывает мне рот ладонью, заставляя молчать.

— Он вернулся.

Ее шепот окатывает, как ведро ледяной воды. Ей не нужно пояснять, о ком идет речь. Дрожь в ее голосе говорит сама за себя.

Андон... мой сводный брат; брат, которого я едва знаю, потому что его пребывание рядом со мной считалось небезопасным. Вот почему папа держал его в приюте, в котором работал, до той ночи, когда он умер. В ту же ночь нам сообщили о побеге Андона, и после его больше никогда не видели.

До этого момента...

— Ох, мамочка... — раздается глубокий, насмешливый голос, за которым следует топот ботинок, поднимающихся по лестнице. — Я дома.

Мама поворачивается ко мне, страх в ее глазах прорезывает темноту моей спальни.

— Нам нужно уходить, немедленно. — Схватив меня за запястье, она стаскивает меня с кровати.

— Стой. — Упираясь ногами в пол, я сопротивляюсь силе ее тяги. — Мы должны позвонить в полицию.

— Нет, — яростно рычит она. — Никакой полиции. Пока нет.

Не успеваю я оспорить ее решение, как она уже подводит меня к окну, раздвигает шторы и занавеску.

Меня пронизывает ледяной страх, когда я понимаю, что она хочет выбраться из дома через окно второго этажа. Когда она открывает раму, на меня попадают крупные капли дождя.

На улице льет как из ведра.

— Иди первой, — приказывает она, подталкивая меня к окну.

— Мам, я не понимаю, — возражаю я. — Почему нам просто не позвонить в полицию и...

— Хватит, Алиса!

Я вздрагиваю от ее резкого тона.

Это заставляет ее разрыдаться.

— Прости, малышка. — Она притягивает меня в объятия. — Знаю, сейчас ты в замешательстве. Позже я все тебе объясню. А сейчас, пожалуйста, делай, как я говорю.

Из маминой спальни дальше по коридору доносится оглушительный грохот.

— Поторопись, — умоляет она.

Не колеблясь больше ни секунды, я высовываю голую ногу из окна, жалея, что на мне шорты и майка, а не пижамные штаны. Вцепившись в оконную раму, нащупываю ступней скользкую, мокрую решетку.

— Осторожнее, — шепчет она. — Я иду сразу за тобой.

Кивнув, начинаю спускаться, торопясь ради мамы.

Со всех сторон на меня хлещет вода, бомбардируя обнаженную кожу, и мои волосы

тут же промокают.

Оказавшись на земле, я убираю мокрые пряди с лица и, подняв глаза, смотрю, как мама выползает наружу, ее нога вслепую нащупывает решетку.

И тут над ней нависает темный силуэт, мешающий нашему побегу. Он хватается маму за руку, прежде чем она успевает спуститься достаточно низко.

— Мама! — разносится в пустоте ночи мой полный ужаса крик.

Оглянувшись назад, я осматриваю пустые улицы и зову на помощь, но из-за бушующего шторма никто меня не слышит.

Я уже хочу бежать обратно в дом, когда ей удается вырваться из его хватки, сорвавшись вниз. Я бросаюсь вперед, чтобы поймать ее, чуть смягчая падение, когда мы обе оказываемся на земле.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, всхлипывая.

— В порядке. — Несмотря на заверения, она с трудом поднимается на ноги. — Бежим!

Взявшись за руки, мы мчимся к машине. У водительской дверцы мама опускается на колени и шарит над колесом в поисках запасного ключа.

Мой взгляд с тревогой устремляется к дому в поисках каких-либо признаков Андона.

— Черт возьми, где же он? — в отчаянии восклицает мама.

Сквозь завесу дождя я вижу, как распахивается входная дверь.

— Он идет! — выкрикиваю я предупреждение, как раз в тот момент, когда он появляется.

— Нашла!

Мама отпирает машину, распахивает дверцу и запикивает меня внутрь, после чего залезает следом.

Я переползаю на заднее сидение со стороны пассажира, и тут по моему окну раздается громкий удар, такой силы, что стекло трескается.

Из моего горла вырывается крик при взгляде в безумные глаза Андона, которые нельзя назвать иначе, чем маниакальными...

Когда он замахивается для следующего удара, мама жмет на газ, вылетая задним ходом с подъездной дорожки, как летучая мышь из ада.

Встав на колени на сиденье, я наблюдаю в заднее стекло, как исчезает темная фигура Андона, когда мы сворачиваем за угол. Только выехав на автомагистраль между штатами, я отворачиваюсь и откидываюсь на спинку сиденья, испуская прерывистый вздох облегчения.

— Малышка, ты в порядке? — спрашивает мама, пытаясь справиться с эмоциями.

Я киваю, но на самом деле я далеко не в порядке. Не после того, что только что произошло. Не тогда, когда меня мучает тысяча вопросов.

— Что происходит, мам? Почему мы не вызвали полицию?

— Мне так жаль, — всхлипывает она, ее лицо искажено горем. — Я не хотела, чтобы такое случилось. Я не хотела, чтобы ты узнала.

Меня наполняет замешательство.

— Узнала что?

Наши взгляды на мгновение встречаются.

— О твоём отце.

— О папе?

— Я не знала, Алиса. Ты должна мне верить. Я понятия не имела о том, что

происходит. Я узнала об этом только после его смерти и даже сейчас... мне до сих пор не верится.

От ее растущего отчаяния у меня сводит живот.

— Не верится во что, мам?

Но нам не суждено было договорить. Яркий свет фар окутывает нашу машину, ослепляя нас обеих. Я не могу понять, что происходит, пока автомобиль не дергается от удара, бросая нас вперед на сиденьях.

Мама кричит, пытаясь выровнять руль. Обернувшись, я вижу в заднее окно автомобиль, вплотную следующий за нами, готовясь снова нас протаранить.

— Быстрее!

Мое предупреждение звучит слишком поздно. На этот раз удар достаточно сильный, чтобы мы врезались в ограждение, и от столкновения наша машина переворачивается.

Все происходит как в замедленной съемке. Наши крики ужаса разрушают тишину, когда машина вертится в воздухе. Я смотрю на маму, ее взгляд наполнен любовью и сожалением. Этот взгляд будет преследовать меня долгие годы.

Машина приземляется в кювет, удар настолько сильный, что я вылетаю через окно. Все тело пронзает боль, когда я с глухим стуком ударяюсь о холодную, мокрую землю.

Вдалеке раздается звук открывающейся дверцы машины, но я в слишком сильной агонии, чтобы посмотреть, что происходит.

Через несколько минут в мои ошеломленные чувства проникает резкий запах, за которым следует вспышка жара. Наконец мне удается открыть глаза, и я вижу, что машина, из которой меня выбросило, горит, а в ней моя мама.

Из меня вырывается стон отчаяния. Я хочу кричать, рыдать и броситься вперед, но ничего не могу сделать, кроме как лежать на земле, испытывая невыносимую боль. Хотя телесные страдания не идут ни в какое сравнение с тем, что творится с моим сердцем при осознании того, что мамы больше нет.

Не успевает потеря затянуть слишком глубоко, как меня отрывают от земли и перекидывают через жесткое плечо, мое переломанное тело извивается, когда его уносят от единственного члена семьи, который у меня оставался.

Ледяная жидкость, обрушивающаяся сверху, выталкивает меня из прошлого в настоящее. Капля и отплевываясь, я прихожу в сознание.

— Ну, привет, соня.

Трясаясь всем телом и стуча зубами, оглядываю тускло освещенное пространство в поисках зловещего голоса. Я с трудом фокусирую зрение, но как только оно проясняется, вижу, что нахожусь в промозгом, пустом сарае. Мои руки связаны над головой, жесткая веревка, обмотанная ржавой колючей проволокой, впивается в нежную кожу запястий.

Кончики пальцев ног царапают грязный, неровный земляной пол, но я стараюсь держаться настолько ровно, чтобы облегчить дискомфорт, и все же из меня вырывается болезненный стон.

Унижение присоединяется к чувству страха, когда я смотрю вниз и вижу, что полуобнажена и выставлена напоказ самым постыдным образом. С этой позой я слишком хорошо знакома.

Ко мне возвращается каждое болезненное и извращенное воспоминание моих страданий. Страданий за грехи моего отца. Грехи, за которые я, не переставая, извинялась и отплатила сполна, но этого все равно было недостаточно.

— Смотри наверх, сестричка.

Откинув голову назад, вижу темный силуэт моего мучителя. Инициатора моей гибели. Моего сводного брата.

К стропилам подвешено несколько платформ разного уровня, и все они соединяются в некое подобие лабиринта. Андон перепрыгивает с одной платформы на другую, отпинывая в сторону пустое ведро, из которого вылил на меня холодную воду, чтобы привести в чувства.

С маленьким черным пультом в руке он идет ко мне. Останавливается передо мной, и теперь я могу разглядеть его четче. Он высокий, но не такой, как Брэкстен. Черные как смоль волосы слиплись от пота и откинута с лица, открывая угрожающую ухмылку, которая соответствует ледяному взгляду его глаз.

— Скажу честно, Алиса. Я не думал, что когда-нибудь снова тебя увижу, — голос притворно печальный. — Я был так уверен, что оставил тебя умирать, а когда ты выжила, то подумал, что это испортит весь мой план. Но потом ты потеряла память, и этот план превратился в чертовски забавную игру, не так ли?

При мысли о том, что он сделал с Брэкстеном и его семьей, из потаенных глубин меня поднимается гнев, частично заглушая страх.

Я не думала, что Андон ненавидит кого-то сильнее меня, но когда несколько месяцев назад в новостях показали Брэкстена и его братьев, я поняла, что ошибалась. Он ненавидел их так же люто, если не больше. Причины я до сих пор не знаю, но именно тогда был разработан план. Тот, который положил бы конец моей пытке только для того, чтобы начать чью-то другую.

Как я могла забыть все это?

— Ты была очень плохой девочкой, Алиса, — насмехается он. — Раздвинула ноги для первого мужика, который обратил на тебя внимание. Что бы на это сказал дорогой папочка?

Мои глаза сужаются от его насмешки.

— Он убьет тебя за это, — уверенно говорю я. — Они все. Тебе это не сойдет с рук.

Он наклоняется, приближаясь губами к моему уху.

— Уже сошло. — Убежденность в его тоне запускает мое колотящееся сердце по нисходящей спирали.

Дверь в сарай открывается, и появляется помощник шерифа Пирс. Он входит с большой красной канистрой.

— Держи. — Он опускает канистру на земляной пол. — Теперь заплати обещанное, чтобы я мог обратиться отсюда к чертовой матери.

Андон даже не удостоивает его вниманием, его взгляд не отрывается от меня.

— Пока нет.

— Брось, чувак. У нас был уговор. Я помог тебе заполучить девчонку, но остальную часть этого дерьма делай сам.

Андон бросает в его сторону убийственный взгляд, и этого достаточно, чтобы помощник шерифа отступил.

Андон снова поворачивается ко мне лицом, и от его угрожающей ухмылки мое перепуганное сердце покрывается льдом.

— Пришло время для главного события.

Не говоря больше ни слова, он нажимает красную кнопку на пульте дистанционного управления, и меня тянет вверх, медленно и мучительно.

Под весом моего тела веревка натягивается, а колючая проволока пронзает кожу, и я

вскрикиваю от боли в запястьях.

Внизу я замечаю круг из камней, в центр которого Андон кладет доски, прямо под мои болтающиеся ноги.

После этого он берет канистру с бензином, которую ему принес Пирс, и обильно поливает доски. Нос и горло забивает резкий запах, принося осознание того, что я не выберусь отсюда живой.

Несколько недель назад я молила о смерти, но теперь я ее боюсь. Я не готова попрощаться с новообретенной жизнью, но сделаю это, если таким образом спасу от рук безумца любимого мужчину и его семью.

Брэкстен

Двигатель моего грузовика работает на максимуме, пока я пробираюсь по пересеченной местности, следуя указанным мне координатам.

Мы так долго петляли по бездорожью, что я был уверен, что мы что-то пропустили, но потом в поле зрения появился он — старый сарай у черта на куличках.

Погруженный в полную темноту, он выглядит заброшенным. Никто никогда не узнает, что внутри находится моя любимая женщина вместе с сумасшедшим, который был достаточно глуп, чтобы украсть ее у меня.

И этот сумасшедший поплатится за это жизнью.

Мечь, назревавшая последние несколько недель, завладела каждой клеточкой моего тела. Она извивается у меня под кожей, принося непоколебимое спокойствие перед тем, что должно произойти.

Сказанные мне условия просты. Ни копов, ни оружия. Вот почему я солгал Крейгу и дал ему координаты, ведущие в совершенно противоположном направлении. Мне это было ненавистно, но так будет лучше для всех, особенно для него. Дело закончится кровопролитием, и его заместитель не избежит возмездия.

Я подъезжаю к одинокому сараю и паркуюсь перед ним. В свет фар попадает ветхая деревянная стена, открывающая последнюю загадку:

Добро пожаловать в Страну Чудес. Наше время пришло.

Хотите найти Алису? Тогда присоединяйтесь к Безумному Шляпнику и немного повеселитесь.

Время пришло. Пора раз и навсегда покончить с демонами нашего прошлого.

Мой взгляд перемещается к братьям.

— Помните, что бы там ни случилось, как бы все ни обернулось, этот ублюдок — мой. Я лично заставлю его испустить последний вздох.

Джастис кивает.

— Не вопрос, но Пирс — мой.

Как бы мне ни хотелось прикончить и этого засранца, я оставлю Джастису это удовольствие.

— Тогда давайте начнем. — Нокс первым открывает свою дверцу, наравне с нами жаждая возмездия.

Выбравшись из грузовика, мы слаженно направляемся к сараю, каждый из нас готов к долгожданной битве.

По ту сторону двери сарая стоит оглушающая тишина. Взглянув на братьев, я открываю ее и, прежде чем войти, оцениваю обстановку.

В центре помещения горит костер, режущее пламя представляет угрозу для прогнившего дерева. Оранжевое свечение — единственный источник света, позволяющий нам осмотреться.

Со стропил на тросах свисают платформы разных уровней, переходящие одна к другой. Все они расположены так, чтобы создать подвешной лабиринт.

В остальном здесь тихо и темно. Я начинаю беспокоиться, что ублюдка тут даже нет, и все это было подстроено, пока сверху не раздастся приглушенный стон моего имени.

Я смотрю вверх, за платформы, и меня охватывает отчаяние и ужас, не похожие ни на что другое. Они пронзают грудь стальным клинком, попадая в быстро колотящееся сердце.

С самой высокой балки потолка свисает Алиса, выставленная напоказ как объект жертвоприношения. Ее лицо искажено отчаянием, а по рукам стекают ручейки крови, заливая полуобнаженное тело.

— Господи! — шепчет Джастис, потому что у меня нет слов. Они застряли в горле, перехваченном агонией, разрывающей мою грудь.

Все, что я могу сделать, это действовать. Подавив хаос в своей душе, я мчусь вперед к самой нижней платформе, а братья следуют за мной по пятам. Только я собираюсь прыгнуть на нее, как она оказывается вне досягаемости.

— Зараза! — кричу я, чуть-чуть не дотягиваясь до края.

— Ты ведь не думал, что это будет так просто.

Мы поворачиваемся на снисходительный голос и обнаруживаем не кого иного, как нашего врага.

Андон Дентон стоит на самой высокой платформе в противоположном конце сарая, держа в руке черный пульт.

Меня мгновенно охватывает ненависть, жажда пролить кровь возрастает до опасного уровня.

— Отпусти ее, ублюдок.

— Я так не думаю. Нам нужно кое-что обсудить. Помощник шерифа Пирс!

Услышав свое имя, Пирс выходит из тени позади нас, держа наготове пистолет. Оружие дрожит в его руке, противореча попыткам показного контроля.

— Ты гребаный покойник. — Джастис бросается вперед, готовый заставить его заплатить, когда Алиса издает отчаянный крик, падая в бушующий внизу огонь.

— Нет! — Я бегу к костру, готовый сгореть в нем, если дело дойдет до этого.

Падение Алисы резко прекращается, ее болезненный стон останавливает нас с Джастисом.

— Еще хоть шаг от любого из вас, и она преждевременно встретит свою смерть, — угрожает Дентон, потрясая пультом.

— Отпусти ее, — требование звучит с нотками паники. — Это между нами. Теперь мы здесь, и она тебе не нужна.

— Напротив. Ей нужно заплатить так же, как и всем вам.

— Она достаточно заплатила, сволочь!

Я думаю обо всей боли, которую она перенесла за свою жизнь, о невинности, которую она потеряла из-за грехов своего отца.

— Нет, не заплатила... пока. — Он переводит внимание на Пирса. — Я так понимаю, они пришли одни?

Пирс кивает.

— Хорошо, тогда обыщи их.

Приказ заставляет его напрячься.

— Что?

— Что слышал. Я сказал: обыщи их.

— Ни хрена подобного. Их трое, а я один.

Он понимает, будь даже только один из нас, это не имело бы значения.

— Не волнуйся. Они знают, чем рискуют.

Алисой.

Я встречаюсь с ней взглядом, кристально-голубые глаза излучают боль. Они — свет, поглощающий окружающую нас тьму.

— Прости, — срывается с ее губ необоснованное извинение, угрожая уничтожить меня.

Это я должен просить прощения. Я обещал защищать ее и потерпел неудачу, но больше такого не повторится.

Вот почему я позволяю Пирсу ощупать меня, а не сворачиваю ему гребаную шею. Он заканчивает быстро, его страх пересиливает дотошность.

Нокс, с другой стороны, не находит в себе той же сдержанности, что и я. Он наносит удар ногой, попадая ублюдку в живот.

Пирс сгибается пополам, с хрипом хватая ртом воздух.

— Упс, я поскользнулся, — невозмутимо говорит брат.

К счастью, наш враг смеется, находя это забавным.

— Хорошая отмазка, но больше так не делай.

Джастис прислушивается к предупреждению, но произносит несколько слов, которые заставляют Пирса быстро отступить.

— Все чисто. — Он становится справа от нас, что дает ему преимущество держать всех троих в поле зрения.

— Вы действительно последовали моим условиям, — удивленно произносит Дентон. — Разумный выбор.

Он начинает расхаживать по платформе, на которой стоит, привлекая мое внимание к системе шкивов, к которой прикреплена Алиса, где ось соединена с концом его платформы.

Мысленно отмечаю за ней небольшую эвакуационную дверь, выходящую на крышу.

— Должен вам сказать, было приятно найти друга в лице помощника шерифа Пирса, — говорит Дентон. — Я понял, что у нас есть нечто общее, когда увидел, как вы двое пререкались в больнице тем утром несколько недель назад. Так и знал, что найдутся другие, кто ненавидит вас всех так же сильно, как и я.

— Поверь, у нас было много врагов, которым мы перебежали дорожку, — говорит Джастис. — Просто никто из них не выжил, чтобы рассказать об этом.

Ублюдок ухмыляется нам сверху.

— Вы трое всегда были такими самоуверенными. Неужели вам ни капельки не любопытно, почему я так долго таил на вас эту обиду?

— Потому что ты е*анный псих? — откровенно бросает Нокс.

Веселье Дентона сникает.

— Псих — спорно, но определенно е*анный, благодаря вам троим.

— Чушь собачья, — огрызаюсь я. — Мы все пострадали от рук этого куска дерьма. Вот почему мы его прикончили. Мы, мать твою, оказали тебе услугу!

— Услугу? — рычит он, хватаясь за металлические перила перед собой. — Вы действительно думаете, что оказали мне услугу? Кто-нибудь из вас хоть на секунду задумался о том, что случилось с остальными после вашего побега?

— Это не наша проблема, — говорит Джастис. — Мы дали вам тот же шанс, что и себе. Так что, иди на х*й, если не смог этим воспользоваться.

— Нет, это ты иди на х*й, — рывкает он в ответ, начиная терять свое тщательно контролируемое самообладание. — Идите на х*й вы все за то, что сбежали без оглядки, идите на х*й за то, что избежали того, что должно было стать вашей судьбой, и идите на х*й

за то, что оставили меня, чтобы я занял ваше место!

Его яростный бред сбивает нас с толку.

— Вы понятия не имеете, что должно было с вами случиться, какая судьба вас ждала, — продолжает он чуть спокойнее. — Тебя покупали еще до прибытия туда и продавали тому, кто больше заплатит.

Страх начинает приобретать форму, когда я вспоминаю о том, что узнал сегодня от Джеймсона.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — требует Джастис, не зная, какую порочную информацию сейчас услышит.

— Я говорю об аде, который никто из вас даже представить себе не может. За исключением, быть может, Ноксвилла.

Нокс напрягается, услышав свое полное имя.

— Не слушай его, — говорю я ему. — Он все врет.

Дентон приподнимает бровь.

— Неужели?

— Да, так что давай сосредоточимся на главном — Хоббс.

— Ошибаешься. С моей яростью к Хоббсу я покончил, вот для чего нужна была моя сестренка. — Он ухмыляется, провоцируя пристрелить его. — Моя ненависть к вам вызвана совершенно другим. Вообще-то, я думаю, Ноксвилл, как никто другой, поймет мои причины.

— Заткнись на хрен! — Меня захлестывает отчаяние, когда я пытаюсь остановить его дальнейшие слова.

Не обращая внимания на мое предупреждение, его взгляд перемещается на Нокса.

— Ты был самым ценным владением своей дорогой мамочки, не так ли? — Он выдерживает драматическую паузу. — Свет... камера... начали!

— Ублюдок, — разносится по заброшенному сараю вой Нокса, его демоны толкают его вперед.

Я стремительно обхватываю его сзади, но не раньше, чем Алиса летит вниз еще на несколько футов.

Ее крики вызывают во мне беспомощную ярость.

— Большой ублюдок, — реву я, вцепившись в брата. — Это не наша вина!

— Это все на вашей совести, — рычит он в ответ. — Я должен был быть в безопасности, я принадлежал Хоббсу, но потом вы, трое ублюдков, прикончили его и сбежали, как гребаные трусы, а значит, ваши места должны были занять другие. Угадайте, кто стал одним из них...

Истинная цель его мести наполняет сарай тишиной.

— Динь! Динь! Динь! — выплевывает он, практически с пеной у рта. — Несколько месяцев меня пытали и е*али в самых извращенных позах, и все это время снимали для развлечения каких-то больных ублюдков, которые выставляли Хоббса гребаным святым!

— Господи Иисусе, — в очевидном шоке бормочет Пирс позади нас.

Грудь брата вздымается в моей хватке, каждый его вдох явно вызван болью.

— Мы не знали, — выдавливает Джастис. — Откуда, черт возьми, нам было знать?

— А мне плевать, — бушует он, безумный взгляд полон ненависти, которая подпитывает его. — Это случилось, и все из-за того, что вы трое сделали.

— Соберись, — шепчу я Ноксу. — Мы делаем свой ход.

Его напряженное тело застывает, но это затишье перед бурей.

— В тот день, когда я сбежал из того места, я поклялся отомстить вам всем.

— Не делай этого, Андон, — кричит Алиса. — Умоляю, не причиняй им вреда.

Я сжимаю челюсть, ее мольба ранит мое сердце.

— Ох, сестренка, я, несомненно, причиню им вред, но сначала они увидят, как ты умрешь.

Я не даю ему шанса сделать свой ход. Используя Нокса, как прикрытие, наклоняюсь и достаю из голенища тонкий кинжал, и посылаю его по воздуху с той же точностью, с какой целюсь в оптический прицел винтовки, вонзая его в запястье руки ублюдка, которая держит пульт.

Вой боли разносится по сараю, и маленькая черная коробочка вылетает из его руки. Следующим бросает свой нож Нокс, посылая в центр его груди, сила удара отбрасывает Андона на спину.

Джастис берет на себя Пирса, выбивая пистолет у него из рук. Он трусливо сбегает, опрокидывая при этом канистру с бензином.

Тлеющие угли разгораются, и пламя распространяться по сараю со скоростью лесного пожара.

— Бл*ть! — ругается Джастис, и мы отступаем, прикрывая лица от вспышки жара.

Крик Алисы заставляет мой взгляд взметнуться вверх. Пламя ползет по стенам вокруг нее, резко сокращая наше время вдвое.

— Держись, я поднимаюсь! — мой взгляд перемещается на Джастиса. — Иди за Пирсом! Мы с Ноксом справимся.

Он бежит к выходу, уворачиваясь от пламени, которое угрожает поглотить его.

Теперь мое внимание переключается на Нокса.

— Она привязана к тому блоку. — Я указываю на платформу, к которой крепится веревка. Там же, где все еще неподвижно лежит Дентон. — Найди способ подняться туда и дождись моего сигнала, чтобы открепить ее.

Не теряя времени, он мчится к противоположной стороне сарая.

Меня со всех сторон окружает жар, и я отступаю достаточно, чтобы разбежаться к платформе, которую вырвали из моих рук. Мне удастся ухватиться за выступ, чтобы подтянуться. Под моим весом платформа дико раскачивается, прогнившие доски угрожают треснуть.

Это заставляет меня немедленно перепрыгнуть на следующую платформу, но та не выдерживает и тросы лопаются.

— Брэкстен! — кричит Алиса.

Я отталкиваюсь от разваливающейся платформы, оказываюсь на выступе выше, приближающем меня к ней.

— Слава богу, — всхлипывает она с облегчением. — Ты в порядке?

— В порядке.

К сожалению, я не могу сказать того же о ней, учитывая сколько крови стекает по ее рукам. Это усугубляет и без того ужасную ситуацию.

Сквозь клубы дыма ищу Нокса, он все еще на одном уровне от того места, куда ему нужно попасть, пламя опасно движется в его сторону.

Поскольку время идет, а Алиса по-прежнему вне моей досягаемости, я выламываю из-под ног одну из прогнивших досок и использую торчащий ржавый гвоздь, чтобы зацепить веревку с узлами на ее запястьях.

В тот момент, когда я начинаю подтягивать ее ближе, она кричит от боли, быстро прерывая мои усилия.

— Веревка обмотана колючей проволокой, — плачет она, объясняя, откуда вся эта кровь.

От этого ярость внутри меня взрывается, как ядерная бомба.

— Ублюдох! — Каждый мускул напрягается, когда я пытаюсь сдержаться, чтобы не поддаться нарастающей ярости.

— Уходи. — Она кашляет, ее начинает обволакивать дым. — Пока еще не слишком поздно.

Игнорируя ее слова, решаю попробовать другую тактику.

— Я поднимусь выше твоих запястий, но мне нужно, чтобы ты вела меня. Мне нужно зацепить гвоздем одно из звеньев колючей проволоки.

— Брэкстен, на это нет времени. Ты должен уйти сейчас или...

— Послушай меня, черт возьми! — огрызаюсь я. — Либо мы оба покинем это место живыми, либо я умру здесь с тобой. Выбирай.

Полные вина и страха глаза встречаются с моим взглядом.

— Я не уйду отсюда без тебя, Алиса.

Понимая, что я не отступлю, она берет себя в руки и кивает.

— Хорошо.

Потянувшись через разделяющее нас пространство, я вслепую нащупываю место на проволоке, за которое можно зацепиться, глаза чертовски жжет, черный дым обволакивает горло и легкие.

— Немного выше, — выдыхает она.

Следую ее указке, настойчивость берет верх над бушующим жаром, охватывающим мою спину.

Проходит совсем немного времени, прежде чем я чувствую, как зацепился гвоздем за что-то.

— Получилось! — кричит Алиса.

Я начинаю притягивать ее ближе, перемещая всего на несколько дюймов за раз, преодолевая сопротивление шкива.

Едва я успеваю до нее дотянуться, как Нокс кричит с противоположной стороны:

— Брэкстен, держи ее!

Паника в его голосе заставляет меня оглянуться. Брат добрался до самой высокой платформы, а на другом ее конце стоит Дентон и с помощью ножа, который я в него метнул, перерезает трос.

Страх и отчаяние сталкиваются в шквале эмоций.

Нокс бежит к Дентону, но не успевает, — трос перерезан.

Отбросив доску, я тянусь к руке Алисы, но моя ладонь скользит из-за крови.

— Сукин сын.

Среди ревущего пламени на меня смотрят голубые глаза, пронзая сожалением, и Алиса все дальше и дальше выскользывает из моей хватки.

Как раз в тот момент, когда я уже готовлюсь последовать за ней в огонь, Нокс принимает поспешное решение. Он спрыгивает с платформы, в полете хватаясь за другой конец троса, его вес поднимает Алису достаточно высоко, чтобы я мог обхватить ее за талию.

— Бл*ть! — болезненный рев брата оглушительен, когда он понимает, что веревка обмотана колючей проволокой.

Я втаскиваю рыдающую Алису на платформу, хватая трос над ее запястьями, чтобы удержать брата от падения. Адреналин притупляет боль от острых шипов, впивающихся в ладонь.

Рев поражения Дентона разносится по пылающему сараю, взрываясь безумством ярости. Оглянувшись, вижу, как он перепрыгивает с платформы на платформу, направляясь прямо к нам, и тяжесть травм никак его не замедляет.

— Бл*ть! — Свободной рукой пытаюсь спешно развязать запястья Алисы, разрывая от усилий кожу на пальцах.

— Отпусти меня, — приказывает Нокс.

— Нет! — Сквозь обжигающий глаза дым сосредотачиваюсь на веревке.

Алиса помогает мне, через боль вытягивая истерзанные запястья из ослабевающих узлов.

— Вот так, детка. Почти все.

— Твою мать, Брэкстен! — снова рычит Нокс. — Я прыгаю.

— Нет, не надо! У меня есть план.

Как только руки Алисы свободны, наша платформа подпрыгивает от удара, когда на другом ее конце приземляется Дентон. Я отталкиваю Алису в сторону как раз в тот момент, когда он делает выпад, моя хватка на веревке слабеет, пока я изо всех сил стараюсь удержать Нокса в подвешенном состоянии.

Алиса быстро берется за веревку обеими руками, помогая мне, ее крики боли сливаются с треском пламени.

Мы с Дентоном вступаем в борьбу, свободной рукой я наношу несколько ударов, прежде чем обхватить его горло, а он тянется обеими руками ко мне.

— Ты не выйдешь отсюда живым, — рычит он, его зрачки расширены, звериный оскал в крови. — Даже если мне придется умереть здесь с тобой.

— Ты умрешь, ублюдок, но только в одиночку.

В тот момент, когда слова сдавленно слетают с моих губ, его плечо пронзает лезвие, Ноксу удается метнуть последний нож, который у него оставался.

Дентон в шоке ослабляет хватку, давая мне возможность, в которой я нуждаюсь.

По моему лицу скользит победоносная улыбка.

— Передай от меня привет Хоббсу, сукин сын. — Схватив колючую проволоку, обматываю ее вокруг шеи ублюдка и вздергиваю его вверх.

Острые как бритва шипы пронзают его горло, веса его тела достаточно, чтобы опустить Нокса на уровень ниже.

Мой брат держится до самой последней секунды, затем спрыгивает, сбрасывая ублюдка в огонь, его крики сгорают в вечности вместе с ним.

Алиса бросается ко мне, ее хрупкое тело трясется от облегчения.

Прижав ее к себе, я предлагаю ей лишь секунду утешения.

— Пойдем, детка. Надо убираться отсюда к чертовой матери.

Придерживая ее, поднимаюсь на ноги и ищу выход, но дверь объята пламенем, как и большая часть ветхого сарая.

Сквозь ревуший огонь снизу доносится грохот, привлекая мое внимание. Одна из боковых стен выбита снаружи, образуя пространство, достаточно большое для прохода.

Внутри протискиваются Джастис и Крейг, махая нам руками.

— Сюда, скорее!

Подбежав к другому концу платформы, вижу, что Нокс, ждет на платформе под нами, он тянет руки к нам, а позади него бушует огонь.

— Я поймаю ее, обещаю.

Без колебаний передаю Алису ему, наблюдая, как он принимает ее, словно хрупкое стекло и спускает Джастису.

Едва я перепрыгиваю к Ноксу, как платформа ломается, и мы падаем на покрытый пеплом пол. Всего на мгновение удар ошеломляет нас, но мы тут же откатываемся друг от друга, уворачиваясь от падающих обломков.

— Быстрее, времени в обрез! — приказывает Крейг.

Вскочив на ноги, мы прорываемся сквозь кольцо огня, убегая в темноту ночи.

Проникнувший в легкие чистый воздух, заставляет их работать сверхурочно. Я игнорирую жжение и забираю Алису у Джастиса, с облегчением падая на колени.

Она обвивает руками мою шею, ее хриплый кашель усугубляется судорожными рыданиями.

— Ты в безопасности, — бормочу я, успокаивая больше себя, чем ее. — Я с тобой.

Вдалеке воют сирены, когда я наблюдаю, как Джастис стискивает Нокса в медвежьих объятиях, кровь из его ран пропитывает их рубашки.

Крейг стоит над безжизненным трупом Пирса, глядя на внутренности, вывалившиеся из его тела. Цена, которую он должен был заплатить.

Цена, которую заплатит любой, кто причинит боль тем, кого мы любим.

Алиса

Просыпаться под звуки писка приборов — было не тем, с чем я надеялась столкнуться еще долгое время, или когда-либо вообще. И все же я снова здесь, в тускло освещенной больничной палате, мое тело благословенно онемело благодаря обезболивающим, которыми меня накачали.

Хотя разница между сегодняшним пробуждением и неделями назад в том, что мужчина, расхаживающий в углу маленькой палаты, больше не незнакомец. Он мужчина, которому я принадлежу всем сердцем и душой. Мужчина, который вместе со своими братьями рисковал всем, чтобы спасти меня. Несмотря на мою связь с монстром из их прошлого и мучителя из настоящего.

Мне было трудно осознать такое. Я всегда знала, что Андон был злым, но не мой отец, пока мне не пришлось расплачиваться за его грехи. Никогда больше я не смогу думать о нем как о любящем родителе, которого когда-то знала, память о нем для меня навсегда запятнана, ему нет прощения.

— Мне кажется, или это дежавю? — хриплю я, горло все еще саднит от такого количества дыма.

Брэкстен оборачивается на звук моего голоса, мука на его лице сменяется облегчением, и он бросается к кровати.

— Привет, Страна Чудес. — Он садится на стул рядом и берет мою раненую руку с капельницей, целуя забинтованное запястье. — Как ты себя чувствуешь?

— Как будто только что избежала смерти, — шучу я, надеясь разрядить обстановку.

Не получается.

Сожаление омрачает его лицо.

— Прости, что оставил тебя. Я должен был позволить тебе поехать с нами. Должен был...

— Перестань. — Я касаюсь его покрытого сажей лица. — Тебе не за что извиняться. Ты спас мне жизнь... снова.

Он качает головой, отказываясь принимать эти слова.

— Спас, — мягко возражаю я. — В конце концов, все и так шло к развязке. Я только сожалею, что это случилось, когда Ханна была со мной.

Его челюсть сжимается, видно, как под кожей пульсируют мышцы.

— Да, но Пирс дорого заплатил за это.

По коже пробегает холодок, когда я вспоминаю ужасный вид помощника шерифа возле сарая.

— Как Крейг справляется с этим?

Брэкстен пожимает плечами.

— Думаю, на себя он злится больше, чем на что-либо еще. Он всегда знал, что Пирс — коррумпированный сукин сын, но у него не имелось необходимых доказательств. Теперь они есть, но это больше не имеет значения, поскольку ублюдки оба мертвы и горят в аду, где им самое место.

Это наполняет меня чувством утешения, с моей груди спадает тяжкий груз, когда я знаю, что мне больше не нужно жить с постоянной оглядкой.

— А как там Нокс? — Я помню, чем он рисковал, когда прыгнул на другой конец троса. — С ним все в порядке?

— Да, с ним все хорошо. Его немного потрепало, но, если спросишь меня, это только усиливает его образ крутого зарсанца, который ему так нравится поддерживать, — шутит он с ухмылкой.

Я смеюсь, чувствуя в груди болезненный отклик, но смех быстро превращается в рыдания, когда я думаю о том, сколько людей пострадало из-за этого.

Брэкстен наклоняется ближе, давая мне возможность обвить руками его шею.

— Мне так жаль, что он причинил вам боль. Что они оба причинили вам всем такую сильную боль.

Мне не нужно уточнять, о каком другом человеке я говорю, Брэкстен знает.

— Я бы прошел через все это снова, если бы это означало найти тебя.

Красота его признания только усиливает мои эмоции. Наверное, потому, что я тоже еще раз прошла бы через все это, если бы это означало оказаться здесь, с ним.

— Он мертв, Алиса. Больше ему не навредить тебе. Никому и никогда больше не навредить тебе. — Его губы касаются моей щеки, смахивая поцелуями слезы, его прикосновения и слова исцеляют каждую нанесенную мне рану.

Стук в дверь заставляет нас оторваться друг от друга. Вытирая слезы со щек, я оглядываюсь и улыбаюсь при виде медсестры Линды в дверном проеме.

— Смотрите-ка, кто проснулся. — Ворвавшись в палату, она теснит Брэкстена в сторону и обнимает меня, прикасаясь так же нежно, как обычно. — Я так волновалась о тебе. Как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке... благодаря Брэкстену, — добавляю я, бросая взгляд в его сторону.

Линда отстраняется, переводя взгляд между нами.

— Ладно, значит, я ошибалась. Очень ошибалась, — признает она. — И чрезмерно этому рада.

— Я тоже, — отвечаю я с улыбкой.

— Слушай, я не могу долго задерживаться, мне нужно в другое отделение, но перед этим мне хотелось поведать тебя. Сегодня дежурит доктор Картер. Скоро он придет осмотреть тебя.

— Спасибо.

Она ласково касается моей щеки.

— Скоро наступит день, когда мы, наконец, выпьем тот кофе.

— Жду с нетерпением.

Перед тем как выйти, Линда поворачивается к Брэкстену.

— Берегите ее, мистер Крид. И себя.

После его кивка она выходит из палаты, снова оставляя нас с Брэкстеном наедине.

Он поворачивается ко мне со своей очаровательной ухмылкой.

— Я же говорил, что она влюблена в меня.

Из меня вырывается очередной смешок, на этот раз вызывая болезненный приступ кашля.

— Черт, прости. — Брэкстен передает мне с тумбочки возле кровати стакан воды. — Я не должен заставлять тебя смеяться.

Сделав большой глоток, возвращаю стакан обратно и откидываюсь на подушки.

— Но я люблю смеяться, особенно с тобой.

Выражение его лица смягчается.

— И что теперь? — спрашиваю я, теряясь в догадках относительно моего будущего. Я столько лет жила в страхе, терпя наказания за грехи отца, что уже не знаю, что есть нормальность, но знаю, что хочу обрести ее вместе с Брэкстеном.

— Теперь мы вернемся домой и заживем так, как нам всегда было предназначено. — Его ответ согревает теплом мое сердце и вызывает на моем лице улыбку.

— И как же это?

— С тобой в моих объятиях на веки вечные.

Брэкстен

Под звуки блюза, льющегося из уличных динамиков в этот необычайно теплый осенний день, мы собираемся на воскресный ужин на заднем дворе. Отец с Гвен стоят у гриля, пока мы с братьями потягиваем пиво и наблюдаем, как Ханна, Райан и Алиса играют в крокет. О чем племянница постоянно просит в последнее время.

По какой-то причине малышка без ума от этого занятия. Лично я считаю его чертовски скучным, но нельзя отрицать, как я обожаю наблюдать, как Алиса смеется и радуется, когда надирает задницу своим соперникам. Теперь я привык видеть ее улыбку чаще, что мне нравится. Так она и должна жить.

Счастливой, в полном здравии и принадлежать лишь мне.

Вот почему я не терял времени даром, когда дело дошло до того, чтобы сделать ее своей женой. Это произошло вскоре после возвращения домой из больницы. Мы провели небольшую церемонию на ферме в кругу семьи и близких друзей, среди которых были Крейг и Линда.

Нас окружал вихрь хаоса, но я отказывался ждать дольше, потому что с того момента, как нашел ее, я знал, что буду с ней вечно.

Теперь я жду того дня, когда Алиса будет вынашивать моего ребенка, над чем мы усердно трудимся. Мы оставили это на волю судьбы, поскольку она еще ни разу меня не подводила.

Алисе также все еще требуется время, чтобы исцелиться, как физически, так и эмоционально. Я знаю, что некоторые раны останутся на всю жизнь, но каждую секунду каждого дня я буду лелеять их.

Тем не менее, моя жена уже прошла долгий путь за такой короткий промежуток времени. Мы даже постоянно спорили из-за того, что она устроилась на гребаную работу.

Ей не нужно работать, потому что я позабочусь о ней. Я также прекрасно знаю, что единственная причина, по которой она настаивает на этом, — потому что считает себя обязанной мне, и это самая чертовски нелепая мысль на свете.

В конце концов, мы пришли к соглашению, что она будет чаще помогать моему отцу на ферме. Он учил ее дрессировать лошадей, и ей это нравилось до безумия. Он даже подарил ей Лилу. Сказал, что у них есть связь, не похожая ни на какую, что он когда-либо видел раньше, и эта лошадь должна принадлежать Алисе.

Клянусь, иногда она проводит с животным больше времени, чем со мной, но я не могу обижаться из-за этого. Не тогда, когда она так счастлива.

— Только что поступил еще один контракт, — говорит Джастис, читая сообщение со своего телефона. — На этот раз сроки сжатые.

— Правительство? — спрашиваю я.

Он кивает.

Они всегда дают нам мало времени, но и платят дохрена, так что я не жалуюсь.

— Вечером могу заняться этим, — предлагает Нокс.

— Конечно, можешь перед сном засесть в пижамке за стол и начать конструировать, раз теперь ты живешь в сарае, — шучу я, но только наполовину. С тех пор как Гвен переехала к отцу, Нокс работает всю ночь напролет, прежде чем под утро завалиться спать на диван.

Я несколько раз говорил ему, что он может вернуться в свою спальню. Даже Алиса пыталась его убедить, но он настаивал, что ему хорошо в оружейном сарае. Это одна из причин, по которой я ускорился в строительстве на участке земли, который выделил мне отец. Так гостевой дом останется в распоряжении Нокса.

— На самом деле, я кое о чем хотел поговорить с вами. — Перемена в голосе Нокса меняет легкость момента.

— О чем? — спрашивает Джастис.

— Мне поступило предложение снова выйти на поле боя.

Откровение повергает меня в шок.

— Какое еще предложение? О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Вчера мне позвонили. Предложение касалось нас троих, но я сказал им, что вы точно вне игры. — Его взгляд прикован к своим рукам, в которых он вертит бутылку пива.

— Только мы? — Джастис спрашивает намного спокойнее, чем я себя чувствую. — Я думал, мы все согласились больше не выполнять задания.

— Я знаю, но с тех пор все изменилось. — В его словах не кроется ни гнева, ни обиды, просто факт.

— А как же то, что у нас здесь происходит? — спрашиваю я, изо всех сил пытаюсь хоть как-то принять новость.

— Я бы не уезжал надолго. Все равно вносил бы свою лепту, когда бывал дома.

Глядя на его опущенную голову, я не верю тому, что слышу. Разлука друг с другом ненавистна для нас всех, но особенно для Нокса.

— Не понимаю, брат. Откуда такие мысли?

Он пожимает плечами.

— Ниоткуда. Я просто подумал, что мне бы пошло на пользу принять предложение. Мне нужно привыкнуть к большей самостоятельности и дать вам, парни, немного пространства со своими семьями.

— К черту пространство, — парирую я, не в силах больше сдерживать чувств по поводу этого разговора. — Кому, нахрен, нужно пространство? Мне — точно нет.

— И мне, — добавляет Джастис.

Нокс хранит молчание. Хотя я не уверен, потому ли это, что он нам не верит или не хочет верить.

— Слушай, Нокс. Если рассматриваешь это предложение, потому что действительно хочешь вернуться на поле боя, тогда давай обсудим это, — говорит Джастис. — Но, ни за что на свете, ты не будешь делать этого в одиночку. У нас уговор. Мы всегда держимся вместе.

Он качает головой.

— Я просто размышлял. Если не хотите, чтобы я принимал предложение, тогда я не буду.

— Я не хочу, чтобы ты его принимал, — без колебаний говорю я.

— Хорошо, я его не приму.

— Вот и прекрасно!

Наступает неловкий момент молчания, прежде чем я его нарушаю.

Схватив рукой его сзади за шею, притягиваю ближе.

— Вот что я тебе скажу: больше не говори нам такого дерьма, а я не скажу, что ты проектируешь оружие в пижамке. У тебя нет никаких причин так переживать по этому поводу.

Он игриво толкает меня.

— Отвали от меня нах*й.

Мы с Джастисом посмеиваемся, но, несмотря на легкость момента, нельзя отрицать, насколько тревожным был этот разговор, не говоря уже о том, что брат обдумывал это предложение.

Некоторые аспекты наших отношений, возможно, изменились, но одна вещь остается неизменной, — это наша любовь и верность друг другу. Я никогда не смирюсь с мыслью о его уходе, и Джастис тоже. Мы все еще нуждаемся в нем так же сильно, как он нуждается в нас.

— Эй, вы все, — кричит отец. — Идите за стол. Ужин готов.

Девочки бросают молотки и во главе с моей племянницей направляются к нам.

Я задерживаю свой взгляд на моей женщине, когда она смеется над чем-то, что говорит ей Райан, и беспокойство, испытанное несколько мгновений назад, ослабевает. Послеполуденное солнце усиливает ее красоту, вытворяя всякую хрень с органом в моей груди. Алиса всегда так на меня воздействовала, но с тех пор, как стала моей женой, это чувство только усилилось.

На ее лице появляется застенчивая улыбка, когда она ловит мой трахающий ее взгляд, и от этого у меня тут же встает.

— У тебя проблемы с тем, чтобы пялиться на людей, дядя Брэкс? — кричит Ханна, когда они приближаются, очевидно, тоже замечая мой пристальный взгляд.

Братья смеются.

Я кошусь на Джастиса.

— У твоего ребенка длинный язык.

Он хмыкает.

— Интересно, от кого она этому нахваталась.

Я не могу отрицать этот намек.

Встав, прыгиваю с террасы, затем наклоняюсь и хватаю Ханну за ногу, подвешивая вниз головой.

Она визжит и неудержимо смеется, когда я встряхиваю ее.

— Да, когда дело касается моей жены. У тебя с этим какие-то проблемы, коротышка?

— Может, да, а может, и нет, — отвечает она, не пасуя передо мной.

Я поднимаю ее еще выше, чтобы перевернутая мордашка оказалась на одном уровне с моим лицом.

— Ты только что заработала себе место в куче лошадиного дерьма, малышка.

Она визжит, когда я направляюсь к сараю.

— Пожалуйста, не надо, — задыхаясь из-за все увеличивающегося живота, умоляет Райан. — Я не в настроении смывать лошадиные какашки со своей дочери.

Я осматриваю племянницу с головы до ног.

— Спасена своей мамочкой.

Перевернув ее обратно, держу в своих объятиях.

— И поцелуем, — добавляет она, чмокая меня в щеку.

Девчонка хороша, надо отдать ей должное.

Спустившись на землю, она бежит, чтобы занять место за столом.

— Я сижу рядом с папой Тэтчером!

Переведя внимание на Алису, протягиваю ей руку.

— Можно мне сесть рядом с тобой, Страна Чудес?

Румянец окрашивает ее щеки.

— А ты будешь хорошо себя вести?

— Не с тобой, — рычу.

— Типичный ответ Крида, — смеется Райан, поднимаясь по лестнице во внутренний дворик.

Алиса кладет свою руку в мою ладонь.

— Я бы никогда не села рядом с кем-то другим, Брэкстен Крид.

Всякий раз, когда она говорит подобную хрень, мне хочется утащить ее задницу домой и зарыться в нее до конца ночи. Решаю так и сделать, как только ужин закончится.

Мы направляемся к столу и занимаем свои места, Алиса с легкостью садится рядом с Ноксом, в то время как я устраиваюсь по другую сторону от нее. Брат наполняет ее стакан лимонадом, что уже не редкость.

Это приносит ему благодарную улыбку и толчок в плечо со словом «спасибо».

Такое общение может выглядеть нормальным для большинства, но для меня оно чрезвычайно важно. Брат ни с кем, кроме нашего отца, Джастиса и меня, не завязывал никаких отношений, особенно с женщинами. Все изменилось с появлением нашей племянницы, и хотя они с Райан нашли общий язык, это не похоже на то, что у них есть с Алисой.

Что бы ни случилось, это заставило брата увидеть ее такой, какой ее всегда видел я: что ей суждено быть здесь, с нами. Хотя я бы не сказал, что он доверяет ей безоговорочно, но у них сложились отношения, которых у него еще не было ни с кем за пределами нашего круга, и это значит для меня всё. Это просто другой способ, которым я смог поделиться ей с ним, не переходя границ.

Как только мы начинаем расставлять тарелки, отец встает и прочищает горло.

— Прежде чем мы приступим к ужину, я хотел бы сделать объявление.

За столом воцаряется тишина, мы с братьями переглядываемся, гадая, что, черт возьми, происходит.

Отец тянется к Гвен, заставляя ее встать рядом с ним.

— Я попросил Гвен стать моей женой, и она согласилась.

Всех присутствующих за столом охватывает волнение, заставляя повскакивать со своих мест. Райан и Алиса бросаются обнимать Гвен, в то время как мы с братьями направляемся к отцу.

— Поздравляю, папа, — первым говорит Джастис, хлопая отца по плечу.

— Давно пора, черт возьми, — подкалываю я.

— И не говори, парень, — усмехается он.

Нокс протягивает руку последним.

— Рад за тебя, папа.

Несмотря на его жест, мы знаем, что это очередная перемена для нашего брата. После недавнего разговора я еще больше беспокоюсь о том, к чему может привести новое изменение.

— Спасибо, сынок. Это много значит для меня. Надеюсь, вы, мальчики, будете рядом со мной в этот день.

— Мы бы его не пропустили, — уверяет Джастис.

Ханна прыгает в объятия нашего отца, обнимая его за шею.

— Я тоже рада за тебя, папа Тэтчер. Ты заслуживаешь самой лучшей, самой величайшей любви всех времен.

— Ох, милая Ханна Джей, — голос моего отца становится хриплым от эмоций. — Бо уже благословил меня лучшей из лучших.

— Конечно, — соглашается она. — А мне можно на свадебную вечеринку? Вокруг нас раздаются смешки.

— Безусловно, — заверяет ее Гвен. — Для тебя у нас припасена особая роль.

— Все, что вам нужно, я готова, — говорит она, тыча большим пальцем себе в грудь.

Мы снова занимаем свои места и приступаем к ужину, заводя беседу о свадьбе. Судя по всему, отец планирует выложиться по полной, чего они оба заслуживают после того, через что им пришлось пройти, чтобы быть вместе.

Я смотрю на все увеличивающуюся семью, собравшуюся вокруг меня, и понимаю, как далеко мы все продвинулись. Это заставляет меня задуматься о мудрых словах, которыми отец однажды поделился с нами троими, когда мы только-только у него поселились.

Всех нас однажды ждет своя судьба, но иногда для того, чтобы добраться до нее, нам приходится выдерживать жизненные штормы, после которых мы сможем танцевать под дождем.

Глядя на женщину рядом со мной, эти слова приобретают совершенно новый смысл. После всего, через что я прошел, чтобы не только обрести отца и братьев, но теперь и жену, я знаю, что сто раз пережил бы ад, если бы это означало оказаться здесь, со всеми, кого я люблю больше всего на свете.

Алиса поворачивается ко мне и замечает, что я наблюдаю за ней, ее счастье за моего отца и Гвен неоспоримо.

— Эй, ты в порядке? — спрашивает она.

— Да, Страна Чудес. Я в порядке.

— Хорошо, я тоже.

Улыбнувшись, она целует меня, прежде чем вернуться к разговору с Гвен и Райан об идеях свадебных платьев. Не прерывая обсуждения, она наполняет почти пустой стакан Нокса, в то время как брат продолжает спокойно ужинать.

Я всегда знал, что Алиса идеальна не только для меня, но и для моей семьи, и она всегда будет ощущать одну очень важную вещь.

Бескорыстную любовь.

Именно ее отец дарил нам с братьями с того дня, как нашел прячущимися в его амбаре, и с того дня, как я надел Алисе на палец кольцо, только это она и будет получать.

Это и значит быть Кридом.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net